

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

На правах рукописи

Мельникова Ксения Александровна

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ
ДИСКРИМИНАЦИОННО МАРКИРОВАННЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ
В МЕДИАДИСКУРСЕ**

(на материале англо- и русскоязычных медиаисточников)

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Владимир Николаевич Бабаян

Ярославль

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ	
В МЕДИАДИСКУРСЕ	18
1.1. Различные подходы к определению понятия «дискурс»	19
1.1.1. Медиадискурс как один из основных типов дискурса.....	24
1.1.2. Способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе.....	28
1.1.3. Критический дискурс-анализ медиадискурсивного контента.....	34
1.2. Лингвопрагматическая нейтрализация как лингвистический, социокультурный и коммуникативный феномен	38
1.2.1. Различные подходы к изучению понятия «нейтрализация».....	39
1.2.2. Предпосылки к изучению явления нейтрализации.....	43
1.2.3. Развитие концепции явления нейтрализации во второй половине XX в.....	45
1.2.4. Лингвопрагматический аспект нейтрализации.....	54
1.2.5. Причины возникновения дискриминационно маркированных языковых средств	60
1.2.6. Модификации коннотативных компонентов понятия как проявление лингвопрагматической нейтрализации лексической единицы.....	63
1.2.7. Этапы лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в медиадискурсе.....	68
1.2.8. Лингвистические инструменты осуществления нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе.....	73
Выводы по Главе 1.	79

Глава 2. НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКРИМИНАЦИОННО МАРКИРОВАННЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	85
2.1. Основные номинативные области дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе.....	85
2.2. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств номинативной области «Расовая и этническая принадлежность».....	88
2.3. Лингвопрагматическая нейтрализация языковых средств номинативной области дискриминации «Гендерная принадлежность».....	94
2.3.1. Изменения языковых средств под влиянием нейтрализации на морфологическом уровне.....	98
2.4. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств номинативной области «Дискриминация по внешнему облику».....	118
2.5. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств номинативной области «Дискриминация по физическому и психическому состоянию».....	125
2.6. Лингвопрагматическая нейтрализация языковых средств номинативной области дискриминации «Социальное неравенство».....	133
2.7. Лингвопрагматическая нейтрализация языковых средств номинативной области дискриминации «Дискриминация по возрасту».....	139
2.8. Специфика использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в	

англоязычном медиадискурсе по номинативным областям дискриминации.....	143
2.9. Специфика использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в русскоязычном медиадискурсе по номинативным областям дискриминации.....	153
2.10. Универсальные и национально-специфические особенности использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе	161
Выводы по Главе 2.	166
Заключение.....	169
Список литературы.....	177
Список источников исследования.....	209
Приложение.....	218

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено определению, описанию и систематизации основных структурных, лингвопрагматических, универсальных и национально-специфических особенностей явления нейтрализации и дискриминационно маркированных языковых средств с точки зрения изменения их основных структурных и семантических компонентов, а также выявлению основных инструментов осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в современном англо- и русскоязычном медиадискурсе.

Лингвопрагматическая нейтрализация представляет собой феномен исключения из коммуникативного употребления оппозиционно маркированных лексико-семантических и стилистических языковых средств. Явление лингвопрагматической нейтрализации – это коммуникативный феномен, существование которого присуще всем лингвокультурам, изучению которого не уделялось должного внимания на протяжении последних лет. Тем не менее, явление лингвопрагматической нейтрализации является неотъемлемой частью функционирования общества и способствует осуществлению успешной коммуникации.

Полагаем, что в условиях осуществления межкультурной коммуникации, лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств может быть определена в качестве одной из основных тенденций развития социальных взаимодействий.

Активное функционирование и широкое распространение данного явления отмечают отечественные (В. И. Карасик, Н. С. Трубецкой, О. Д. Пастухова, В. С. Григорьева, Е. В. Кипрская, А. А. Григорян, М. Р. Желтухина и др.) и зарубежные (E. Coseriu, M. DeGroot, N. Fairclough, L. Hjelmslev, B. Staib, A. Zulficar и др.) лингвисты.

Социокультурное и интеллектуальное развитие общества достигло определенного уровня, определившего предпосылки для возникновения интереса

к изучению языка не только как системы знаков, но и с позиций коммуникативных взаимодействий между участниками коммуникации, что, в свою очередь, определило интерес исследователей к явлению лингвопрагматической нейтрализации.

Особый интерес представляет лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе, наиболее полно демонстрирующая не только отношение одних социальных групп к другим, но и взаимоотношения между представителями одной социальной группы. Однако следует отметить, что динамичность явления лингвопрагматической нейтрализации затрудняет типологизацию медиадискурсивных языковых средств и приводит к появлению неоднородной системы их классификации.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем фактом, что явление лингвопрагматической нейтрализации характерно для рассматриваемых в настоящей работе лингвокультур, поскольку именно использование нейтрализованных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе позволяет реализовать разнообразные функции, начиная от создания комфортной коммуникативной ситуации и заканчивая всевозможными языковыми трансформациями, целью которых является устранение дискриминационной маркированности языковых средств, стремление избежать даже невольного оскорбления представителей различных социальных групп, намерение имплицитно донести какую-либо информацию и т. д.

Степень изученности научной проблемы. На сегодняшний день лингвопрагматическая нейтрализация как языковое и социокультурное явление, претерпевающее постоянные модификации в условиях меняющейся социокультурной ситуации, исследовано недостаточно. Несмотря на высокую частотность использования нейтрализованных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе и повседневной разговорной речи, типологические аспекты данного лингвистического явления все еще остаются недостаточно изученными и вызывают полемику.

В частности, вызывает интерес использование нейтрализованных дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе, в то время как в повседневной разговорной речи используются как нейтрализованные, так и дискриминационно маркированные языковые средства.

Кроме того, современные исследователи полагают, что культура, социополитические и социоэкономические факторы оказывают огромное влияние на язык, поэтому изучение языка необходимо осуществлять с позиций междисциплинарности. Данный подход к изучению языка позволяет значительно расширить области исследования культурно обусловленных лингвистических явлений, к которым может быть отнесена лингвопрагматическая нейтрализация. Тем не менее, лингвопрагматические особенности нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе, а также средства ее осуществления остаются недостаточно исследованными и требуют дальнейшего изучения.

Наконец, необходимо отметить отсутствие специальных научных работ, посвященных системному исследованию явления лингвопрагматической нейтрализации в английской и русской лингвокультурах. Недостаточно изученным является также вопрос о социальном коммуникативном взаимодействии представителей различных социальных групп с точки зрения использования ими нейтрализованных и дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе и повседневной разговорной речи.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые выявляются, систематизируются и описываются универсальные (общие) и национально-специфические особенности явления нейтрализации, реализующие свои функции в английской и русской лингвокультурах. При этом детерминируются такие аспекты рассматриваемого явления, как:

– анализ способов реализации коммуникативного воздействия в англо- и русскоязычном медиадискурсе;

– анализ структуры явления лингвопрагматической нейтрализации с позиций различных областей языкознания (морфология, семантика, стилистика, прагматика);

– исследование факторов, влияющих на возникновение лингвопрагматической оппозиции;

– определение этапов осуществления лингвопрагматической нейтрализации;

– выделение основных номинативных областей употребления дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе;

– определение основных инструментов осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе;

– выявление универсальных и национально-специфических особенностей лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе.

Научная гипотеза исследования заключается в том, что анализ механизма осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в русско- и англоязычном медиадискурсе, а также определение основных инструментов лингвопрагматической нейтрализации способствуют выявлению ряда присущих им универсальных и национально-специфических семантических характеристик, структурных и стилистических особенностей в обеих лингвокультурах.

Объектом исследования является современный англо- и русскоязычный медиадискурс.

Предметом исследования выступает лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе.

Цель диссертационной работы заключается в анализе механизма лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе, определении

основных инструментов лингвопрагматической нейтрализации с точки зрения изменения основных структурных и семантических компонентов дискриминационно маркированных языковых средств.

Для достижения поставленной цели в работе ставятся **следующие конкретные задачи:**

- рассмотреть феномен медиадискурса как одного из основных типов дискурса;

- дать характеристику таким основным понятиям, определяющим объект исследования, как лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств, лингвопрагматическая оппозиция, дискриминационная маркированность, дискриминация, коннотативный компонент;

- систематизировать семантические, структурные, стилистические и лингвокультурные характеристик дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе;

- определить основные номинативные области использования дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе;

- выявить дискриминационно маркированные языковые средства в современных англо- и русскоязычных медиадискурсивных источниках и провести их компонентный и семантический анализ;

- определить лингвопрагматические особенности и наиболее продуктивные инструменты осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в современном англо- и русскоязычном медиадискурсе;

- выявить универсальные и национально-специфические особенности использования дискриминационно маркированных языковых средств в современном англо- и русскоязычном медиадискурсе.

В соответствии с поставленными задачами в работе применены следующие **методы и приемы исследования:** метод сплошной выборки языкового

материала, приемы классификации и систематизации, метод лингвистического описания, метод компонентного анализа, метод контрастивного анализа, метод функционального и контекстуального анализа, лингвокультурологические методы (дефиниционный анализ и метод семантической интерпретации), статистическая обработка материала и формализованные приемы представления результатов (таблицы, диаграммы, схемы), метод критического дискурс-анализа.

Эмпирическим материалом исследования является корпус англо- и русскоязычных медиадискурсивных контекстов, содержащих нейтрализованные дискриминационно маркированные языковые средства, сформированный методом сплошной выборки (авторская картотека включает **более 1500** медиадискурсивных контекстов) с Интернет – сайтов, из которых более 1300 – англоязычные и более 200 – русскоязычные). В качестве источников англоязычных медиадискурсивных контекстов использованы сайты <https://guardian.co.uk>, <http://nytimes.com>, <https://hollywoodreporter.com> и др. В качестве источников русскоязычных контекстов использованы сайты <https://kp.ru>, <https://iz.ru>, <https://gazeta.ru> и др.

Достоверность и надежность данных, полученных в ходе исследования, обеспечивается методологической обоснованностью, адекватностью методов исследования объекту, предмету, целям и задачам работы, комплексным характером исследования, репрезентативностью и достаточной выборкой эмпирического языкового материала.

Теоретической основой исследования являются научные концепции, разработанные в рамках приведенных научных дисциплин и направлений:

– *теория дискурса и дискурс-анализ* (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Бабаян, Э. Бенвенист, В. Г. Борботько, Л. А. Борботько, А. А. Григорян, К. М. Денисов, В. И. Жельвис, Ю. Н. Караулов, А. Е. Купцов, М. Л. Макаров, В. Н. Степанов, Л. А. Тюкина, Т. А. van Dijk, S. Titscher, R. Wodak и др.);

– *медиадискурс* (В. Н. Бабаян, М. Н. Володина, Т. Г. Добросклонская, М. Р. Желтухина, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, Е. А. Кожемякин, О. А. Леонтович,

Н. Н. Оломская, В. Н. Степанов, Л. В. Ухова, А. Bell, Т. А. van Dijk, N. Fairclough, R. Fowler, К. О’Halloran, Р. White, J. Willis и др.);

– *теория нейтрализации* (Л. М. Васильев, В. Г. Руделев, Е. А. Свиридова, Н. С. Трубецкой, Ю. В. Филимонова, Д. Н. Шмелев, А. Cruse, J. Coseriu, S. Davies, J. Dubois, R. Fowler, W. Grudem, L. Hjelmslev, R. Jakobson, F. J. Klein, M. Ruipérez, S. Schaumyan, В. Staib, G. Rappoport, J. Timmermann, В. Trnka и др.);

– *лингвокультурология и межкультурная коммуникация* (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, Г. М. Вишневская, В. И. Жельвис, В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, С. Г. Тер-Минасова, Е. В. Шляхтина, R. Brasington, N. Fairclough, J. Gundel, М. А. Halliday, D. Hofstadter, J. Rodney и др.);

– *социолингвистика и лингвопрагматика* (В. Н. Бабаян, О. Э. Байкова, Р. Барт, Л. А. Борботько, Е. М. Верещагин, А. А. Григорян, В. И. Жельвис, А. Е. Купцов, А. Н. Леонтьев, В. Н. Телия, Д. Н. Шмелев, J. Coseriu, С. Levinson, В. S. Lopez, E. Nida, E. Stankiewicz и др.);

– *семантика* (Ю. Д. Апресян, И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, Л. М. Васильев, А. А. Григорян, К. М. Денисов, А. Ю. Кудрявцев, Л. А. Тюкина, А. Bell, D. Crystal, Н. А. Rawson, В. Staib и др.);

– *лексикология и стилистика* (И. В. Арнольд, В. Н. Бабаян, Е. Б. Борисова, И. А. Воронцова, В. Д. Девкин, А. Е. Купцов, Л. П. Крысин, Н. Д. Миловская, П. В. Середа, D. Crystal, D. Hofstadter, С. Lehmann, J. Lyons и др.).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что основные положения и результаты исследования способствуют решению вопросов, связанных с систематизацией типологических семантических, структурных и лингвопрагматических характеристик явления нейтрализации, определению инструментов осуществления лингвопрагматической нейтрализации в англо- и русскоязычном медиадискурсе. Материалы и выводы исследования вносят определенный вклад в исследование теории языка и дискурса.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они могут быть использованы в теоретических курсах по общему языкознанию, лексикологии и стилистике английского и русского языков, а также

при проведении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам современной дискурсологии и лингвопрагматики. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при написании курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций, а также в научно-исследовательской работе аспирантов. Основные положения и выводы проведенного исследования могут найти применение в практике при составлении лексикографических материалов (справочники, словари и др.).

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены в докладах на следующих научных конференциях: международная конференция «Чтения Ушинского. Язык и общество: диалог культур и традиций» (Ярославль, 2021, 2022 гг.); международная конференция «Лингвистика и лингводидактика в вузе: традиционные и инновационные подходы» (Ярославль, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023 гг.); V Международная научная очно-заочная конференция «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования» (Краснодар, 2020 г.); VIII Международная научно-практическая конференция «Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам» (Брянск, 2021 г.); Международная научная конференция “Conferencia Cientifica Internacional Invitacion al Mundo Ruso: Lecturas Cientificas” (Cuba, Ciego de Avila, 2021, 2022); IX международная научно-практическая конференция «Межкультурная коммуникация и лингводидактические аспекты» (Новосибирск, 2021 г.); Международный научный форум «Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта» (посвященный Всемирному дню науки за мир и развитие) (Москва, 2021 г.); II Международная научно-практическая конференция «Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития» (Пинск, Белоруссия, 2021 г.); XXI Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию учреждения образования «Белорусский государственный медицинский университет» и 60-летию обучения иностранных граждан в Беларуси (Минск, Белоруссия, 2022 г.). Основное содержание диссертационного исследования отражено в 20 научных

работах (13 п. л.), из них 6 статей в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ; монография; статьи и материалы докладов международных и всероссийских конференций.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют паспорту специальности 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, в частности, следующим областям исследования:

п. 4. Исследование языка, мышления и познания методами психолингвистики, нейролингвистики и когнитивной лингвистики;

п. 7. Социальная вариативность языка. Исследование языковых ситуаций и языковых явлений методами социолингвистики;

п. 8. Язык в контексте культуры. Исследование языка с использованием методов культурологии, этнологии и антропологии;

п. 9. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста;

п. 11. Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов;

п. 12. Исследование уровневой структуры языка, взаимодействия уровней и модулей в моделях языка:

- Теоретические проблемы фонетики и фонологии. Графика и системы письменности

- Теоретические проблемы морфологии

- Теоретические проблемы синтаксиса

- Теоретические проблемы исследования грамматических категорий и грамматических значений

- Теоретические проблемы текста и дискурса;

п. 19. Исследования диахронической эволюции языков. Диахронические аспекты фонологии, морфологии и синтаксиса. Этимология. Диахроническая семантика;

п. 21. Математическая и квантитативная лингвистика. Применение статистических методов в лингвистике;

п. 25. Теоретические проблемы речевого воздействия. Риторика;

п. 26. Теоретические проблемы юрислингвистики, политической лингвистики и языка средств массовой информации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Возникновение явления лингвопрагматической нейтрализации обусловлено скорее экстралингвистическими, нежели лингвистическими факторами. С лингвистической точки зрения лингвопрагматическая нейтрализация представляет собой исключение (замену) из коммуникативного употребления оппозиционально маркированных лексико-семантических и стилистических языковых средств. Использование нейтрализованных языковых средств способствует осуществлению успешной коммуникации. Несмотря на то, что явление лингвопрагматической нейтрализации характерно и для речевой коммуникации, в медиадискурсе его проявления наиболее частотны.

2. Наличие лингвопрагматической оппозиции является основным признаком осуществления лингвопрагматической нейтрализации. Определяя наличие лингвопрагматической оппозиции, необходимо учитывать прагматический (коннотативный) компонент понятия, поскольку именно данный компонент наиболее часто функционирует в качестве маркированного/ немаркированного члена оппозиции и подвергается нейтрализации, в то время как денотативный (денотат) компонент понятия остается неизменным. Однако использование семантических единиц, получающих свою функциональную ценность от системных, парадигматических оппозиций, в которых они участвуют, может быть отменено в контексте дискурса.

3. Лингвопрагматическая оппозиция представляет собой не просто противоположные по смыслу языковые единицы; она так или иначе содержит в себе неопределенный спектр положительно, отрицательно и нейтрально маркированных денотатов, сигнификатов и коннотатов понятий, прагматика которых определяется дискурсивными факторами и коммуникативной ситуацией.

4. Лингвопрагматическая нейтрализация однонаправленна, т. е. немаркированный член оппозиции может нейтрализовать маркированный член оппозиции. В случае нейтрализации один из членов лингвопрагматической оппозиции обозначает то, что является общим для обоих членов нейтрализуемой оппозиции, таким образом, включая в себя и другой член оппозиции.

5. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств носит поэтапный характер.

6. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств наиболее характерна для следующих номинативных областей употребления нейтрализованных языковых средств: *«Расовая и этническая принадлежность»*, *«Гендерная принадлежность»*, *«Дискриминация по внешнему облику»*, *«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»*, *«Социальное неравенство»*, *«Дискриминация по возрасту»*.

7. Основными инструментами осуществления лингвопрагматической нейтрализации являются: *эвфемизация понятий*, *морфологические изменения*, *модификация местоимений (гендер)*, *редукция дискриминирующих сем.*

8. Нейтрализованные дискриминационно маркированные языковые средства служат основой осуществления успешной коммуникации. Под лингвопрагматическими особенностями нейтрализованных дискриминационно маркированных языковых средств понимается их воздействие на адресата (слушателя), которое прослеживается в медиадискурсивных источниках либо эксплицитно (явно), либо имплицитно (неявно). Лингвопрагматика является связующим звеном между социолингвистикой и лингвостилистикой, поэтому выявление лингвопрагматических особенностей нейтрализованных дискриминационно маркированных языковых средств представляется интересной и решаемой задачей.

Структура диссертационного исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и приложения. К работе

прилагаются список литературы (290 наименований, в том числе 83 на иностранном языке), список источников исследования.

Во **введении** обосновывается выбор темы, объекта и предмета исследования, определяется его актуальность и научная новизна, формулируются цель, задачи и научная гипотеза исследования, дана общая характеристика материалов и источников исследования, указаны методы и приемы анализа, аргументируется теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся положения, выносимые на защиту, излагается структура диссертации.

Первая глава – «Лингвопрагматическая нейтрализация в медиадискурсе» – включает 2 раздела. Раздел 1 – «Различные подходы к определению понятия «дискурс» (1.1.) определяет медиадискурс как один из основных типов дискурса (1.1.1.); исследует способы реализации коммуникативного взаимодействия в медиадискурсе (1.1.2.); характеризует дискурс-анализ в качестве основного вида анализа медиадискурсивного контента (1.1.3.). Раздел 2 – «Лингвопрагматическая нейтрализация как лингвистический, социокультурный и коммуникативный феномен» (1.2.) – включает 8 параграфов и исследует различные подходы к изучению понятия нейтрализации (1.2.1); предпосылки к изучению явления нейтрализации (1.2.2.); развитие концепции явления нейтрализации во второй половине XX в. (1.2.3); лингвопрагматический аспект нейтрализации (1.2.4); причины возникновения дискриминационно маркированных языковых средств (1.2.5); модификацию коннотативных компонентов понятия как проявление лингвопрагматической нейтрализации лексической единицы (1.2.6); этапы лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в медиадискурсе (1.2.7); инструменты осуществления нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе (1.2.8).

Вторая глава – «Национально-специфические особенности дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе» – состоит из десяти разделов и определяет основные номинативные области дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе (2.1.); рассматривает случаи

лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в номинативных областях: «Расовая и этническая принадлежность» (2.2.); «Гендерная принадлежность» (2.3.); «Дискриминация по внешнему облику» (2.4.); «Дискриминация по физическому и психическому состоянию» (2.5.); «Социальное неравенство» (2.6.); «Дискриминация по возрасту» (2.7.); определяет специфику использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в англоязычном медиадискурсе по номинативным областям дискриминации (2.8.); определяет специфику использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в русскоязычном медиадискурсе по номинативным областям дискриминации (2.9); выявляет универсальные и национально-специфические особенности использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе (2.10).

В результате делается вывод о влиянии явления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств на медиадискурсивную и речевую коммуникацию.

В **заключении** обобщаются результаты и подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Глава 1. ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Начиная с 70-х гг. XX в. в лингвистике произошел поворот к социальному анализу и функционированию языка, появилась прагматическая направленность лингвистических исследований.

Лингвистическая прагматика являлась и является объектом многих исследований. Отказ от анализа текста как чисто языковой абстрактной структуры привел к возникновению новых направлений в лингвистических исследованиях, основанных на теории коммуникации.

Активно исследуется динамическая парадигма лингвопрагматики, функциональные характеристики языка в познавательно-коммуникативной деятельности, т. е. язык в действии, где единицей общения является текст в его динамике (текстовой деятельности), т. е. дискурс.

Отметим также, что изменилось и само направление лингвистических описаний. Ранее, изучая функции и значения языковых средств в рамках традиционного подхода, лингвисты опирались на аналитические процедуры, но теперь все большее внимание исследователей привлекает функциональная сторона языка, т. е. его прагматическая функция, коммуникативные цели и намерения участников коммуникации, а также языковые средства и формальные языковые признаки, используемые ими для достижения данных целей.

Важно отметить, что в современной лингвопрагматике наличие человеческого фактора признается многими исследователями. Человек говорящий выступает в роли активного участника коммуникации.

Особенно релевантным становится изучение условий использования коммуникантами языковых знаков и средств. При этом под условиями использования понимается именно лингвопрагматический аспект лингвистики – условия адекватного выбора и употребления определенных языковых средств с целью достижения конечной цели коммуникации, т. е. воздействия на реципиента.

Таким образом, отметим, что основной сферой современных лингвистических исследований становится дискурс и изучение прагматики различных языковых средств, т. е. таких языковых средств, которые способствуют корректной оценке и анализу определенной коммуникативно-речевой ситуации и, соответственно, достижению цели акта коммуникации и создания возможностей для ее эффективного осуществления.

1.1. Различные подходы к определению понятия «дискурс»

Рассматривая в рамках нашей работы нейтрализацию дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе, считаем необходимым определить понятия «дискурса» и «медиадискурса».

Определение понятия «дискурс» представляет собой довольно сложную задачу в силу того, что исследуемый феномен является междисциплинарным и может быть отнесен к области знаний целого ряда научных дисциплин, таких как философия, социология, когнитивная психология, антропология, лингвистика, этнография, литературоведение, социолингвистика, психолингвистика, медиалингвистика и др. Тем не менее, следует отметить, что в настоящее время благодаря усилиям современных исследователей, теория дискурса становится самостоятельной междисциплинарной областью, отражающей общую тенденцию к интеграции в развитии современной науки, что способствует более глубокому и широкому исследованию дискурса и выявлению его специфических свойств.

Понятие «дискурс» неоднозначно. Исследованиями дискурса занимались и продолжают заниматься как отечественные [Алефиренко, 2005; Арутюнова, 1998; Бабаян, 2006а; 2006б; Борботько, 1981; Григорьева, 2007; Денисов, 2012; Карасик, 2002; Купцов, 2022; Макаров, 2003; Савицкий, 2016; Степанов, 2003; Стойкович, 2016; Тюкина, 2022 и др.], так и зарубежные исследователи [Benvenist, 2002; Crystal, 1995; Dijk, 1989; Fairclough, 1995; Rodney, 2021; Zulficar, 2021, etc.]. Значительное количество подходов к определению понятия «дискурс» подчеркивает актуальность и неоднозначность данного явления. Считаем важным

отметить, что именно возникновение дискурсивных теорий послужило началом развития новых тенденций в языкознании, поскольку «лингвистическое описание дискурса» стало первоочередной задачей ученых-лингвистов [Бабаян, 2017, с. 76].

До середины XX в. исследователями предпринимались попытки рассматривать функционирование языка с формальных точек зрения, а именно, с позиций исследования его грамматических, фонетических, лексических и прочих структур, не учитывая социальные, политические, личностные особенности участников коммуникации. Однако во второй половине XX в. ситуация изменилась, и язык начинают изучать исходя из особенностей восприятия личности, ее поведения, культуры и прочих факторов, влиянию которых так или иначе подвержен язык. Иными словами, изучение языка становится мультидисциплинарным, а исследователей стало интересовать не только изучение составных элементов системы языка, таких как фонемы, морфемы, лексемы и прочие, но и элементы более высокого уровня, такие как предложения, текст и, наконец, совокупность этих элементов – **дискурс**. В. Н. Бабаян справедливо отмечает, что «лингвистические исследования вышли за пределы собственно предложения, то есть в область сверхфразового синтаксиса. С лингвистической точки зрения **дискурс** представляет собой комплексную (сложную) языковую единицу, которая состоит из последовательности предложений, связанных в смысловом отношении» и предлагает при анализе дискурса принимать во внимание как самих продуцентов дискурса, так и коммуникативно-речевую ситуацию в целом [Бабаян, 2020, с. 20].

Современными исследователями **дискурс** рассматривается с позиций социолингвистики, психолингвистики, философии, психологии и других наук. Таким образом, можно утверждать о существовании множества различных видов дискурса. Данное обстоятельство послужило причиной того, что до сих пор нет единого определения понятия «**дискурс**». Тем не менее, благодаря усилиям различных ученых, в настоящее время можно говорить о появлении новой области научного знания – дискурсологии, которая представляет собой кросс-дисциплину и отражает общую интегративную тенденцию современной науки.

Необходимо отметить, что рассматриваемый с точки зрения прагмалингвистики **дискурс**, «представляет собой интерактивную деятельность участников общения, обмен информацией, оказание воздействия друг на друга, использование различных коммуникативных приемов, их вербальное и невербальное воплощение в практике общения» [Добросклонская, 2006, с. 9].

Понятие «**discourse**» в переводе с французского означало «речь», но в 50-е гг. XX в. французский лингвист Э. Бенвенист ввел термин «**дискурс**». По его мнению, **дискурс** – это «речь, присваиваемая говорящим», то есть речь индивидуальная, присущая определенной личности [Бенвенист, 2002, с. 139].

Дискурсивная теория появилась и развивалась в постоянной связи с лингвистикой текста. Данное обстоятельство позволило определить предмет исследования теории и средства ее реализации на практике, что послужило началом нового этапа в развитии современного языкознания, поставив тем самым перед учеными-лингвистами сложную задачу – лингвистическое описание дискурса. Многообразие определений дискурса, рассматриваемое учеными с различных позиций, служит подтверждением данного обстоятельства.

Современные исследователи рассматривают дискурс с различных точек зрения. В. Е. Чернявская рассматривает **дискурс** как «языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченным и систематизированным использованием языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность» [Чернявская, 2006, с. 3].

Лингвист Н. В. Седалищева полагает, что **дискурс** является неоднозначным языковым процессом, включающим в себя не только лексический, но и акустический (громкость, высота тона, интонации, темп речи участников коммуникации), кинетический (жестикуляция, мимика участников коммуникации), пространственный (проксемика, использование пространства участниками коммуникации) контент [Седалищева, 2010, с. 96].

Согласно мнению исследователя Е. Г. Малышевой, **дискурс** представляет собой речевой процесс «тематически обусловленного общения, детерминированного социально-историческими условиями, специфика которого

отражается в совокупности текстов (в широком – семиотическом – понимании этого термина), характеризующихся концептуальным, речезанровым и прагматилистическим своеобразием» [Малышева, 2013, с. 140].

Т. А. ван Дейк рассматривает **дискурс** как *сложное коммуникативное событие*: «...дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [Дейк, 1989, с. 121-122]. Необходимо отметить, что именно Т. А. ван Дейк впервые определил понятие прагматического контекста, без которого невозможна адекватная интерпретация дискурсной информации. По мнению исследователя, «понятие прагматического контекста является теоретической и когнитивной абстракцией разнообразных физико-биологических и прочих ситуаций». Опираясь на мнение Т. А. ван Дейка, можно отметить, что **дискурс** – сложное коммуникативное явление, на производство которого оказывает влияние не только текст, но и внеязыковые факторы [Там же, с. 19]. Таким образом, основываясь на данном подходе к изучению дискурса, была сформирована *коммуникативно-функциональная парадигма* его понимания.

В. И. Карасик рассматривает **дискурс** как явление *социолингвистическое*. Исследователь уделяет особое внимание коммуникации людей с учетом отнесения общающихся к тем или иным социальным группам, ситуациям. Необходимо отметить классификацию дискурса, предложенную ученым. Так, В. И. Карасик выделяет *лично-ориентированный* (в виде *бытового*, генетически исходного типа дискурса, присущего каждому индивидууму), *бытийный* (в виде философского, художественного диалога) и *статусно-ориентированный* (в виде *статусно-ролевого* общения, такого как политический, деловой, научный, педагогический и другие виды институционального дискурса) виды дискурса [Карасик, 2002, с. 233-234].

Оксфордский словарь приводит следующее определение понятия «**дискурс**»: “1. a long and serious treatment or discussion of a subject in speech or writing; 2. the use of language in speech and writing in order to produce meaning;

3. language that is studied, usually in order to see how the different parts of a text are connected” [oxfordlearnersdictionaries.com] // «1. длительное и серьезное рассмотрение или обсуждение какого-либо вопроса в устной или письменной форме; 2. использование языка в устной и письменной речи для создания смысла; 3. язык, который изучают для того, чтобы увидеть, как связаны между собой различные части текста» (перевод наш. – К. М.). Поскольку в российском языкознании термин «дискурс» является заимствованным, обратимся к «Толковому словарю иностранных слов Л. П. Крысина», согласно которому «**дискурс** – речь, беседа как объект лингвистического изучения» [dic.academic.ru]. Н. Д. Арутюнова трактует дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах сознания (когнитивных процессах). **Дискурс** – речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, 1998, с. 136-137]. Иными словами, можем согласиться с мнением В. Н. Бабаяна о том, что дискурс «отражает текущий момент жизни общества» [Бабаян, 2008, с. 9].

В. Н. Бабаян своей работе «Дискурс как сложный коммуникативный феномен», резюмируя работы по теме дискурса и классифицируя дискурс на *монологический* и *диалогический*, определяет **дискурс** как: «1) связный текст, сопряженный речевой ситуацией; 2) целостная коммуникативная (речевая) единица; 3) устный или письменный вид текста (речевое произведение), обращенный к слушателю/читателю; 4) монолог – диалог; 5) адресованное сообщение; 6) семантически связанная последовательность предложений-высказываний (реплик)» [Бабаян, 2006а, с. 129].

Следовательно, можем заключить, что дискурс является междисциплинарным явлением, которое с позиций прагмалингвистики рассматривается как обмен информацией и как интерактивное коммуникативное взаимодействие участников определенной коммуникативно-речевой ситуации, на которое оказывают влияние различные экстралингвистические факторы, такие,

например, как личность коммуникантов, их социальная принадлежность, место и время проведения коммуникации, вербальные и невербальные языковые средства, используемые коммуникантами в процессе общения и многое другое.

1.1.1. Медиадискурс как один из основных типов дискурса

Очевидно, что явление дискурса чрезвычайно широко и представлено множеством его видов. Не подлежит сомнению тот факт, что в современных условиях осуществления коммуникации огромную роль играет медиадискурс.

Появление и развитие технических средств осуществления коммуникации (радио, телевидение и особенно Интернет) оказало большое влияние на социальные, политические, экономические, культурно-исторические характеристики общества, на массовое сознание людей (участников коммуникации) и, в свою очередь, на дискурс.

Необходимо отметить, что до сих пор не существует единого определения понятия **медиадискурс**. Так, для обозначения этого понятия отечественными учеными используются следующие термины: медиадискурс [Добросклонская, 2012; Кожемякин, 2010]; язык средств массовой информации [Володина, 2011]; массмедийный дискурс [Плотникова, 2002]; сетевой дискурс [Карасик, 2021]; дискурс массовой коммуникации [Граудина, 2000]; медийный дискурс [Кибрик, 2011]; масс-медиаальный дискурс [Желтухина, 2004] и др. Зарубежные исследователи используют такие термины, как: mass media [Bell, 1991]; media discourse [Fairclough, 1989]; mass media discourse [Dijk van, 1995]; language in the news [Fowler, 1991]; the media [Montgomery, 1996] и др. Такое значительное количество терминологических определений служит доказательством того, что явление медиадискурса привлекает внимание исследователей во всем мире, является актуальным феноменом современного языкознания и «представляет собой сложное коммуникативное явление, при анализе которого необходимо учитывать как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы, характеризующие его» [Бабаян, 2020, с. 23].

В настоящей работе изучается **медиадискурс**, вслед за Т. Г. Добросклонской [Добросклонская, 2020, с. 152], понимаемый как *«совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия»* (выделено нами. – К. М.).

В. И. Карасик отмечает, что развитие современного дискурса, определяют субъектные, семиотические (текстовые), хронотопические и организационные тенденции [Карасик, 2021]. На наш взгляд, то же можно сказать и о медиадискурсе, поскольку он представляет собой вид дискурса.

Субъектными тенденциями, определяющими коммуникативное поведение носителей культуры, по его мнению, являются ювенилизация общения, функционализация информации, чрезмерная демонстративность, коммуникативное перенасыщение и невозможность избежать нежелательных коммуникаций.

Семиотическими характеристиками медиадискурса, к которым могут быть отнесены вульгаризация речи, диффузия устной и письменной речи и значительное увеличение мультимедийного контента, обуславливается специфика текстов, используемых в современной коммуникации.

Хронотопические тенденции медиадискурса наблюдаются в коммуникативной интеграции, ускоренном темпе жизни, а также в новой организации жилого пространства участников коммуникации, в котором электронные средства связи становятся обязательным элементом комфортного существования [Там же, с. 26].

Иными словами, участники коммуникации вовлечены в процесс непрерывного общения: звонки и сообщения от друзей, знакомых и незнакомых людей, рекламные объявления различных компаний и служб и многое другое.

Причем, даже если со стороны реципиента медиадискурсивного контента данный коммуникативный процесс носит пассивный характер, т. е. реципиент может не отвечать на звонки, сообщения и пр., то так или иначе, получая медиадискурсивный контент, реципиент становится не только участником определенной коммуникативной ситуации, но часто и молчаливым наблюдателем, участником диалога в триаде [Бабаян, 2010, с. 92]. Таким образом, участники

медиадискурсивной коммуникации так или иначе становятся участниками медиадискурсивного взаимодействия вне зависимости от того, хотят они этого или нет.

Данное обстоятельство привело к тому, что совокупность организационных тенденций современных коммуникативных практик, выражающихся во взаимоинтеграции личностного и институционального общения, распространении интердискурсивных образований, отсутствии четких границ приватности и публичности личности, приводит не только к возникновению «новых ритуалов, которые по своей сути носят жестовый либо клиповый характер», но и к «нарушению норм институциональности применительно к медийному и сетевому дискурсу» [Карасик, 2021, с. 30].

Кроме того, считаем, что основополагающими для понимания концепции медиадискурса являются такие понятия, как «текст» и «медiateкст».

В рамках традиционной лингвистики текст определяется как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Николаева, 1998, с. 507]. При переносе понятия «текст» в сферу средств массовой информации (масс-медиа) концепция медiateкста представляет собой последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных, специфика сочетания которых обусловлена конкретным каналом массовой информации. Данное обстоятельство считаем важным, поскольку оно обуславливает позицию Т. Г. Добросклонской, согласно которой «концепция медиадискурса включает в себя не только медiateкст и канал, но и множество экстралингвистических факторов, связанных с особенностями создания медиасообщения, его получателя, обратной связи, культурообусловленных способов кодирования и декодирования, а также социально-исторического и политико-идеологического контекста» [Добросклонская, 2015, с. 49].

Е. А. Кожемякин определяет **медиадискурс** как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в массмедийном пространстве» [Кожемякин, 2010, с. 16].

В свою очередь, по мнению М. Р. Желтухиной, **медиадискурс** представляет собой «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, 2016, с. 295].

Медиадискурс обладает и собственными аксиологическими свойствами, обусловленными триединой функцией средств массовой информации: воздействие информации, информирование и развлечение реципиента. В силу своих функциональных особенностей медиадискурс «формирует общественное мнение по актуальным вопросам современности, фокусирует внимание на важных аспектах предъявляемой информации и эмоциональной заряженности диалога журналиста с адресатом» [Карасик, 2020, с. 29]. Кроме того, как отмечают исследователи, «медиадискурс является диалогичным по своей структуре, поскольку предполагает участие в процессе коммуникации как источника информации (сайты в сети Интернет, СМИ), так и реципиента информации (любой получатель данного контента)» [Мельникова, 2021, с. 173].

Как видим, приведенные выше определения понятия «**медиадискурс**» никак не противоречат друг другу, а наоборот, эти определения, как видим, взаимодополняют друг друга и раскрывают основные характеристики, аспекты и нюансы исследуемого коммуникативного феномена с различных позиций, что способствует его более всестороннему, глубокому и правильному пониманию.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что прагмалингвистический подход к определению и изучению дискурса вообще и медиадискурса, в частности, основывается как на взаимодействии участников коммуникации, их ролях в данном процессе, выборе вербальных и невербальных средств осуществления коммуникации, особенностях личного восприятия и оказании взаимного коммуникативного воздействия в процессе определенного акта общения, учитывая социокультурные и социополитические и др. факторы.

1.1.2. Способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе

В настоящее время жизнь невозможно представить без средств связи и коммуникации между людьми. Возникновение и развитие технических средств осуществления коммуникации (радио, телевидение и, особенно, интернет) в значительной мере повлияли и продолжают оказывать огромное влияние на социальные, политические, экономические, культурно-исторические характеристики общества, на массовое сознание людей (участников коммуникации) и, в свою очередь, на дискурс. Иными словами, развитие телекоммуникационных средств связи и информационных технологий привело к появлению особого вида дискурсивного взаимодействия – **медиадискурса**. Таким образом, можем отметить, что **медиадискурс** – явление далеко не новое и «является отражением нашей действительности» [Melnikova, 2021, p. 32].

Но в последние десятилетия влияние медиадискурса на функционирование социума значительно возросло. Не подлежит сомнению, что с возникновением и распространением сети Интернет, медиадискурс становится «характерной особенностью организации современного мирового информационного пространства» [Добросклонская, 2012, с. 79]. Иначе говоря, медиадискурс становится одним из самых значимых видов дискурса в современном мире.

Следует отметить, что медиадискурс считается наиболее динамично развивающимся типом дискурса, поскольку представляет собой комбинацию различных средств коммуникации и способов передачи информации, формирующих медиасреду, которая ввиду отсутствия информационных границ обладает способностью меняться, развиваться вместе с социальными явлениями и адаптироваться к ним [Melnikova, 2022a].

Медиадискурс как один из самых значительных видов дискурса представлен главным образом сайтами сети Интернет. В обществе возросло не только количество пользователей, подключенных к сети, но также и количество опосредованных форм коммуникации.

Однако в самом общем виде медиадискурс представляет собой совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в области массовой коммуникации во всем многообразии и сложности их взаимодействия. При изучении функционально-обусловленного дискурса в целом, и медиадискурса, в частности, следует учитывать, что понятие «дискурс» отличается от понятия «текст». Это связано с тем, что дискурс ассоциируется с устной речью, тогда как понятие текста подразумевает связь с речью письменной. Таким образом, всестороннее понимание концепции медиадискурса невозможно без сравнения ее с такими важными категориями, как **текст** и **медiateкст**.

Основные сходства и различия понятий **текст**, **медiateкст** и **медиадискурс** могут быть продемонстрированы при помощи медиадискурсивной коммуникационной модели, позволяющей представить в структурированной форме сложный и многогранный процесс человеческого общения в медиасреде. Рассмотрим Схему 1, на которой изображена медиадискурсивная коммуникативная модель.

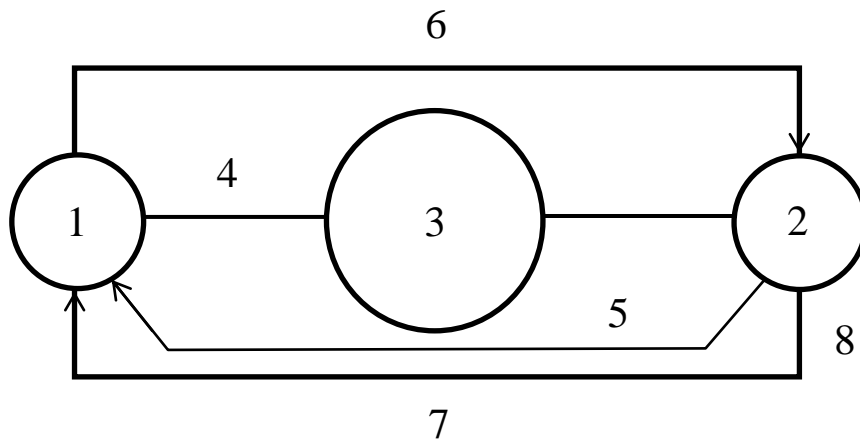

Схема 1. Медиадискурсивная коммуникативная модель

Данная медиадискурсивная коммуникационная модель учитывает такие коммуникационные компоненты, как отправитель (адресант) сообщения (1); получатель (реципиент) сообщения (2); сообщение (3); коммуникативный канал (4); обратная связь (5); процессы кодирования и декодирования (6, 7); коммуникационная ситуация или контекст (8).

Определяя **текст**, **медiateкст** и **медиадискурс** с точки зрения данной коммуникативной модели, можем сделать вывод о том, что **текст** – это сообщение; **медiateкст** – это сообщение, которое посредством коммуникативного канала доставляется реципиенту; а **медиадискурс** – это совокупность всех компонентов медиадискурсивной коммуникативной модели, устное или письменное коммуникативное взаимодействие, осуществляемое через некий канал вещания, дискурс которого ориентирован как на присутствующего, так и на потенциального реципиента – читателя, слушателя или зрителя. Не вызывает сомнений, что основными принципами дискурса и медиадискурса являются взаимодействие участников коммуникации, их роли в данном процессе общения, выбор вербальных и невербальных средств осуществления коммуникации, особенности личного восприятия и оказание взаимного коммуникативного воздействия в процессе общения [Мельникова, 2022, с. 133].

Концепция медиадискурса позволяет сформировать представление о речевой активности в сфере средств массовой информации, поскольку она включает в себя не только сообщение плюс коммуникативный канал, но и экстралингвистические знания и личностные особенности реципиентов для корректного понимания данного сообщения; особенности размещения медийного сообщения в канале коммуникации; особенности осуществления обратной коммуникации (связи); культуурообусловленные методы кодирования и декодирования информации медиасообщений, а также их социально-исторический и политико-идеологический контекст [Там же, 2022, с. 133].

Следовательно, медиадискурс может рассматриваться как форма рационального поведения человека, поддерживающая оптимальный порядок как в микроколлективе, так и в обществе в целом, и представляет собой сложный коммуникативный феномен, отражающий нашу действительность, при анализе которого необходимо учитывать как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы, присущие только ему и характеризующие данное явление [Alba-Juez, 2018, p. 15].

Основными характеристиками медиадискурса являются **«коллективный, коллегиальный характер производства текстов** (выделено нами. – *К. М.*) и их направленность на огромную рассредоточенную в пространстве аудиторию» [Добросклонская, 2012, с. 21], особый связующий механизм – **медийный канал**, посредством которого информация доставляется адресату (пресса, радио, телевидение, Интернет) [Там же, с. 77] и диалогичность данного вида дискурса.

Так, коллегиальный характер производства текстов обусловлен особыми условиями осуществления медиадискурсивной коммуникации, поскольку таковая предполагает не только производство текста автором / авторами, но и размещение данного текста уже в виде медиатекста в канале вещания авторами / техническими специалистами. Диалогичность медиадискурса обусловлена его структурой, поскольку очевидно, что осуществление данного вида дискурса «предполагает участие в процессе коммуникации как источника информации (сайты в сети Интернет, СМИ), так и реципиента информации (любой получатель данного контента)» [Мельникова, 2021, с. 173].

Необходимо отметить и такую характерную черту медиадискурса, как **каналы реализации коммуникативного воздействия на реципиента:**

Н. Н. Оломская выделяет **три типа медиадискурса** по каналам реализации коммуникативного воздействия на реципиента:

- 1) теледискурс;
- 2) радиодискурс;
- 3) Интернет- или компьютерный дискурс [Оломская, 2013, с. 253].

Считаем необходимым выделить также и четвертый тип медиадискурса – **медиадискурс печатных СМИ**, который представлен в основном периодическими изданиями (газеты, журналы и т. д.). Несмотря на то, что количество реципиентов данного типа дискурса в последнее время значительно снизилось, и существуют Интернет-версии многих печатных изданий СМИ, ряд реципиентов по-прежнему предпочитает использование печатных версий СМИ. Следовательно, считаем возможным дополнить уже существующую классификацию Н. Н. Оломской данным типом дискурса.

В свою очередь, в настоящей работе предпринята попытка классифицировать **медиадискурс по способу коммуникативного взаимодействия коммуникантов**. Так, типы медиадискурса по каналам реализации коммуникативного воздействия на реципиента можно классифицировать как *автономные, интерактивные и интерактивно-автономные*. Медиадискурсивное коммуникативное взаимодействие осуществляется посредством аудио- (радиодискурс), визуального (печатные версии СМИ) и аудиовизуального каналов (теледискурс, Интернет-дискурс).

Под *автономным коммуникативным видом дискурсивного взаимодействия* подразумевается, что первичный контент медиадискурса может быть создан автором или коллективом авторов, размещен в канале реализации автором (коллективом авторов) или техническими специалистами и получен реципиентом (реципиентами) посредством аудио-, визуального и аудиовизуального каналов **не в режиме реального времени**. Получив первичный медиадискурсивный контент, реципиент анализирует информацию, но не может создать ответный контент (оставить отзыв на содержание первичного контента). Иными словами, «дискурсивный контент может быть создан автором задолго до получения данного контента реципиентом» [Мельникова, 2022, с. 128].

Возможны несколько вариантов осуществления данного процесса. Например, автор (авторы) медиатекста создает контент (медиатекст); далее контент редактируется и размещается техническим специалистом в канале вещания. И только после этого реципиент может ознакомиться с контентом и проанализировать его. Либо автор создает контент самостоятельно и самостоятельно же размещает его в канале вещания (интернет-сайт, блог, интернет-форум и др.). Ни в том, ни в другом случаях реципиент не может среагировать на контент в данном канале реализации.

Следовательно, можем отметить, что *автономный вид медиадискурсивного взаимодействия* является публичной, неспонтанной формой взаимодействия участников коммуникации. Такой вид медиадискурсивного взаимодействия

применим относительно всех четырех типов медиадискурса по каналам реализации коммуникативного воздействия на реципиента:

Интерактивный по способу взаимодействия коммуникантов вид медиадискурса обусловлен режимом производства коммуникации посредством аудио-, визуального и аудиовизуального каналов в режиме реального времени. Участники коммуникативной ситуации могут осуществлять коммуникацию, обмениваясь контентом. Современные технические средства (смартфоны и др.) и Интернет-технологии позволяют производить коммуникацию, используя каналы как одновременно, так и по отдельности. Такой вид медиадискурса является наиболее приближенным к традиционной ситуации речевой коммуникации.

Следовательно, можем отметить, что интерактивный вид медиадискурса является ситуативным и спонтанным. Примерами могут служить радиопередачи, телевизионные трансляции, видеотрансляции в Интернете, поддерживающие формат синхронного во времени взаимодействия коммуникантов. Однако отметим, что такой вид медиадискурсивного взаимодействия не может применяться к медиадискурсу печатных СМИ.

Интерактивно-автономный по способу коммуникативного взаимодействия вид сочетает в себе оба вышеупомянутые виды медиадискурса. Контент может создаваться и размещаться в канале вещания как до непосредственного возникновения коммуникативной ситуации, так и во время возникновения коммуникативной ситуации и даже после ее завершения. В отличие от каналов вещания автономного вида, каналы вещания интерактивно-автономного вида медиадискурса имеют функцию обратной связи. В данном случае можно отметить синхронные и асинхронные дискурсивные взаимодействия коммуникантов. Вступив в дискурсивные взаимодействия, реципиент, получив и проанализировав дискурсивный контент, может отреагировать на него как в режиме реального времени, так и в течение неопределенного количества времени. Примером может служить социальная сеть «ВКонтакте». Коммуниканты могут обмениваться контентом в режиме реального времени, а также могут оставлять друг другу сообщения в режиме офлайн.

Следовательно, можем отметить, что интерактивно-автономный вид медиадискурса является публичной формой как синхронного, так и асинхронного взаимодействия участников коммуникации. Такой вид медиадискурсивного взаимодействия применим относительно всех четырех типов медиадискурса по каналам реализации коммуникативного воздействия на реципиента:

Исходя из вышесказанного, представим собственное определение данного коммуникативного явления. Итак, **медиадискурс** – это *публичное, устное или письменное коммуникативное взаимодействие, которое осуществляется через некий канал вещания (например, печатные источники информации; теле- и радио- каналы, Интернет-сайты), дискурс которого ориентирован как на присутствующего (эксплицитного), так и неприсутствующего (имплицитного / потенциального) читателя, слушателя, зрителя* [Мельникова, 2022, с. 128-129].

Таким образом, медиадискурс представляет собой публичное коммуникативное (дискурсивное) взаимодействие, осуществляемое посредством некоего канала вещания. Радио-, теле- дискурс, Интернет-дискурс и дискурс печатных СМИ представляют собой виды медиадискурса. Данная классификация медиадискурса основана по принципу типа канала реализации коммуникативного воздействия на реципиента. Радио-, теле- дискурс, Интернет-дискурс и дискурс печатных СМИ в процессе акта коммуникации в свою очередь могут подразделяться на автономный, интерактивный и интерактивно-автономный по способу коммуникативного воздействия на реципиента.

1.1.3. Критический дискурс-анализ медиадискурсивного контента

В силу того, что медиадискурс является публичным видом дискурса и его аудитория чрезвычайно велика, он оказывает значительное влияние на различные сферы жизни человека: культурную, социальную, политическую и, конечно, лингвистическую.

Некоторыми лингвистами медиадискурс оценивается довольно критически. Например, Т. А. ван Дейк отмечает искажение медиадискурсивной информации

авторами при ее отборе и обработке, определяя данное искажение как «нарушение принципа объективности в медийном сообщении» [Дейк, 2000, с. 283].

Согласно мнению некоторых зарубежных исследователей, принцип объективности предполагает, что автор медийного сообщения должен “...avoid becoming involved in the event, form no prejudicial friendships with actors in the event, leave your own biases at the foot of the stage, consider yourself the impartial observer for the vast public who cannot personally attend the drama... should make snapshot of reality” [Willis, 1991, p. 7] // «...избегать личной вовлеченности в происходящее, не вступать с участниками событий в отношения, которые могут сформировать предубеждение против других участников, оставлять свои собственные взгляды за «сценой», считать себя беспристрастным наблюдателем на службе у огромного числа людей, которые не могут лично посетить «спектакль» и отражать только реальный ход событий» (перевод наш. – *К. М.*).

Так, например, Р. Фаулер отмечает, что медиадискурсивный контент может быть в равной степени как искаженным, так и объективно отражающим существующую реальность [Fowler, 1991, p. 10-11]. С его точки зрения, на мнение создателей медиадискурсивного контента непосредственное влияние оказывает социально-политическая обстановка в стране [Там же, p. 12].

В свою очередь, Т. А. ван Дейк указывает, «что искажение / предвзятость, отсутствие объективности в новостных сообщениях также зависит от пишущего и основано на его личных убеждениях и мнениях, а также сложившихся этнических предубеждениях, существующих в социальной памяти» [Дейк, 2000, с. 143]. Другими словами, всегда существует вероятность того, что, не являясь непосредственным участником произошедшего события, автор медиадискурсивного контента не способен беспристрастно оценивать и воспроизводить все подробности данного события. Так или иначе, автор попытается смоделировать конкретную коммуникативную ситуацию в своем сознании и будет транслировать реципиенту уже некоторым образом свое собственное понимание и видение данной ситуации, на понимание которой

оказали влияние различные факторы. Именно данное обстоятельство является причиной «искажения / предвзятости» медиадискурсивного контента.

Создателями медиадискурсивного контента также используются различные языковые приемы и инструменты, такие, например, как: фонологические (*рифма* или *ассонанс*); синтаксические (например, *параллелизмы*); стилистические (*метафоры* или *сравнения*) и др. Данные инструменты служат более выраженному представлению информации в медиадискурсе, способствуя тем самым более правильному пониманию сообщения реципиентами. Поэтому для достижения эффекта объективности необходимо сопровождать медиадискурсивный контент подтверждающими данными (фото, видео, аудио), чтобы реципиент мог по содержанию контента самостоятельно сделать выводы о коммуникативной ситуации [Там же, с. 133].

По мнению Т. А. ван Дейка, медиадискурсивный контент может быть адекватно понят реципиентом только «если мы будем анализировать его как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации» [Там же, с. 139]. Другими словами, для корректного понимания коммуникативной ситуации реципиенту следует руководствоваться собственными экстралингвистическими знаниями по отношению к данной ситуации; не следует всецело полагаться на информацию медиаисточников во избежание формирования некорректной точки зрения на проблему медиаконтента. Иначе говоря, реципиент медиадискурсивного контента обязательно должен сопоставлять факты события, определять логику происходящего самостоятельно, т. е. производить критический дискурс-анализ медиадискурсивного контента.

Т. А. ван Дайк определяет критический дискурс-анализ в качестве «единой перспективы при осуществлении языкового, семиотического или дискурсивного анализа» [van Dijk, 1993b, p. 131]. При осуществлении критического дискурс-анализа принимается во внимание тот факт, что «взаимосвязи и причинно-

следственные связи вещей могут быть искажены до неузнаваемости. Поэтому «критический» означает, по сути, попытку увидеть взаимосвязь вещей» [Fairclough, 1985, p. 747].

Считаем возможным согласиться с Р. Водак, утверждающей, что критический дискурс-анализ «имеет своей целью анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке. Иначе говоря, критический дискурс-анализ нацелен на изучение социального неравенства, выраженного (сигнализируемого, конституируемого, законодательно закрепленного и т. д.) в языке или дискурсе» [Wodak, 2002, p. 4]. По мнению исследователя, только критический дискурс-анализ может обеспечить междисциплинарный подход к анализу медиадискурса, принимая во внимание явные и скрытые социально-политические проблемы, например, такие как расизм, капитализм, национализм, антисемитизм, сексизм и многие другие. Подобные практики помогут расширить возможности маргинализированных, бесправных и угнетенных людей [Wodak, 2009, p. 19].

Как отмечает К. О'Холлоран, критический дискурс-анализ призван “to illuminate ways in which the dominant forces in a society construct versions of reality that favour their interests, as well as to unmask such practices to support the victims of such oppression and encourage them to resist and transform their lives” [O'Halloran, 2011, p. 571] // «осветить способы, с помощью которых доминирующие силы в обществе конструируют версии реальности, которые отвечают их интересам, а также разоблачить такие практики для того чтобы поддержать жертв такого угнетения и побудить их к сопротивлению и преобразованию своей жизни» (перевод наш. – К. М.).

В рамках настоящей работы считаем целесообразным привести также точку зрения П. Уайта, утверждающего, что ограничивая личностные субъективные характеристики медиадискурса, журналисты могут претендовать на нейтральность только используя «формальный» (безличный) язык новостей, но с помощью такого «формального» (безличного) языка журналисты могут исказить реальность. Он предполагает, что использование такого языка является “а

rhetorical stratagem to aid the obfuscation of a reporter's subjectivity" [White, 1997, p. 130] // «риторической стратагемой (хитростью), помогающей скрыть субъективность репортера» (перевод наш. – К. М.). Другими словами, авторы медиадискурсивного контента вынуждены использовать нейтрализованные языковые средства во избежание использования дискриминационно маркированных языковых средств и, как следствие, дискриминации различных социальных групп.

Таким образом, исходя из вышеизложенного материала, можем прийти к выводу о том, что использование нейтрализованных языковых средств типично для медиадискурса. Критический дискурс-анализ является наиболее предпочтительным видом анализа дискриминационно маркированных медиадискурсивных языковых средств. Следовательно, можем отметить, что на сегодняшний день данный вид дискурса является самым распространенным с учетом аудитории, которая вовлечена в медиадискурсивный коммуникативный процесс, и самым влиятельным типом дискурса, поскольку именно медиадискурс принимает непосредственное участие в формировании общественного мнения. Поскольку медиадискурсивный контент является продуктом когнитивно-оценочной деятельности человека, реципиенту может быть рекомендовано анализировать данный контент, используя критический дискурс-анализ во избежание трансформации собственного мнения под влиянием средств массовой информации.

1.2. Лингвопрагматическая нейтрализация как лингвистический, социокультурный и коммуникативный феномен

Современную жизнь общества невозможно представить без коммуникации. Лингвопрагматическая нейтрализация оказывает огромное влияние на коммуникативный процесс и способствует его эффективному осуществлению. Нейтрализованные языковые средства употребляются как в общественном и частном дискурсе, так и в Интернет-коммуникации или медиадискурсе. Несмотря

на то, что явление нейтрализации является междисциплинарным и существует в языковой практике достаточно давно, оно является недостаточно изученным с позиций лингвопрагматики дискриминационно маркированных языковых средств. Употребление нейтрализованных языковых средств вызвано социоэкономическими и социополитическими изменениями в обществе. Следует отметить, что на употребление нейтрализованных языковых средств значительное влияние оказал принцип политкорректности. Однако, несмотря на то, что этот принцип был определен исследователями лишь во второй половине XX в., явление нейтрализации было известно задолго до этого времени. Так, Э. Косериу, утверждает, что “neutralisation is one of the defining features of natural language: neutralisation is not only a linguistic universal, but it is also typical of every level of language, from the phonological level to the textual (pragmatic) level” [Coseriu, 2001, p. 151]. // «нейтрализация является одной из определяющих особенностей языка: нейтрализация – это не только лингвистическая универсалия; она характерна для каждого уровня языка от фонологического до текстового (прагматического) уровня» (перевод наш. – К. М.). Таким образом, можно отметить, что с позиций медиадискурса дискурсивные факторы являются основополагающими для функционирования явления лингвопрагматической нейтрализации. Тем не менее, наиболее выраженным проявлением признаков явления лингвопрагматической нейтрализации характеризуются различные случаи проявления языковой дискриминации, нейтрализация которых и стала объектом данного исследования.

1.2.1. Различные подходы к изучению понятия «нейтрализация»

В настоящем разделе представляется целесообразным рассмотреть понятие «нейтрализация» в различных разделах лингвистики. Для этого в п. 1.2. исследуются предпосылки возникновения интереса к изучению лингвопрагматической нейтрализации, точнее, прагматики нейтрализованных языковых средств в медиадискурсе, специфики функционирования прагматически

нейтрализованных лексико-семантических средств в процессе акта медиадискурсивной коммуникации.

В настоящее время не существует общепринятой теории нейтрализации языковых средств, что может быть объяснено существованием различных научных школ и направлений, определяющих подход к данной проблеме. В качестве основы настоящего исследования рассматривается комплексный (системный) подход к определению понятия «нейтрализация». Подобный комплексный (системный) подход основан на обобщении информации о понятии «нейтрализация» в таких разделах языкознания, как фонология, грамматика, лексикология, семантика, стилистика и др.

Большой Российской Энциклопедией (2013) приводится следующее определение исследуемого явления: «Нейтрализация в языке – устранение имеющегося в языковой системе различия (языковой оппозиции, противопоставления) между двумя или более единицами в определенных условиях (позициях) употребления» [Виноградов, 2013, с. 306-307]. Как видим, в основе такого подхода лежит универсальный оппозитивный метод теоретико-информационного представления языковых систем Н. С. Трубецкого, по мнению которого, значимость элементов системы определяется в соответствии с их информационным весом, а также наличием маркированности/ немаркированности лексической единицы [Трубецкой, 1987]. В целях предпринятого исследования считаем важным заметить, что позднее понятие «нейтрализация» стало использоваться применительно и к другим областям языкознания.

Современные исследователи языка рассматривают явление нейтрализации с различных точек зрения. Так, например, Ю. В. Филимонова рассматривает явление нейтрализации с точки зрения фонологии, отмечая наличие категории оппозиции и полагая, что «типы оппозиций и контекстов в виде позиций либо имеют силу, либо утрачивают ее» [Филимонова, 2000, с. 33].

Н. П. Душина, рассматривая нейтрализацию с позиций грамматики, определяет ее «как упрощение языковой оппозиции, смешение единиц языка в особых условиях ее реализации» [Душина, 2004, с. 181].

Д. Н. Шмелев, рассматривая нейтрализацию с точки зрения

функционирования в языке лексических единиц, считает, что нейтрализация возникает «при исключении противопоставления лексических единиц по определенным признакам» [Шмелев, 1973, с. 129].

Л. А. Новиков анализирует явление нейтрализации с учетом полисемии языковых средств. По мнению исследователя, семы, различающие лексико-семантические варианты одного и того же слова, утрачивают свою дифференцирующую способность и становятся нейтрализованными, поскольку в тексте их семантические различия не определяются [Новиков, 1982, с. 184].

В. Г. Руделев отмечает, что нейтрализация «не была осмыслена самыми выдающимися учеными-лингвистами нашего времени; они искали в отрицании маркированности какую-то особую маркированность и видели смысл «марки» не в системе отношений, а в самой языковой материи, в панхроническом субстрате системы» [Руделев, 2002, с. 112].

Интересен подход к определению исследуемого явления с точки зрения стилистической нейтрализации языковых средств. Согласно мнению исследователя Е. А. Свиридовой, «стилистическая нейтрализация – это переход слов из разряда стилистически маркированных единиц в разряд стилистически нейтральных. На современном этапе процессу стилистической нейтрализации (полной или частичной) подвержены отдельные лексические единицы. Как правило, изменение стилистической квалификации языкового знака сопровождается развитием его смысловой структуры и синтагматических свойств, а иногда и изменением оценочности» [Свиридова, 2013, с. 11].

Л. М. Васильев считает, что «современная парадигма явления нейтрализации представляет собой в основном устранение семантического противопоставления лексических единиц» [Васильев, 1981, с. 9].

Вызывает интерес тот факт, что на сегодняшний день явление лингвопрагматической нейтрализации является недостаточно изученным, о чем свидетельствуют не только многочисленные работы в данном направлении, но и отсутствие единой терминологической базы определения исследуемого языкового понятия.

Считаем важным отметить, что для обозначения явления нейтрализации исследователи используют различные термины. Так, например, Л. Ельмслев для этого использует термин «контекстуальная синонимия» [Hjelmslev, 1971, p. 94]; Ж. Кантино, Л. Прето и Б. Трынка понимают нейтрализацию как «синкретизм/парадигматическая омонимия» [Cantineau, 1952; Prieto, 1954; Trnka, 1982]; Ж. Дюбуа, Е. Нида и Ж. Кляйн для обозначения этого понятия используют термин «контекстуальная омонимия» [Dubois, 1964; Nida, 1975; Klein, 1981]; Р. Годель – «лексическая нейтральность» [Godel, 1955]; Б. Стайб, Й. Тиммерман, А. Крузе, М. Руйперес, Г. Раппопорт и М. Миестамо исследовали «категорийную нейтральность» [Staib, 1985; Timmermann, 2007; Cruse, 2011; Ruipérez, 1954; Rappaport, 1980; Miestamo, 2005]; в работах Д. Лайонса, Ж. Гундель и Д. Хаймана встречается термин «синтаксическая неоднозначность» [Lyons, 1968; Gundel et al., 1986; Haiman, 1980]; в работах С. Шаумяна исследуемое понятие называется «неаккузативность» [Schaumyan, 1986]; Б. Комри использует термин «морфосинтаксическая асимметрия» [Comrie, 1976]; К. Леман обозначает исследуемое явление как «референциальную идентичность» [Lehmann, 2000]. Допускаем, что существующая терминология значительно превосходит все вышеперечисленные случаи употребления.

Таким образом, приняв во внимание различные подходы и терминологические определения всех вышеперечисленных областей научного знания к определению понятия «нейтрализация», считаем уместным дать рабочее определение исследуемого феномена, на наш взгляд, наиболее полно и глубоко отражающее суть данного явления. Итак, **лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств представляет собой замену, редуцию или исключение из коммуникативного употребления лексем с негативным значением (инвективной лексики).** Под инвективной лексикой В.И. Жельвис понимает не только оскорбления, но и «разнообразную лексику, для которой, похоже, еще не придумано общепринятое название. Имеется в виду группа слов, в принципе осуждаемых обществом по

самым разным причинам... В узком смысле инвектива - это всевозможные выпады» [Жельвис, 2008, с. 109].

Принимая во внимание функциональную универсальность явления лингвопрагматической нейтрализации, считаем возможным применение основных его принципов в отношении дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе.

1.2.2. Предпосылки к изучению явления нейтрализации

Впервые концепция явления нейтрализации была рассмотрена с точки зрения фонологии членами Пражского лингвистического кружка Н. С. Трубецким, В. Матезиусом, Р. Якобсоном, Б. Трынка, А. В. Де Грутом, А. Мартинетом, Л. Ельмслевом [Trubetzkoy, 1929; 1931; 1932; 1933; 1936a; 1936b; 1939; Mathesius, 1929; Jakobson, 1971; Trnka, 1982, De Groot, 1940; Martinet, 1936; Hjelmslev, 1971] в 1930-е гг. XX в. с целью «определения отдельных позиций фонологических единиц в словах языка» [Brasington 1994, p. 2784].

Интересен тот факт, что еще в 1936 г. Н. С. Трубецкой высказал предположение о том, что нейтрализуемые оппозиции не ограничиваются областью фонологии и могут функционировать в других областях лингвистической науки [Trubetzkoy, 1936a, p. 13].

Одним из первых, кто по аналогии с нейтрализацией фонологических оппозиций рассматривал явление в области значимых единиц, был Л. Ельмслев. По Л. Ельмслеву, нейтрализация языковых средств возможна в основном в отношении двух функциональных языковых единиц – «форм» [Hjelmslev, 1971, p. 93]. В зависимости от того, каким образом происходит взаимодействие данных единиц, исследователь различает **два типа нейтрализации**. В первом типе, который Л. Ельмслев называет «**импликацией**», нейтрализация проявляется в замене одной из оппозициональных единиц другой с менее выраженным значением; во втором типе, который он называет «**синкретизмом**», нейтрализация проявляется в исключении одной из оппозициональных единиц из употребления [Там же, p. 94]. В качестве нейтрализующихся единиц Л. Ельмслев

в первую очередь рассматривал морфемы. Позднее ученый исследовал нейтрализацию плерематических (грамматических) единиц, она затрагивала категории рода, числа, падежа и т. д. Далее, рассматривая нейтрализацию с точки зрения семиотики, исследователь обращал внимание на три основных аспекта структуры лексического значения: **денотативный (денотат), сигнификативный (сигнификат) и прагматический (коннотат) аспекты** [Там же, р. 98].

Таким образом, можем отметить, что Л. Ельмслевым были сформулированы основные принципы нейтрализации языковых средств, ставшие предпосылками для изучения феномена лингвопрагматической нейтрализации.

Денотативный аспект значения языкового знака формируется на соотношении **знак ↔ действительность**. Как правило, денотат – это объект реальной действительности или класс обозначаемых знаком фактов (от лат. *denoto* ‘обозначаю’) [Апресян, 1995, с. 60].

Существует мнение, что сигнификативный аспект «отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п.», фиксирует не сам объект, а то, как последний отражается в сознании носителей языка, т. е. некую абстракцию как результат когнитивной деятельности человека» [Там же, с. 57]. В ходе наблюдения за внеязыковой действительностью человек выделяет в окружающих его объектах общие и отличительные признаки понятия. На основании обобщения существенных признаков объекта и абстрагирования от несущественных формируется понятие о данном объекте, т. е. знание о том, какими признаками должен обладать представитель данного класса, в чем его отличия и т. д.

Достижение коммуникативного успеха является основной функцией прагматики. По мнению некоторых исследователей, «прагматика не может не опираться на представление о языке как системе средств и правил, но она делает акцент на коммуникативных процессах и контекстуально зависимых принципах использования этой системы в бесконечном множестве разнообразных актов языкового общения. Для нее язык не просто устоявшаяся система знаков или совокупность его функциональных вариантов типа литературного языка, просторечия, диалектов и т. п., а гибкий способ знаковой репрезентации опыта и

коммуникативного взаимодействия между членами данного социоэтно-культурного сообщества в любой конкретной ситуации» [Сусов, 2009, с. 35].

Прагматический слой значения знака составляет информация, непосредственно не связанная с предметом разговора, не отражающая номинируемый объект. Это информация о коммуникативной ситуации и целях общения, т. е. о том, что связано с целенаправленным использованием языкового знака. Например, в зависимости от коммуникативных и социальных установок, степени категоричности говорящего, от того, какой аспект личности реализуется в разговоре, для передачи мнения о том, что некто слишком экспрессивно разговаривает, избираются языковые средства (знаки) с разными прагматическими функциями. Полагаем, что существует тесная взаимосвязь прагматики данных языковых средств (знаков) в языке и дискурсе.

Таким образом, отметим, что социокультурное и интеллектуальное развитие общества достигло определенного уровня, послужившего предпосылками для возникновения интереса к изучению языка не только как системы знаков, но и с позиций коммуникативных взаимодействий между участниками коммуникации, учитывая различные дискурсивные факторы, оказывающие прямое и опосредованное влияние на осуществление коммуникации и выбор языковых средств коммуникантами. Именно данное обстоятельство определило интерес исследователей к изучению явления лингвопрагматической нейтрализации.

1.2.3. Развитие концепции явления нейтрализации во второй половине XX в.

В 1950-х гг. XX в. лингвистами, занимающимися исследованиями языка в рамках структурно-функционального лингвистического направления, были предприняты попытки экстраполировать концепцию явления нейтрализации из области фонологии на другие разделы языкознания.

Основоположником данного направления был Фердинанд де Соссюр, определяющий речевую деятельность в качестве совокупности конкретных

речевых актов и языка как такового, причем последнему присущи признаки как социального и системного характера, так и индивидуальные особенности речевых актов [Соссюр, 1999, с. 21-23].

Одним из последователей Ф. де Соссюра был испанский лингвист М. Руйперес, полагавший, что явление нейтрализации возникает при исчезновении оппозиций между двумя сигнификатами [Ruipérez, 1954, p. 33]. М. Руйперес отмечает, что возникновение явления нейтрализации обусловлено обязательным наличием не менее двух так или иначе противопоставленных друг другу сигнификатов, уделяя при этом особое внимание бифункциональности немаркированного. Один из основных постулатов рассуждений М. Руйпереса заключается в том, что в рамках морфологической оппозиции один из сигнификатов (маркированный) несет только положительное значение, тогда как другой сигнификат (немаркированный) обладает либо отрицательным, либо нейтральным значением рассматриваемого свойства.

Р. Годель предпринял попытку терминологически определить синкретизм, скрытую оппозицию и нейтрализацию. По его мнению, термин «синкретизм» является “historically determined disappearance of the difference between originally distinct inflectional forms, through the merger of their significant” [Godel, 1955, p. 34] // «исторически обусловленным исчезновением различий между изначально отличными нефлексивными формами путем слияния их сигнификатов» (перевод наш. – К. М.). По мнению исследователя, скрытая оппозиция является статическим, синхроническим результатом частичного синкретизма – омофонии двух семантически различных единиц. Нейтрализация же определяется исследователем как “the suppression of an opposition between grammatical units in a certain synchronic state of language” [Там же, p. 36] // «подавление оппозиции между грамматическими единицами в определенном синхроническом состоянии языка» (перевод наш. – К. М.).

Американским лингвистом С. Лампахом были высказаны предположения о наличии двух значений немаркированного понятия – нейтрального и противоположного [Lampach, 1956, p. 64]. Исследователь также полагал, что

нейтрализация вызывается факторами, которые лежат за пределами членов нейтрализуемой оппозиции. На основании данных предположений С. Лампах утверждал, что “phenomenon of neutralisation is distinguished from other phenomena in grammar” [Lampach, 1957, p. 195-203] // «явление нейтрализации отличается от других явлений в грамматике» (перевод наш. – К. М.).

Уже к середине 1950-х гг. XX в. термин «нейтрализация» активно использовался лингвистами вне области фонологии.

Тем не менее, в 1960-х гг. XX в. термин «нейтрализация» использовался в различных метатеоретических парадигмах, теряя свое первоначальное значение в рамках структурно-функциональной лингвистики. В частности, нейтрализацию стали рассматривать как феномен отмены любого контраста, простое противопоставление. Появилось следующее определение: «**нейтрализация** – (от лат. *neuter* – ни тот, ни другой) позиционное снятие противопоставления элементов языковой структуры. Важнейший системообразующий фактор, связывающий отдельные языковые элементы, их оппозиции и корреляции в целостную систему» [les.academic.ru].

Таким образом, как видим, уже в 50-х гг. XX в. стал очевидным интерес исследователей к изучению явления нейтрализации не только в области фонологии, но и в других областях языкознания, хотя функционирование явления нейтрализации в различных областях языкознания оставалось недостаточно изученным.

В 1970-х гг. XX в. явление нейтрализации вновь привлекло внимание исследователей. Известный лингвист Р. Якобсон ввел термин «**маркированность**» не только для описания фонологических явлений, но и для анализа различных грамматических категорий и лексических единиц. Сквозь призму маркированности лингвист изучает глагольную и падежную системы русского языка, порядок слов, значение лексических единиц и др. Исследователь также выделяет **базисный признак**, сохраняющийся в процессе нейтрализации. Необходимо отметить, что таким базисным признаком является **денотат понятия** [Jakobson, 1971, p. 220-222].

Согласно информации словарной статьи ресурса Академик.ру, при различии языковых единиц лишь по одному признаку, более частотное значение является *базисным* (немаркированным), а более редкое – *маркированным*. Например, во многих языках категории именительного падежа, единственного числа, действительного залога, настоящего времени выражены *нулевыми* морфемами. Исходя из этого, значения аналогичных категорий других падежей, видо-временных форм и т. д. считаются маркированными [Словарь Академик.ру].

Маркированность / немаркированность также проявляется в отношении различных видов оппозиций. Например, родовая оппозиция. Во многих языках слово мужского рода может обозначать и мужчину, и женщину. Например, *a doctor – доктор, врач* применяется для определения как мужчин, так и женщин в профессии. Для необходимого выделения мужского / женского рода как в английском, так и в русском языках будут использоваться суффиксы, местоимения и другие языковые средства.

Следовательно, можем отметить, что маркированность / немаркированность языкового средства являются основными признаками для определения лингвопрагматической оппозиции.

В 80-х гг. XX в. концепцию явления нейтрализации некоторые европейские лингвисты-структуралисты стали рассматривать как “a systematic network of relations in which each unit is functionally determined by virtue of its place it occupies within a system of oppositions, the concept specifically arose from preoccupations with structure” [Stankiewicz, 1991, p. 13]. // «систему языковых отношений, в которой функционал каждой единицы определен местом, которое данная единица занимает в системе оппозиций» (перевод наш. – К. М.). Также лингвистами, исследующими такие структуралистские понятия языка, как оппозиционность, систематичность и функциональность, отмечается, что принцип нейтрализации является особенностью европейского лингвистического структурализма [Martinet, 1968, p. 1-3; Coseriu, 2000, p. 36]. Данная концепция рассматривает явление нейтрализации как основной принцип аналитического структурализма (наряду с

принципами функциональности, оппозиции и системности) и представляет ее как одну из наиболее характерных черт естественного языка [Coseriu, 1995, p. 120].

Согласимся с Э. Косериу, утверждающим, что принцип нейтрализации, предложенный Н. В. Трубецким для фонологии, может быть отнесен ко всем уровням языка и характеризуется наличием оппозиции [Coseriu, 2000].

Э. Косериу выделяет **лексико-семантическую нейтрализацию** между оппозиционными лексическими единицами или грамматическими категориями в определенных синтагматических позициях. Иными словами, в нейтрализуемой оппозиции один из членов может обозначать то, что является общим для большинства или всех членов данной оппозиции. Лингвист полагает, что, в отличие от традиционных фонологических оппозиций, оппозиции лексико-семантические, которые исследователь называет «биопциональными», являются «инклюзивными», т. е. один из членов оппозиции («немаркированный») в определенных условиях может включать в себя «маркированный» член оппозиции [Coseriu, 2001, p. 160].

Э. Косериу схематизирует нейтрализуемую оппозицию следующим образом [Coseriu, 1992, p. 218-221]:

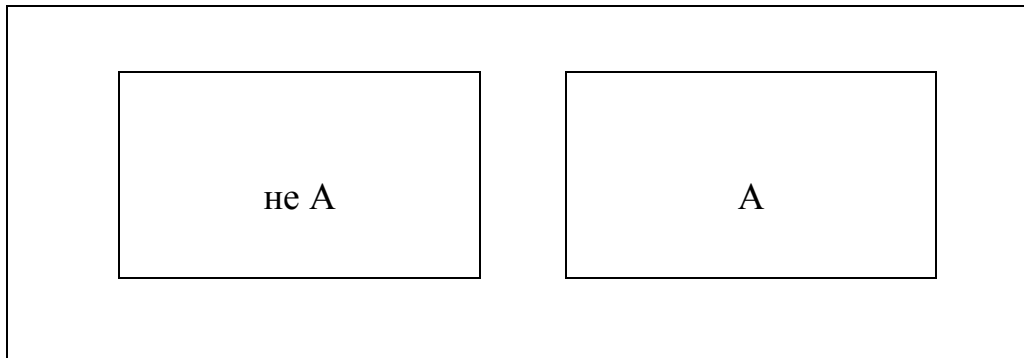

Схема 2. Нейтрализация по Э. Косериу

По мнению Э. Косериу, лексико-семантическая оппозиция включает в себя члены оппозиции «А» и «не А». Член оппозиции «А» является маркированным членом оппозиции по отношению к члену «не А». В результате оппозиционно маркированные члены оппозиции функционируют как противоположные.

Э. Косериу приводит следующий пример: рассматривая лексико-семантическую оппозицию *Tag / Nacht* (*день – светлое время суток / ночь – темное время суток*), ученый полагает, что член оппозиции лексема *Nacht* (*ночь*) является маркированным членом данной оппозиции по отношению к лексеме *Tag* (*день*). Другими словами, согласно Схеме 1, *Nacht* (*ночь*) является «А» и обладает рядом признаков, позволяющих отличить его от «не А». В результате оппозиционально маркированные члены оппозиции *Tag* и *Nacht* функционируют как противоположные.

Тем не менее, имеет место и употребление лексико-семантической единицы *Tag* (*день*) в значении *сутки, 24 часа*. В данном случае, немаркированный («экстенсивный») член оппозиции *Tag* (*сутки, 24 часа*) включает в себя маркированный («интенсивный») член оппозиции *Nacht* (*ночь*) и становится инклюзивным. В зависимости от синтагматических условий член оппозиции *Nacht* может быть как маркированным, так и нейтральным по отношению к члену оппозиции *Tag*.

Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что явление нейтрализации является сложным и неоднозначным феноменом современного языкознания, доказательством чему служат различные подходы к его исследованию.

Как упоминалось ранее, до середины XX в. исследователями предпринимались попытки рассматривать функционирование языка с формальных точек зрения, а именно, с позиций исследования его фонетических, лексических, грамматических и прочих структур, не учитывая социальные, политические, личностные особенности участников коммуникации. Однако во второй половине XX в. ситуация изменилась, и язык начинают изучать исходя из особенностей восприятия личности, ее поведения, культуры и прочих факторов, влиянию которых так или иначе подвержен язык. Иными словами, изучение языка становится мультидисциплинарным, а ученых стало интересовать не только изучение составных элементов системы языка, таких как фонемы, морфемы, лексемы и прочие, но и элементы более высокого уровня, такие как предложения, текст и, наконец, совокупность этих элементов – **дискурс**.

В. Н. Бабаян справедливо отмечает, что лингвистические исследования вышли за пределы собственно предложения, т. е. в область сверхфразового синтаксиса. Исследователь подчеркивает, что с лингвистической точки зрения **дискурс** представляет собой комплексную (сложную) языковую единицу, которая состоит из последовательности предложений, связанных в смысловом отношении и предлагает при анализе дискурса принимать во внимание и самих продуцентов дискурса, и коммуникативно-речевую ситуацию в целом [Бабаян, 2020, с. 20].

Принимая во внимание мнение Э. Косериу, утверждающего, что “neutralisation is one of the defining features of natural language: neutralisation is not only a linguistic universal, but it is also typical of every level of language, from the phonological level to the textual (pragmatic) level” [Coseriu, 2001, p. 151]. // «нейтрализация является одной из определяющих черт языка: нейтрализация – это не только лингвистическая универсалия; она характерна для каждого уровня языка от фонологического до текстового (**прагматического**) уровня» (перевод наш. – К. М.), считаем возможным применение **основных принципов явления нейтрализации в отношении дискурсивных языковых средств.**

Исходя из вышеизложенного, учитывая концепцию Э. Косериу, полагаем, что **лингвопрагматическая оппозиция является обязательным условием для осуществления лингвопрагматической нейтрализации и содержит множество различных лексико-семантических и стилистических языковых средств, прагматика которых определяется дискурсивными факторами и коммуникативной ситуацией.**

По аналогии с теорией нейтрализации Э. Косериу, рассматривая лингвопрагматическую оппозицию *День / Ночь*, полагаем, что данная лингвопрагматическая оппозиция включает в себя множество денотатов, сигнификатов и коннотатов понятий, так или иначе позволяющих нейтрализовать значение маркированного сигнификата или коннотата немаркированным.

Например, полагаем, что вышеуказанная лингвопрагматическая оппозиция включает в себя оппозицию *День / Ночь* и содержит в себе денотаты понятий *день* (светлое время суток) и *ночь* (темное время суток). Также по аналогии с

постулатами теории нейтрализации Э. Косериу, полагаем, что немаркированный денотат понятия *день* (*сутки, 24 часа*) будет являться инклюзивным, т. е. будет включать в себя маркированный денотат понятия *ночь* (*в значении часть суток, дня*). По аналогии с денотатом *ночь*, лингвопрагматическая оппозиция *День / Ночь*, (*в которой день находится в значении сутки, 24 часа*) будет включать в себя как минимум денотаты таких понятий, как *утро* и *вечер*. Причем и *утро*, и *вечер* также могут быть маркированными по отношению к понятиям *день* и *ночь*. Более того, в состав лингвопрагматической оппозиции могут быть включены другие денотаты, сигнификаты и коннотаты понятий, так или иначе определяющие членов оппозиции. Так, например, вышеуказанная лингвопрагматическая оппозиция *День / Ночь* является инклюзивной и может включать в себя такие денотаты, сигнификаты и коннотаты понятий, как: *раннее утро, поздний вечер, поздняя ночь, забрезжило утро, смеркалось, вечерело, бурная ночь, доброе утро, чудесное утро, плохой день, хороший день, ужасный день* и т. д. Данные понятия лингвопрагматической оппозиции могут функционировать крайне противоположно по отношению друг к другу, как *день / ночь, утро / вечер*; могут функционировать в оппозиции менее противоположно как *день / утро*; могут функционировать в оппозиции практически нейтрально по отношению друг к другу (быть бифункциональными) как *утро / раннее утро*. Выбор языковых средств обусловлен дискурсивной ситуацией.

Необходимо отметить, что, по мнению Ю. Косериу, явление нейтрализации представляет собой важное ограничение функциональности лингвистических оппозиций, поскольку подразумевает, что оппозиция, существующая на уровне языковой системы, становится нефункциональной в определенных контекстах на уровне дискурса и может быть нейтрализована [Coseriu, 1992, p. 171-172].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можем сделать вывод о том, что возникновение и функционирование нейтрализации в языке, а вслед за этим и в медиадискурсе, представляет собой довольно сложный, многокомпонентный процесс, системно повторяющийся на различных уровнях языка и аналогичным

образом зависящий от условий проведения коммуникации, а, следовательно, является лингвопрагматическим феноменом.

На основании вышеизложенного материала можем выделить следующие положения, представляющиеся, на наш взгляд, важными и необходимыми для настоящего исследования. Во-первых, возникновение явления лингвопрагматической нейтрализации обусловлено скорее экстралингвистическими, нежели лингвистическими факторами. Во-вторых, явление лингвопрагматической нейтрализации является важным ограничением структуралистской предпосылки о том, что лексико-семантические единицы получают свою функциональную ценность от системных, парадигматических оппозиций, в которых они участвуют. Принцип лингвопрагматической нейтрализации показывает, что функциональность данных оппозиций может быть отменена в контексте дискурса. В-третьих, лингвопрагматическая нейтрализация возможна только при наличии лингвопрагматической оппозиции. В-четвертых, лингвопрагматическая оппозиция представляет собой не просто противоположные по смыслу языковые единицы; она так или иначе содержит в себе множество положительно, отрицательно и нейтрально маркированных денотатов, сигнификатов и коннотатов понятий, прагматика которых определяется дискурсивными факторами и коммуникативной ситуацией. Лингвопрагматическая нейтрализация подразумевает включение одного лингвистического элемента в другой: в случае нейтрализации один из членов обозначает то, что является общим для обоих членов нейтрализуемой оппозиции, таким образом, включая в себя и другой член. В-пятых, лингвопрагматическая нейтрализация однонаправленна, т. е. немаркированный член оппозиции может нейтрализовать маркированный.

Поскольку настоящая работа посвящена изучению лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо-и русскоязычном медиадискурсе, в лингвопрагматических оппозициях дискриминационно маркированное языковое средство так или иначе противопоставляется дискриминационно немаркированному. Причем, в медиадискурсе дискриминационно немаркированное языковое средство может

использоваться как в оппозиционном, так и в нейтральном смысле по отношению к дискриминационно маркированному, тогда как дискриминационно маркированная единица может быть нейтрализована и даже исключена из такого использования в определенных контекстах медиадискурса. Тем не менее, использование дискриминационно маркированных членов лингвопрагматической оппозиции может сохраняться в речевом взаимодействии.

1.2.4. Лингвопрагматический аспект нейтрализации

Поскольку наличие оппозиции является обязательным условием для осуществления нейтрализации, считаем возможным применить принципы парадигматики в исследовании лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе.

Исходя из вышеизложенного, можем заключить, что комплексный подход к изучению различных видов оппозиций, нейтрализации маркированных языковых средств в данных оппозициях и лингвопрагматики языковых средств интегрирует содержание различных областей языкознания в область коммуникативного процесса, а, соответственно, и в дискурс. Подобный подход также способствует более полному и глубокому пониманию протекания языковых процессов.

В самом широком смысле к области лингвопрагматических исследований относят исторические, социальные, культурологические предпосылки развития совокупных знаний и верований человека, которые обуславливают развитие языковой среды и оказывают влияние на использование языка в обществе. Именно прагматический аспект определяет выбор языковых средств с учетом отношения говорящих к тому или иному предмету (явлению), включает в себя экспрессивно-эмоциональную оценку и обуславливает использование коннотации с учетом культурного, исторического, индивидуального и психологического состояния коммуникантов. Образую структуру лексического значения в совокупности с денотативным и сигнификативным аспектами, прагматический аспект выражает отношение коммуниканта к обозначаемому предмету (явлению)

путем выбора определенного языкового знака из числа знаков с одинаковым семантическим содержанием. Особенностью структуры лексического значения языковых единиц, которым свойственна прагматическая функция, является не только их когнитивная и коммуникативная, но и оценочная функции, т. е. прагматическое значение служит для объяснения природы эмоциональной и экспрессивно-стилистической характеристики лексических единиц.

Некоторые исследователи считают денотативный, сигнификативный и прагматический компоненты макрокомпонентами, состоящими в свою очередь из микрокомпонентов. Необходимо отметить, что **одним из наиболее существенных микрокомпонентов прагматического макрокомпонента является коннотативный микрокомпонент.**

«Коннотация – это эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы, закреплённая в системе языка или имеющая окказиональный характер» [Телия, 2010, с. 54]. В современном языкознании отсутствует единое определение термина «коннотация». Тем не менее, на основании классификации В. Н. Телия, представляется возможным выделить основные направления ее изучения [Телия, 1986]. Согласно обобщенному анализу исследователя таковыми являются:

1. Семиотический аспект, который рассматривает коннотацию в качестве содержания, денотативная семантика которого служит выражением, а само содержание может быть определено путем исключения денотата из текста. Р. Барт ввел термин «коннотативная система», определяя его как систему, «план выражения которой сам является знаковой системой» [Барт, 1975].

2. Психолингвистический аспект, связанный с особенностями восприятия речи, ее ассоциативной и эмоциональной организации [Леонтьев, 1971].

3. Лингвистический аспект, являющийся совокупностью оценки стилистического, прагматического, лексикологического и культурологического факторов. Стилистический фактор обусловлен использованием дополнительных элементов значения лексических единиц – экспрессивных, стилистических, оценочных. Д. Н. Шмелев для их обозначения использует термины

«эмоциональные наслоения», «экспрессивная окраска», «экспрессивно-стилистическая окраска» [Шмелев, 1973]. Под **экспрессивно-стилистической окраской** лексической единицы исследователь понимает «информацию, которая заключает в себе какое-то указание на отношение говорящего к обозначаемым данными словами явлениям, сигнализирует о том, в каких условиях происходит речевое общение, характеризующее говорящего с разных сторон» [Там же, с. 249]. Прагматический фактор обусловлен коннотационной фиксацией отношения коммуникантов к предмету коммуникации. Определяя «коннотативный семантический компонент», И. А. Стернин считает его выражающим «отношение говорящего к предмету в форме эмоции и оценки» [Стернин, 1985, с. 45].

В. Н. Телия указывает, что лексикологический фактор коннотации обуславливает исследования в области создания дополнительных способов языкового выражения, придающих речи выразительность, и является «полезным инструментом для описания механизма образования новых переносных значений слова» [Телия, 1981, с. 16].

Культурологический фактор коннотации обусловлен использованием семантической доли значения, дополняющей объективно существующие реалии национально-специфическими компонентами. Определяя данный фактор, Ю. Д. Апресян использует термин «семантическая ассоциация», отражающий «связанные со словом культурные представления и традиции, господствующие в данном обществе, практику использования соответствующей вещи и другие языковые факторы» [Апресян, 1995, с. 67]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров соотносят коннотацию с понятием «добавочной информации о национально-культурной специфике слова» [Верещагин, 1980].

Таким образом, можем говорить об отсутствии единого подхода к определению как понятия «коннотация», так и факторов, оказывающих влияние на формирование структурного коннотативного единства. Стилистические, эмоциональные, культурные, прагматические, ассоциативные и прочие аспекты

коннотации часто рассматриваются исследователями не в совокупности, а отдельно друг от друга, что, несомненно, затрудняет понимание этого явления. Тем не менее, комплексный подход к определению коннотативных компонентов с точки зрения их последующей лингвопрагматической нейтрализации представляется важным для настоящего исследования.

Исходя из данных предпосылок, считаем целесообразным предпринять попытку классифицировать коннотативные компоненты. В качестве источников исследования использованы электронные версии словарей Merriam-Webster's и Cambridge Dictionary. Языковым материалом служит корпус дискриминационно маркированных языковых средств. Результаты представим в Таблице 1.

Таблица 1

Классификация коннотативных компонентов

Коннотативные компоненты		Пометы в словарях (оценка языкового средства)
внутриязыковые	диахронические	архаизм
	мотивационные (синхронические)	переносное
внешнеязыковые	1) функционально – стилистические	научное, канцелярское, возвышенное, сниженное и др.
	2) социолингвисти- ческие (социальные, социолектные, идиолектные)	литературное, разговорное, просторечное, диалектное, жаргонное, профессиональное (специальное); пометы, отражающие биологические признаки коммуниканта (пол, возраст и др.).
	3) психолингвистичес- кие (эмоциональные, экспрессивные, фоносемантические)	положительное, отрицательное, нейтральное, бранное, грубое, ироничное, ласкательное, презрительное, пренебрежительное, уважительное, уменьшительное, уничижительное, шутовское, неодобрительное, одобрительное, фамильярное, укоризненное и др.
	4) национально- культурные	нет помет в словарях

Согласно данным приведенной таблицы (Таблица 1), **коннотативные компоненты** могут быть классифицированы на две **основные группы**:

внутриязыковые и **внешнеязыковые**. К внутриязыковым коннотативным компонентам относятся элементы, связанные с восприятием лексической единицы с точки зрения развития системы языка. В свою очередь, данные элементы классифицированы как *диахронические* и *синхронические (мотивационные)*. Диахронические элементы позволяют проследить изменения, произошедшие с дискриминационно маркированными лексическими единицами в медиадискурсе в течение времени. Изменения синхронических элементов свидетельствуют о переосмыслении значения и прагматики лексических единиц согласно ассоциативно-образным представлениям общества, учитывая признаки, мотивировавшие данное переосмысление.

Изменения внешнеязыковых коннотативных компонентов в большей степени обусловлены влиянием экстралингвистических факторов, восприятием дискурсивной ситуации коммуникантами, оценкой дискурса коммуникантами, условиями коммуникативной ситуации и многими другими. Внешнеязыковые коннотативные элементы в настоящей работе определены как функционально-стилистические, социолингвистические, психолингвистические и национально-культурные. Рассмотрим коннотативный компонент более детально.

К **функционально-стилистическим элементам** относят употребление языковых средств в определенных сферах коммуникации. По мнению исследователей, «принцип формирования функциональных стилей имеет прямую зависимость от цели и характера высказывания, которые типичны для определенной функциональной сферы (публицистической, художественной, разговорной и т. д.) [Байкова, 2016]. На выбор функционального стиля также влияют «ситуации возникновения коммуникации и прочие экстралингвистические факторы» [Арнольд, 1990, с. 134]. Так, В. В. Виноградов считает, что «функциональный стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же

способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, 1955, с. 72].

Таким образом, выбор коммуникантами функционально-стилистических внешнеязыковых коннотативных элементов зависит от условий проведения коммуникации, от правил, норм, традиций определенного социума, что в свою очередь обуславливает выбор лингвопрагматики языковых средств в целом, и медиадискурсивных, в частности.

Социолингвистические коннотативные элементы классифицируются в качестве социальных, социолектных, идиолектных с точки зрения употребления языковых средств представителями различных социальных групп, профессий, полов и т. д.

Психолингвистические внешнеязыковые коннотативные компоненты выражают отношение адресанта к предмету коммуникации. Как правило, они содержат:

- оценочную коннотативную составляющую, «непосредственно связанную с восприятием реципиентом коммуникативной ситуации и ее оценки с позиций «отрицательно-нейтрально-положительно» [Леонтьев, 1971, с. 37];
- эмотивную коннотативную составляющую, определяющую «личностное отношение говорящего к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности» [Там же, с. 38]. Спектр эмоций и реакций, а вслед за ними и выбор языковых средств участников коммуникации чрезвычайно разнообразен: от бранного, грубого и пренебрежительного до уважительного, одобрительного, уменьшительно-ласкательного и т. д.;
- экспрессивную коннотативную составляющую, коррелирующуюся с укреплением позиций денотативных признаков понятия;
- фоносемантическую коннотативную составляющую, которая выявляет ассоциации между употребляемыми звуками и впечатлением, производимым данными звуками на участников коммуникации.

Национально-культурный коннотативный компонент «отражает принятую в данном обществе, культуре точку зрения на предмет речи. Отдельных

помет для коннотаций подобного рода в словарях обычно нет, но они в неявном виде представлены через переносное значение и фразеологические единицы, приводимые в иллюстративной части словарной статьи» [Ерофеева, 2009, с. 7].

В структуру коннотации могут быть также включены идиомные компоненты, отражающие групповую дифференциацию общества и обуславливающие «отнесение слова к определенному языковому идиому (или языковому образованию), точнее – к сфере употребления людьми, являющимися социальной базой данного идиома» [Там же, с. 8].

Полагаем, что, имея достаточно четкую структуру, коннотативные компоненты часто взаимосвязаны и их значение в различных коммуникативно-речевых условиях может быть интерпретировано с различных точек зрения.

1.2.5. Причины возникновения дискриминационно маркированных языковых средств

Одним из важных факторов для установления успешного межличностного и межкультурного взаимодействия является использование дискриминационно немаркированных языковых средств в речи. Одной из предпосылок к разделению языковых средств на дискриминационно маркированные и недискриминационно маркированные стал принцип политкорректности. Некоторые исследователи определяют его как «культурно-поведенческую и языковую тенденцию, нацеленную на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума эмоционально нейтральными и/или положительными эвфемизмами» [Мельникова, 2020, с. 193].

Оксфордский словарь новых слов определяет принцип политкорректности как «соответствие либеральной или радикальной точке зрения по социальным вопросам, характеризующееся защитой утвержденных взглядов и неприятием языка и поведения, считающихся дискриминационными или оскорбительными» [The Oxford Learners Dictionary.com].

Влияние принципа политкорректности затронуло все сферы человеческой деятельности. Сфера запретов включает использование оскорбительных прозвищ и неуместных шуток. Во многих американских колледжах на законодательном уровне запрещены различные виды дискриминации, а также употребление дискриминационной, политически некорректной лексики. Согласно законодательству РФ, дискриминация – это «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам» [ст. 136, УК РФ].

Основными областями реализации принципа политкорректности являются:

- «гетеросексизм» (*англ.* heterosexism) – дискриминация людей нетрадиционной сексуальной ориентации;
- «лукизм» (*англ.* lookism) – создание стандартов красоты, привлекательности и ущемление прав тех, кто им не соответствует;
- «эйджизм» (*англ.* ageism) – дискриминация лиц преклонного возраста;
- «сексизм» (*англ.* sexism) – утверждение отсутствия превосходства людей одного пола над людьми другого пола;
- «этноцентризм» (*англ.* ethnocentrism) – дискриминация культур, отличных от доминирующей в обществе;
- «аблеизм» (*англ.* ableism) – притеснение лиц с физическими недостатками;
- «расизм» (*англ.* racism) – дискриминация по расовому признаку.

Существуют и другие области дискриминации, но вышеперечисленные являются наиболее представленными в медиадискурсе [Остроух, 1998, с. 9].

С. Г. Тер-Минасова объясняет принцип политкорректности как «языковой такт», особое речевое поведение, которое не дает обидеть или задеть собеседника.

Следовательно, акцентирование внимания на особых отличиях людей (расовых, физических, моральных, умственных, сексуальной ориентации,

национальности, социальном статусе и многом другом) является недопустимым в современном обществе [Тер-Минасова, 2010].

Во второй половине XX в. антирасистское движение в США привело к развитию феминистского движения, которое не только защищало права женщин, но и выражало протесты против гендерной (в нашем случае, мужской) ориентации языка. Как отмечает исследователь, «феминистские движения одержали крупные победы на разных уровнях языка и практически во всех вариантах английского языка, начиная с американского» [Там же, с. 231].

Одной из наиболее часто заявляемых целей принципа политкорректности является устранение вербальной дискриминации и негативных стереотипов по отношению к членам общества. Но его влияние на социальную жизнь не только имело различия в коннотациях его употребления, но было также закреплено законодательно. Одним из результатов борьбы за гражданские права в США в 60-70-х гг. XX в. стало введение запрета на официальное употребление ряда понятий, таких как *Negro, colored* и др. [Швейцер, 1996, с. 12].

Следует отметить, что с точки зрения лингвистов, целью принципа политкорректности является исключение дискриминационно маркированных языковых средств из употребления, т. е. из дискурса [Roper, 2008]. Кроме того, одной из отличительных черт принципа политкорректности может быть отмечено появление норм поведения и использования языковых выражений, направленных на избежание оскорбления или дискриминации по какому-либо признаку представителей различных социальных групп.

Таким образом, следует отметить, что принцип политкорректности служит основой для выявления дискриминационно маркированных языковых средств в вышеупомянутых категориях. **Дискриминационная маркированность** языковых средств определяется в соответствии с отнесением их к какой-либо области дискриминации, а также их потенциальной возможности даже невольно оскорбить представителей различных социальных групп. В соответствии с принципом политкорректности, дискриминационно маркированные языковые средства

должны быть редуцированы или заменены недискриминационно маркированными.

Наличие маркированности / немаркированности дискриминирующих языковых средств позволяет говорить о возникновении лингвопрагматической оппозиции. В свою очередь, наличие лингвопрагматической оппозиции свидетельствует о реализации явления лингвопрагматической нейтрализации в рамках вышеупомянутой оппозиции.

1.2.6. Модификации коннотативных компонентов понятия как проявление лингвопрагматической нейтрализации лексической единицы

Хронологические изменения лингвопрагматики коннотативных компонентов понятия могут быть отмечены в качестве одного из признаков проявления лингвопрагматической нейтрализации лексической единицы.

В настоящем разделе предпринята попытка исследования механизма лингвопрагматической нейтрализации хронологического изменения некоторых дискриминационно маркированных языковых средств категорий *расизма*, *этноцентризма* и *аблеизма*.

Так, например, рассмотрим, лексему *negro (nigger)* – *негр*, ранее использовавшуюся для определения людей с черным цветом кожи.

Слово «негр» появилось в испанском и португальском языках приблизительно в 1400-1500 гг. XX в. после экспедиции Васко да Гама и означало просто чернокожего человека, в переводе с испанского *negro* означает «черный» [Thatcher, 2019]. Полагаем, что, начиная с времен колонизации территории будущих США в XVII в. и вплоть до середины XX в. коннотативный компонент данного слова был нейтральным, слово «негр» использовалось в значении «чернокожий», о чем свидетельствуют основания и функционирование различных государственных институтов, таких, например, как высшее учебное заведение

American Negro Academy в 1897 г.; периодическое издание *Negro world* в 1918 г. и пр. [Finkelman, 2009].

В 50-60 гг. XX в., ознаменовавшиеся в США борьбой чернокожего населения за свои права, в широкое употребление вошли понятия с радикально отрицательным коннотативным и даже оскорбительным значением *nigga, nigger* [Smith, 1992, p. 498]. Некоторые чернокожие американские политические и духовные лидеры в своих публичных выступлениях стали предпочитать лексеме *negro (negr)* лексему *black (Black)*. Публичные выступления борцов за права чернокожих активно освещались в СМИ. Данное медиадискурсивное взаимодействие СМИ и огромного количества реципиентов данного дискурса послужило широкому языковому употреблению и распространению как положительно, так и отрицательно маркированных лексем *negr* и *black (Black)* и создало предпосылки для возникновения лингвопрагматической оппозиции.

С конца 60-х гг. XX в. до 90-х гг. XX в. сохранялась прагматика дискриминационно маркированных лексем *nigga, nigger*, но появились и коннотативно нейтрализованные *Black African, Afro-American, African-American* [Christopher, 1999, p. 67-69]. Отметим, что тенденция к употреблению данных нейтрализованных лексем сохраняется до сих пор. Тем не менее, все еще существует и практика употребления лексем *nigga, nigger* представителями чернокожего населения западных стран, но исключительно в коммуникации чернокожего с чернокожим. Данные лексемы употребляются в значении «приятель», «брат» и не являются оскорбительными. Необходимо отметить, что употребление чернокожими в диалоге лексемы *nigger* призвано подчеркнуть отличие чернокожих от белых. Белым американцам употреблять данное слово в отношении чернокожих запрещено на законодательном уровне [The Guardian, 2007]. Лексема *nigger* считается настолько неприемлемой для употребления как в обществе, так и в медиадискурсе, что не рекомендуется использовать ее даже в качестве каких-либо языковых примеров; в медиадискурсивных источниках лексема *nigger* подлежит замене на *N-word*. Впервые *N-word* в качестве замены

дискриминационно маркированного *nigger* было употреблено в 1995 г. в источнике *New York Times* [Noble, 1995].

В 2010 г. Бюро переписи населения (*The US Sensus Bureau*) Федеральной статистической системы США официально исключило лексему *negr* и ее производные *Negro, negro, nigga, nigger* из употребления [US Sensus, 2010]. Тем же документом исключены из употребления в отношении определения чернокожего населения США лексем *Black* и *African-American*. В 2013 г. *The US Sensus Bureau* даже исключило данные лексемы из форм своих опросников, заменив их на *Americans* [Brown, 2013].

Были введены также ограничения на употребление некоторых слов, напрямую связанных с понятиями этноса, гендера, сексуальных предпочтений, расы, религиозных верований, физического состояния, материального благополучия, профессиональной принадлежности и призванных исключить оскорбление по данным признакам [Леонтович, 2021, с. 198].

Похожие процессы можно отметить для *W-word* – *wetbacks* // с англ. – дословно – *мокрые спины*). Лигвопрагматика лексемы *wetbacks* схожа с таковой для *Negro*; в отрицательной коннотации дискриминационно маркированное *wetbacks* употреблялось для обозначения иммигрантов из Мексики, которые были вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом в США, соответственно, их одежда на спине была мокрой от пота.

В качестве медиадискурсивного контента лексема *wetbacks* была впервые употреблена в *The New York Times* 1920 г. в статье "*Welcomed Mexican Invasion: – Thousands of Families Crossing the Border to Till the Soil and Otherwise Build Up the Southwest*". Согласно источнику, *In the Laredo district alone, a speaker at a business men's dinner recently estimated that between 10,000 and 15,000 of these 'wetbacks,' as they are called because of their method of entry, had crossed into Texas in that time* (выделено нами. – К. М.) [The New York Times, 1920, p. 6] // По оценке бизнесмена, выступавшего недавно на встрече, за это время только в округе Ларедо, штат Техас, границу пересекли от 10 000 до 15 000 этих «мокриц», как их называют из-за способа проникновения на территорию США (перевод наш. –

К. М.). Необходимо отметить, что в данном конкретном фрагменте имеет место нетипичное значение лексемы *wetbacks* – *мокрицы*, поскольку выступающий бизнесмен говорит о *of their method of entry* – способе пересечения границы нелегальными иммигрантами, которые, по мнению бизнесмена, подобно мокрицам, способны проникнуть в любое место. Тем не менее, коннотативный компонент лексической единицы *wetbacks*, как видим, является явно негативным и дискриминационно маркированным.

Рассмотрим предпосылки возникновения дискриминационно маркированной лексической единицы *wetbacks*.

Первоначально лексема *Mexicanos* обладала нейтральным коннотативным компонентом, использовалась жителями США для обозначения жителей Мексики, являлась недискриминационно маркированной. Поскольку в США иммигрировали не только мексиканцы, но и жители других стран Латинской Америки, а американцы, видимо, визуально не могли различить их национальную принадлежность, в употребление вошла недискриминационно маркированная лексическая единица *Latinos*, служившая для обозначения представителей всех национальностей [Blakemore, 2018]. Во время Первой мировой войны Правительства США и стран Латинской Америки пришли к соглашению о том, что граждане Мексики могут работать на территории США по кратковременным контрактам. После окончания войны американские фермеры продолжили нанимать мексиканцев и выходцев из других стран для выполнения сельскохозяйственных работ. Потребность в дешевой рабочей силе вызвала бурный рост нелегальной иммиграции из Мексики и стран Латинской Америки в США. Выходцы из стран Латинской Америки соглашались работать за гораздо меньшие деньги, чем вызывали недовольство американцев. Впоследствии, возросшее количество иммигрантов из Мексики привлекло внимание американских обывателей, именно мексиканцев и выходцев из стран Латинской Америки стали подозревать в совершении преступлений и нарушении правил общественного порядка [Ngai, 2014, p. 65]. Данное обстоятельство привело к появлению, первоначально в речи, а вслед за этим и в медиадискурсе,

дискриминационно маркированных лексических единиц *colored* и *wetbacks* – в значении *мексикашки, цветные* для обозначения сначала иммигрантов, а вслед за этим и всех людей, приехавших в США из Мексики и стран Латинской Америки.

Таким образом, считаем возможным, как и в случае с лексемой *Negro*, отметить возникновение предпосылок для возникновения лингвопрагматической оппозиции недискриминационно маркированных лексических единиц *Mexicanos / Latinos* и дискриминационно маркированных лексем *colored / wetbacks*.

Данная лингвопрагматическая оппозиция довольно продолжительное время существовала как в обществе, так и в медиадискурсе [www.otherissues.com]. Далее под влиянием лингвопрагматической нейтрализации недискриминационно маркированные лексемы *Mexicanos / Latinos* трансформировались в *Mexican Americans* – американцы мексиканского происхождения; дискриминационно маркированное *colored* исключено из употребления в медиадискурсе; дискриминационно маркированную лексему *wetbacks* в медиадискурсе рекомендовано употреблять, заменив ее на *W-word* [McDonald, 2012, p. 152].

Рассматривая русскоязычные медиаисточники, можем отметить сходные механизмы реализации явления лингвопрагматической нейтрализации. Однако необходимо отметить, что в сравнении с англоязычным медиадискурсом, явление лингвопрагматической нейтрализации в русскоязычном медиадискурсе представлено в значительно меньшей степени.

Рассмотрим предпосылки возникновения дискриминационно маркированной лексической единицы *чурка* в значении собирательного понятия *выходец с Кавказа*. Поскольку Советский Союз являлся многонациональным государством, в котором пропагандировались идеи равенства людей и братства народов, выходцев с Кавказа определяли по национальной принадлежности: недискриминационно маркированными *грузин, армянин, азербайджанец* и т. д. Распад СССР привел к возникновению многочисленных вооруженных столкновений в бывших союзных республиках, что стало причиной увеличения количества мигрантов из данных республик на территорию современной России. Увеличение количества людей с неславянской внешностью часто становилось

причиной негативного к ним отношения коренных жителей. Особую роль к формированию негативного отношения к мигрантам с Кавказа сыграли Первая (1994-1996) и Вторая (1999-2000) Чеченская Кампании. Именно выходцев с Кавказа стали подозревать и обвинять в совершении различных преступлений. Данное обстоятельство привело к появлению в речи, а вслед за этим и в медиадискурсе, дискриминационно маркированных лексических единиц *черный, чернота, хач* и других менее благозвучных определений для обозначения сначала иммигрантов, а вслед за этим и всех людей, приехавших в Россию из бывших союзных республик [Стернин, 2013, с. 195].

Последующая стабилизация экономической и социо-политической ситуации привела к нейтрализации в медиадискурсе лексических единиц *черный, чернота, грач, хач в лицо кавказской национальности и россияне из Закавказья* [Родионова, 2021, с. 2598]. В речевом употреблении сохраняется употребление дискриминационно маркированных лексических единиц *черный, чернота, хач* и нейтральной *нерусский* [Белова, 2021, с. 10].

Таким образом, на основании вышеизложенного можем отметить единый механизм осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе под влиянием социополитических и социокультурных факторов.

1.2.7. Этапы лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в медиадискурсе

В настоящей работе определено, что лингвопрагматическая нейтрализация в медиадискурсе происходит в несколько этапов. Материалом для определения и исследования данных этапов явились дискриминационно маркированные языковые средства областей дискриминации по расовому, национальному признакам, а также по признакам физического и психического состояния людей. Результаты исследования этапов лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном

медиадискурсе под влиянием социополитических и социокультурных факторов представлены в Приложении 1 работы. Как видим, в ходе проведенного исследования и анализа фактического материала выделены следующие **5 основных этапов лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств:**

Этап 1. Возникновение лексической единицы в речи и в медиадискурсе

При возникновении в жизни социума какого-либо нового явления или предмета возникает необходимость определить данное явление или предмет. Иными словами, всякое новое явление или предмет должны быть обозначены в речи посредством использования термина или общеупотребительной лексической единицы, содержащей признаки, присущие именно данному явлению или предмету – денотатом [Лантюхова, 2013].

Как правило, для такой лексической единицы характерно нейтральное значение коннотативного компонента. Например, *Negro* в значении просто чернокожий человек, *Mexicanos* в значении жители Мексики, *грузин* – житель Грузии и др.

Не вызывает сомнения, что медиадискурс является отражением окружающей нас действительности. Поэтому все возникающие в жизни социума явления и предметы находят свое отражение в медиадискурсе. Следовательно, лексическая единица, нашедшая употребление в повседневной речи, появляется и в медиадискурсивных источниках.

Этап 2. Изменение коннотативного компонента лексической единицы под влиянием социокультурных и социоэкономических факторов

Как правило, в социуме на данном этапе лексическую единицу начинают употреблять как в нейтральной, так и в отрицательной коннотации. Например, ввиду того, что в американском обществе чернокожие люди занимали низкое социальное положение даже после отмены рабства, и социум довольно часто рассматривал их в качестве виновников роста уровня преступности, слово *Negro* начинают использовать как с положительным – *люди с темным цветом кожи*, так и с отрицательным значением коннотативных компонентов (*Negro, nigger, nigga*).

Именно на данном этапе возникают предпосылки для возникновения лингвопрагматической оппозиции.

Этап 3. Возникновение лингвопрагматической оппозиции

Именно на данном этапе языковые средства могут приобретать устойчивую дискриминационную маркированность. Исходя из этого, можем говорить о возникновении лингвопрагматической оппозиции дискриминационно маркированных языковых средств.

Этап 4. Устойчивое функционирование лингвопрагматической оппозиции дискриминационно маркированных лексических единиц в повседневной речи и медиадискурсе

На данном этапе можно отметить не только устойчивое существование лингвопрагматической оппозиции дискриминационно маркированных лексических единиц в повседневной речи, но и активное ее функционирование в медиадискурсе. Оппозиционно маркированные лексемы существуют как в отрицательном, так и в положительном значении коннотативного компонента, но под влиянием медиадискурса лексические единицы из бытового употребления переходят в разряд инвектив [Titscher et al., 2003, с. 176]. Инвектива является коммуникативным феноменом, позволяющим употребление табуированных лексем в агрессивном значении по отношению к участникам коммуникации. Являясь родовым понятием к мату, жаргону, брани, инвектива в отличие от них универсальна, поскольку позволяет участнику коммуникации употреблять ее в любых сферах общения [Жельвис, 2007; Засыпкин, 2010]. Под инвективной лексикой В.И. Жельвис понимает не только оскорбления, но и «разнообразную лексику, для которой, похоже, еще не придумано общепринятое название. Имеется в виду группа слов, в принципе осуждаемых обществом по самым разным причинам... В узком смысле инвектива - это всевозможные выпады» [Жельвис, 2008, с. 109]. Инвективная лексика, как правило, является социально ориентированной и рассчитана на то, чтобы, так или иначе, оскорбить человека.

Так, отмечая инвективизацию языковых средств в медиадискурсивном пространстве, В. И. Жельвис считает, что «рамки дозволенного в публичной

коммуникации, в медийном пространстве так расширились, что искоренять сквернословие, например, в быту уже никто даже не предлагает, речь идет только о том, чтобы в печати, на радио и в телепередачах не появлялись слова, произносить которые в обществе... в прежние добрые времена считалось непристойным» [Жельвис, 2015, с. 111].

Этап 5. Динамическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств

Данному этапу присуща дальнейшая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств, которые до определенного времени не считались неприемлемыми, но впоследствии обрели нежелательные ассоциативные значения. Например, с течением времени лексема **Black** становится неприемлемой для употребления и заменяется нейтрализованными **Black African, Afro-American, African-American**. Подлежат исключению из официального медиадискурсивного употребления даже семантически схожие понятия. Например, **black** и **white** в значениях: **черный – крайне отрицательно маркированный, безоговорочно плохой, а белый – крайне положительно маркированный, безоговорочно хороший**. К данной категории также относятся выражения, содержащие слова **master** и **slave (хозяин и раб)** [López, 2014]. Недавно авторы языка программирования **Go (Golang)** исключили из языка программирования именно эти лексемы. Так, лексемы **master** и **slave** в значениях **управлять процессом** и **подчиняться управлению** были заменены на нейтральные **process, pty, proc** и **control** (в зависимости от контекста), тогда как термин **blacklist** превратился в **blocklist (список запретов)**, а **whitelist** – в **allowlist (список разрешений)**. По словам разработчиков, «если существуют люди, которых обижают те или иные слова, то термины могут и должны быть заменены» [www.cnews.com, 2020]. Тем не менее, необходимо отметить тенденцию прагматики использовать недискриминационно маркированные языковые средства **N-word, W-Word, R-word** наряду с дискриминационно маркированными инвективными лексемами **nigger, wetbacks, retarded** и пр. [Syrett, 2020].

Более того, для данного этапа характерен не только активный процесс нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англоязычном медиадискурсе, но также и его крайние проявления – законодательное исключение дискриминационно маркированных языковых средств из употребления, как в случае с *N-word*, *W-Word*, *R-word* и др. Данное обстоятельство позволяет допустить возможность исключения и ряда других дискриминационно маркированных языковых средств из речевого употребления с течением времени.

Можем предположить, что данный этап нейтрализации является много-ступенчатым по своей структуре и требует дальнейшего наблюдения и изучения.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можем сделать вывод о том, что лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе является сложным, многокомпонентным процессом, реализующимся в несколько этапов и включающим в себя: возникновение лексической единицы в речи и медиадискурсе; прагматическое изменение коннотативного компонента лексической единицы под влиянием политических, социокультурных и socioэкономических факторов; возникновение лингвопрагматической оппозиции дискриминационно маркированных языковых средств; устойчивое функционирование лингвопрагматической оппозиции дискриминационно маркированных языковых средств; нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе. Тем не менее, несмотря на то, что процесс нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе проходит достаточно активно и успешно, в повседневной речи сохраняются тенденции употребления как дискриминационно маркированных, так и недискриминационно маркированных языковых средств.

1.2.8. Лингвистические инструменты осуществления нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе

Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в языке и медиадискурсе осуществляется посредством различных лингвистических инструментов. Одним из таких инструментов является эвфемизация понятий. Прежде всего, возникновение эвфемизмов обусловлено экстралингвистическими факторами, к которым относят особенности социокультурного и исторического развития социума, на что обращают внимание многие исследователи (см. работы Е. Б. Борисовой, Г. М. Вишневской, А. А. Григоряна, О. А. Сосой и др.). Так, например, по справедливому мнению Н. М. Бердовой, эвфемизмы, находясь на пересечении областей экстралингвистических и лингвистических стимулов, служат подтверждением «взаимообусловленности социально-психологических и денотативно-сигнификативных факторов» [Бердова, 1981, с. 26].

А. М. Кацевым эвфемия определяется как «сложное многогранное языковое явление, имеющее три аспекта: социальный, психический и собственно лингвистический» [Кацев, 1988, с. 4]. Социальный аспект эвфемии включает в себя лежащие в основе эвфемии социальные мотивы»; психический аспект обусловлен «эффектом смягчения высказывания», достигаемым в результате эвфемистической замены; лингвистический же аспект служит для определения эвфемистических признаков и условия их употребления в языке [Там же, с. 5]. Необходимо отметить, что, «помимо выполнения непосредственно эвфемистической функции, данные слова и выражения, являясь одним из источников синонимии, приводят к лексико-семантическим изменениям в языке и могут служить одним из стилистических средств наряду с метафорой, метонимией и сравнением» [Реброва, 2019, с. 172]. Область функционирования эвфемизмов достаточно обширна. Эвфемизация используется как в институциональных (деловой, политический, педагогический и т. д.), так и в бытийном и бытовом видах дискурса [Карасик, 2004]. Наиболее широко явление

эвфемизации используется в медиадискурсе, в основном, для нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств. Главным образом, нейтрализованные посредством эвфемизации языковые средства служат инструментами осуществления языковой манипуляции и достижения определенного коммуникативного эффекта, являясь также средством формирования общественного мнения (см. работы Г. Х. Ахматовой, В. Н. Бабаяна, А. А. Григоряна, С. А. Киселевой, Е. М. Малыгиной, О. Д. Пастуховой, Н. Е. Ребровой, Е. К. Темирбаевой, В. И. Шувалова, Е. В. Шляхтиной и др.).

Существование различных подходов к определению понятия «эвфемизм», интерес исследователей не только лингвистических, но и других областей научного знания (психология, социология, политология и др.) к изучению этого явления свидетельствуют о его сложности и недостаточной изученности (см. работы Л. А. Барковой, Л. В. Вавиловой, О. А. Михайловой, Н. М. Потаповой).

Так, например, Р. Рада, классифицируя подходы к исследованию явления эвфемизации, особенно выделяет узуализацию окказиональных языковых средств, служащих для преуменьшения их негативного значения [Rada, 2001, p. 7–9].

Под явлением узуализации принято понимать «процесс вхождения какого-либо наименования в узус, т. е. во всеобщее (в больших или меньших масштабах) пользование. Следствием этого процесса в плане содержания является формирование определенного лексического понятия, зафиксированного в языковом сознании всех носителей данного языка и предопределяющего выбор узуальной номинативной единицы в речевой деятельности» [Голев, 2022, с. 156].

Основной отличительной чертой окказионализмов является вариативность, т. е. один и тот же предмет или явление в различных коммуникативных ситуациях различными участниками коммуникации может быть определен различными способами. Другими словами, окказиональные наименования являются неустойчивыми динамичными языковыми формами; часто для определения того или иного предмета или понятия они заново создаются участниками коммуникативной ситуации.

Можем отметить, что для медиадискурсивной лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств характерен процесс узуализации понятия.

Следует отметить, что нейтрализованные языковые средства номинализируются / узуализируются в языке двумя способами: естественным и искусственным. Так, естественная номинализация понятий происходит спонтанно, произвольно; такие понятия входят или не входят в узус в зависимости от их способности выдерживать конкуренцию других возможных и реально существующих номинативных вариантов. Для их искусственной номинализации характерен осознанный подход к отбору номинативных вариантов, стремление к разовому закреплению определенного варианта в качестве всеобщей нормы употребления языковых средств. Например, понятие *Negro* номинализовалось естественно, далее естественно трансформировалось в однокоренные *nigga*, *nigger*. Под влиянием нейтрализации и искусственной номинализации в медиадискурсе понятие было трансформировано сначала в *Black*, потом в *African-American*, а на последнем этапе – в общеупотребительное *Americans* и крайне нейтрализованное *N-word*. Тем не менее, в обществе до сих пор сохраняется тенденция к употреблению всех вышеперечисленных понятий в зависимости от коммуникативной ситуации, но, что является наиболее важным, медиадискурс официальных СМИ предпочитает употребление узуализированных и нейтрализованных языковых средств, причем лингвопрагматика таких средств обусловлена «культурными традициями и этическими прескрипциями социума», экстралингвистической ситуацией, «отношением к табуируемому понятию и степенью распространения эфемизируемого явления в той или иной лингвокультуре» [Порохницкая, 2014, с. 6].

Отметим, что социокультурной и лингвистической причиной возникновения эфемизмов является языковое табу – «запрет на употребление определенных слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональным факторами» [Варбот, 1997, с. 552–

553]. Е. Н. Торопцева отмечает, что «эвфемизм рассматривается как разрешенное слово вместо запретного, табуированного» [Торопцева, 2003, с. 8].

Интересен тот факт, что, анализируя труды Гомера, Э. Бенвенист приходит к выводу, что некоторые социокультурные явления, считавшиеся у древних народов не соответствующими морали, религии или социальным нормам, нейтрализовались в языке «путем замены его (явления) каким-нибудь далеким или смягченным эквивалентом» [Бенвенист, 2002, с. 374].

Таким образом, следует заметить, что лингвопрагматическая нейтрализация понятий посредством эвфемизации не является новым явлением, она существует в обществе с древних времен.

Несмотря на то, что существует большое количество работ по изучению явления эвфемизации, до сих пор не имеется единого определения этого понятия. Так, Н. С. Арапова под **эвфемизмом** понимает «эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного ему слова или выражения, представляющегося неприличным, грубым или нетактичным» [Арапова, 1990, с. 590]. По мнению А. А. Реформатского, **эвфемизмы** – это «заменные, разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных)» [Реформатский, 2004, с. 105]. А. М. Кацев рассматривает эвфемизмы как «способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного, постыдного или одиозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами» [Кацев, 1988, с. 5]. Е. П. Сеничкина полагает, что эвфемизмы служат в качестве «заменителей обценной, прежде всего, матерной лексики» [Сеничкина, 2006, с. 41].

В рамках предпринятого исследования такие табуированные понятия могут быть охарактеризованы как *дискриминационные* или *дискриминационно маркированные*. Наличие у понятия дискриминационного маркера обусловлено отношением данного понятия к той или иной области дискриминации и содержанием тех или иных сем (или их комбинаций), а также коннотативных компонентов, которые могут быть отнесены к областям дискриминации.

В настоящем исследовании данные области дискриминации обозначены термином **«номинативные области употребления дискриминационно маркированных языковых средств»**. Под **номинативной областью** следует понимать совокупность ситуаций, объектов, понятий окружающей действительности, нуждающихся в нейтрализации вследствие наличия в структуре значения их наименования стигматичных сем и коннотативных компонентов с негативным значением.

Следовательно, семы (группы сем), а также коннотативные компоненты, дискриминирующие оценку понятия, являются **дискриминационно стигматичными** или **дискриминационно маркированными**.

И. А. Солодилова отмечает, что стигматичность «является основанием для идентификации тех или иных antecedентов неприемлемыми, нежелательными, неуместными и заключения, что тот или иной antecedент нуждается в завуалировании, скрытии» [Солодилова, 2017, с. 75].

По мнению Е. И. Шейгал, «снятие негативной коннотации (переключение оценочного знака) или снижение интенсивности отрицательной оценки» возможно путем редукции коннотативного компонента [Шейгал, 2000, с. 162].

Важно отметить, что все перечисленное приводит к лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств при осуществлении коммуникативного (дискурсивного) взаимодействия.

Так, например, дискриминационно маркированные англо- и русскоязычные средства (выражения) в категории дискриминации по возрастному признаку ***an old person*** и ***старый (по отношению к человеку)*** могут быть охарактеризованы набором таких стигматичных сем, как «старость», «болезни», «слабоумие», «немошь», «близость смерти» и др. Так или иначе, данные стигматичные семы имеют негативное значение коннотативных компонентов, поскольку страх оказаться беспомощным ввиду возрастных изменений, а также страх смерти присущи человеку. Более того, можно отметить и нежелание работодателей нанимать на работу людей после наступления определенного возраста ввиду их ограниченных способностей выполнять свои функциональные обязанности. Как

видим, все вышеперечисленное в комплексе дискриминационно маркирует языковые средства (выражения) *an old person* и *старый* и делает их нежелательными для использования в медиадискурсе. В результате эвфемистической замены *an old person* → *golden ager*; *старый* → *пожилой* от антецедентных словосочетаний сохраняется лишь сема «возраст», в то же время в структуре значения появляется положительная сема *golden* «золотой» в значении «лучший»; нейтральная сема *поживший* в значении «опытный», указывающие на причинно-следственную связь обсуждаемого возраста с данными характеристиками и переводящие фокус с негативных на нейтральные или позитивные качества денотата понятия.

Полагаем, что в случае с проявлениями нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств речь идет не только о стигматичных семах, составляющих парадигму нейтрализуемого дискриминационно маркированного языкового средства и определяющих его дискриминирующую составляющую, но и о негативной оценке денотата и/или сопутствующих коннотативных компонентов, ведущих, как следствие, к возникновению коммуникативного дискомфорта или к коммуникативному провалу. Так, основными лингвистическими функциями эвфемизма как инструмента лингвопрагматической нейтрализации являются: замена дискриминационно маркированного языкового средства дискриминационно немаркированным; редукция (изъятие) дискриминационно маркированных (стигматичных) сем и/или изменение их статуса на нейтральный / положительный; изменение значения коннотативного компонента с негативного на нейтральный / положительный.

Таким образом, в настоящей работе **эвфемизация** представляет **один из основных способов лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств**, который направлен на редукцию определенных дискриминационно стигматичных сем антецедентных наименований, а также на изменение значения коннотативного компонента с негативного на нейтральный/ положительный во избежание коммуникативного дискомфорта и неуспешной коммуникации.

Выводы по Главе 1

Проведенный анализ явления лингвопрагматической нейтрализации позволяет утверждать, что основной сферой современных лингвистических исследований становится дискурс и изучение прагматики различных языковых средств, т. е. таких языковых средств, которые способствуют корректной оценке и анализу определенной коммуникативно-речевой ситуации и, соответственно, достижению цели акта коммуникации и созданию возможностей для ее эффективного осуществления. Такой отказ от анализа текста как чисто языковой абстрактной структуры и прагматическая направленность исследований привели к возникновению новых направлений в лингвистике, основанных на теории коммуникации.

Теория дискурса становится самостоятельной междисциплинарной областью, отражающей общую тенденцию к интеграции в развитии современной науки, что способствует более глубокому и широкому исследованию дискурса и выявлению его специфических свойств. Дискурс изучается исследователем с различных точек зрения и является междисциплинарным явлением, которое с позиций прагмалингвистики рассматривается как обмен информацией, интерактивное коммуникативное взаимодействие участников определенной коммуникативно-речевой ситуации, на которое оказывают влияние различные экстралингвистические факторы, такие, например, как личность коммуникантов, их социальная принадлежность, место и время проведения коммуникации, вербальные и невербальные языковые средства, используемые коммуникантами в процессе общения и многое другое.

Появление и развитие технических средств осуществления коммуникации (радио, телевидение и особенно Интернет) оказало большое влияние на социальные, политические, экономические, культурно-исторические характеристики общества, на массовое сознание людей (участников коммуникации) и привело к возникновению **медиадискурса** – совокупности

процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия.

Медиадискурс обладает собственными аксиологическими свойствами, обусловленными триединой функцией средств массовой информации: воздействие информации, информирование и развлечение реципиента.

Основными понятиями явления медиадискурса являются текст, медиатекст и медиадискурс. Необходимо отметить, что текст – это сообщение; медиатекст – это сообщение, которое посредством коммуникативного канала доставляется реципиенту; а **медиадискурс** – это совокупность всех компонентов медиадискурсивной коммуникативной модели, устное или письменное коммуникативное взаимодействие, осуществляемое через некий канал вещания, дискурс которого ориентирован как на присутствующего, так и на потенциального реципиента – читателя, слушателя или зрителя.

Основными характеристиками медиадискурса являются коллективный, коллегиальный характер производства текстов и их направленность на огромную рассредоточенную в пространстве аудиторию, а также особый связующий механизм – медийный канал, посредством которого информация доставляется адресату (пресса, радио, телевидение, Интернет).

Медиадискурс может быть определен по способу коммуникативного взаимодействия коммуникантов. С данной точки зрения, **медиадискурс** – это публичное, устное или письменное коммуникативное взаимодействие, которое осуществляется через некий канал вещания (например, печатные источники информации; теле- и радио- каналы, Интернет-сайты), дискурс которого ориентирован как на присутствующего (эксплицитного), так и неприсутствующего (имплицитного / потенциального) читателя, слушателя, зрителя.

Критический дискурс-анализ является наиболее предпочтительным видом анализа в медиадискурсе. Поскольку медиадискурсивный контент является продуктом когнитивно-оценочной деятельности человека, реципиенту следует анализировать данный контент, используя критический дискурс-анализ во

избежание трансформации собственного мнения под влиянием средств массовой информации.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можем с уверенностью утверждать, что на сегодняшний момент медиадискурс является одним из самых влиятельных видов дискурса. Медиадискурс является публичным видом дискурса, поскольку имплицитно и эксплицитно предназначен для огромной аудитории реципиентов. Особенностью медиадискурса является особый канал взаимодействия адресатов и реципиентов, медиадискурсивное взаимодействие которых может осуществляться как синхронно, так и асинхронно. Ввиду того, что коммуникативное взаимодействие часто носит асинхронный характер, а также по причине личной заинтересованности авторов медиадискурсивного контента, критический дискурс-анализ должен являться основным видом анализа информации медиадискурсивных источников. Именно критический дискурс-анализ может обеспечить междисциплинарный подход к анализу медиадискурса, принимая во внимание явные и скрытые социально-политические проблемы, например, такие как расизм, капитализм, национализм, антисемитизм, сексизм и многие другие. Поскольку использование нейтрализованных языковых средств типично для медиадискурса, критический дискурс-анализ является наиболее предпочтительным видом анализа медиадискурсивных выражений, содержащих дискриминационно маркированные языковые средства.

Анализ явления лингвопрагматической нейтрализации как лингвистического, социокультурного и коммуникативного феномена, а также его основных характеристик и лингвистических инструментов осуществления нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе позволяет определить, что лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств представляет собой замену, редукцию или исключение из коммуникативного употребления лексем с негативным значением. Принимая во внимание функциональную универсальность явления лингвопрагматической нейтрализации,

считаем возможным применение основных его принципов в отношении дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе.

Интерес исследователей к изучению явления нейтрализации появился довольно давно, но в области прагмалингвистики и функционирование явления нейтрализации до сих пор остается недостаточно изученным.

Наличие лингвопрагматической оппозиции, содержащей множество различных лексико-семантических и стилистических языковых средств, прагматика которых определяется дискурсивными факторами и коммуникативно-речевой ситуацией является обязательным условием для осуществления лингвопрагматической нейтрализации.

В основе лингвопрагматической нейтрализации лежит изменение коннотативных компонентов, что обусловлено влиянием экстралингвистических факторов, восприятием дискурсивной ситуации коммуникантами, оценкой дискурса коммуникантами, условиями коммуникативно-речевой ситуации и многими другими.

Принцип политкорректности является основополагающим для выявления дискриминационно маркированных языковых средств. Использование нейтрализованных дискриминационно маркированных языковых средств направлено на избежание оскорбления или дискриминации по какому-либо признаку представителей различных социальных групп. Наличие маркированности / немаркированности дискриминирующих языковых средств позволяет определить существование лингвопрагматической оппозиции. В свою очередь, наличие лингвопрагматической оппозиции свидетельствует о реализации явления лингвопрагматической нейтрализации в рамках вышеупомянутой оппозиции.

Под влиянием политических, социоэкономических и социокультурных факторов происходит возникновение, изменение, а иногда и исключение языковых средств из речевого обихода в целом и медиадискурса, в частности. В ходе исследования определены **5 последовательных этапов осуществления**

лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе:

Этап 1. Возникновение лексической единицы в речи и в медиадискурсе.

Этап 2. Языковое изменение коннотативного компонента лексической единицы под влиянием социокультурных и социоэкономических факторов.

Этап 3. . Возникновение лингвопрагматической оппозиции дискриминационно маркированных языковых средств

Этап 4. Устойчивое функционирование лингвопрагматической оппозиции дискриминационно маркированных лексических единиц в речи и медиадискурсе.

Этап 5. Динамическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в речи и медиадискурсе.

В медиадискурсе нейтрализованные посредством эвфемизации дискриминационно маркированные языковые средства служат для корректной передачи информации, которая может вызвать нежелательную реакцию реципиента и помешать успешной коммуникации, т. е. привести к провалу коммуникации. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в языке и медиадискурсе осуществляется посредством различных лингвистических инструментов. Эвфемизация представляет собой один из основных способов лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств. Данный способ направлен на редукцию определенных дискриминационно стигматичных сем антецедентных наименований, а также на изменение значения коннотативного компонента с негативного на нейтральный / положительный во избежание коммуникативного дискомфорта и провала коммуникации.

Необходимо рассматривать нейтрализованные посредством эвфемизации языковые средства в совокупности значений их семантического и коннотативного компонентов, принимая во внимание их стилистические, экстралингвистические характеристики, а также особенности проведения коммуникации в целом.

Таким образом, **лингвопрагматическую нейтрализацию** можно квалифицировать как **сложный коммуникативный феномен, служащий для устранения дискриминирующих факторов как в повседневной речи, так и в медиадискурсе.** Механизм реализации лингвопрагматической нейтрализации в медиадискурсе может служить основой для прогнозирования дальнейшего исключения инвективных лексем сначала из медиадискурсивного, а затем, и из речевого употребления.

Глава 2. НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКРИМИНАЦИОННО МАРКИРОВАННЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

2.1. Основные номинативные области дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе

В рамках настоящего исследования считаем целесообразным определить номинативные области употребления дискриминационно маркированных языковых средств. Для их корректного определения считаем уместным согласиться с мнением С. Рича [Rich, 2006] о том, что основными категориями осуществления дискриминации в обществе являются *расовая, этническая, гендерная и религиозная принадлежность*. Кроме того, характерными для дискриминации являются также категории *физического, психического состояния и внешности людей*.

Собранный фактический материал диссертационного исследования позволяет выделить и проанализировать следующие **номинативные области употребления дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе**:

1. Расовая и этническая принадлежность.
2. Гендерная принадлежность.
3. Дискриминация по внешнему облику.
4. Дискриминация по физическому и психическому состоянию.
5. Социальное неравенство.
6. Дискриминация по возрасту.

Отметим, что существуют и другие номинативные области употребления дискриминационно маркированных языковых средств, но, как показал анализ практического материала, именно вышеперечисленные области употребления наиболее широко представлены в англо- и русскоязычном медиадискурсе.

Осуществление механизма дискриминации в обществе происходит посредством различных действий по отношению к дискриминируемым слоям общества; проявления дискриминации осуществляются посредством употребления особых языковых средств, целью которых является оскорбление, унижение или привлечение внимания к неравнозначному положению в обществе различных его членов. Такие языковые средства (**дискриминационная лексика**) являются дискриминационно маркированными.

Одной из попыток сократить использование либо полностью исключить из употребления в медиадискурсе дискриминационно маркированных языковых средств является использование так называемого **инклюзивного языка, основанного на принципе политкорректности**. В основном исследователи описывают инклюзивный язык в качестве способа «повысить осведомленность о дискриминационных терминах, которые можно легко заменить менее оскорбительными альтернативами» [Taheri, 2021]. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что многие современные лингвисты используют в своих работах данный термин, этот феномен до сих пор является недостаточно изученным и часто служит синонимичным для определения недискриминационно маркированных языковых средств [Jamali, 2021].

В отличие от принципа **политкорректности**, призванного **исключить** из употребления дискриминационно маркированные языковые средства, **инклюзивный язык** направлен на **включение (вовлечение, объединение)** представителей всех социальных групп в комфортное сосуществование в единой социальной среде.

При этом подчеркнем, что предпосылками для возникновения инклюзивного языка стали его более ранние и частные формы, такие как:

- гендерно-нейтральный язык;
- нерасистский язык;
- феминативы;
- лично-ориентированный язык (*пер с англ. **people first language** или **person first language***).

Использование гендерно-нейтрального языка призвано не выделять особо какие-либо гендеры; нерасистский язык призван не выделять категории расы и национальной принадлежности; использование феминативов служит для особого языкового выделения женщин; личностно-ориентированный язык призван избежать маргинализации или дегуманизации (сознательно или подсознательно) при обсуждении людей с хроническими заболеваниями или инвалидностью. Его можно рассматривать как разновидность этикета для людей с инвалидностью, но также данный язык может применяться в более широком смысле к любой группе, которую можно было бы определить или мысленно классифицировать по какому-либо состоянию или признаку (например, по расе, возрасту или внешности).

По мнению П. Тахери, такое объединение нескольких «языков» в один инклюзивный язык стало возможным благодаря либерализации и переходу общества на новый уровень развития [Тахери, 2021].

Подчеркнем, что результатом развития этой идеи стал ряд международных, национальных и государственных законов и рекомендаций, в частности, ООН и ЮНЕСКО, определившие основные цели развития такого общества:

- создание среды, в которой никакие социальные группы не будут исключены из сообщества;
- повышение осведомленности людей, не принадлежащих к таким социальным группам;
- использование языковых средств, которые помогут избежать унижения и оскорбления людей, основанного на стереотипах и личных представлениях [www.unesco.org; www.un.org]. Иными словами, использование недискриминационно маркированных языковых средств либо использование нейтрализованных языковых средств.

Таким образом, исходя из вышеизложенного обзора материала, считаем важным отметить современную тенденцию к нейтрализации не только отдельных языковых средств языка, но и языка в целом. Данные модификации вызваны изменениями в социокультурной жизни общества и отношением общества к проблемам дискриминации и социального неравенства.

2.2. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в номинативной области «Расовая и этническая принадлежность»

Несмотря на то, что в современном обществе дискриминация людей по расовому и этническому признаку считается неприемлемой, данная проблема все еще существует и широко обсуждается в медиадискурсивных источниках.

Как уже упоминалось в п. 1.1.8, лексема *negro* и ее производные под влиянием лингвопрагматической нейтрализации превратилась в *N-word*, а лексема *wetbacks* в *W-word*.

Помимо этого, существуют и другие нейтрализованные языковые средства для обозначения представителей данной номинативной области. Например, в 2021 г. источник The Globe and mail сообщает:

(англ.) The idea that undocumented newcomers consume an outsized proportion of U.S. social services and don't pay taxes is a common talking
(выделено нами. – К. М.) [www.theglobeandmail.com]. // *Идея о том, что приезжие без документов потребляют чрезмерную долю социальных услуг в США и не платят налоги, является довольно распространенной в обществе* (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данный медиатекст, можем отметить, что медиадискурсивный источник нейтрализует понятие «нелегальные иммигранты», которое подразумевается в медиатексте. Проводя критический дискурс-анализ, можем сделать вывод о том, что общество недовольно тем обстоятельством, что государство тратит значительную часть бюджетных средств на людей, которые не платят налоги, соответственно, не пополняют бюджет. Можем также отметить, что лингвопрагматическая нейтрализация языкового средства *undocumented newcomers* произведена посредством эвфемизации понятия *illegal immigrants*, поскольку, в основном, именно нелегальные иммигранты пересекают границу США без документов. Следовательно, языковое средство может быть отнесено к номинативной области дискриминации «Расовая и этническая принадлежность».

Употребление нейтрализованного языкового средства *undocumented newcomers* затрудняет понимание данного фрагмента, которое невозможно без проведения критического дискурс-анализа и дополнительных знаний в данной сфере.

Следует отметить, что в русскоязычном медиадискурсе понятие расовой дискриминации проявляет лакуарность. Данное обстоятельство связано с отсутствием принадлежности к какой-либо расе на территории Советского Союза. Однако именно многонациональный состав данного государства, а также последующее его разделение на независимые государства, обусловил появление и функционирование в русскоязычном медиадискурсе нейтрализованных дискриминационно маркированных языковых средств, выделяющих этнические и национальные признаки различных социальных групп.

Рассмотрим сообщение 2020 г. медиаисточника Известия:

(рус.) Дефицит рабочей силы из-за коронавируса на строительных площадках России достиг 40-50%. В связи с этим бизнес попросил вернуть в страну гастарбайтеров. Строить миграционную политику страны на представлении, что трудовые мигранты могут оставаться лишь непродолжительное время, – это неверный путь, это неэффективно. Другое дело, что российский рынок труда весьма привлекателен для экспатов.

Данное медиасообщение содержит сразу несколько как дискриминационно маркированных – *гастарбайтеры*, так и нейтрализованных – *трудоовые мигранты, экспаты* – языковых средств. *Гастарбайтер* (нем. *Gastarbeiter*), — термин, обозначающий иностранца, или жителя другого государства, работающего по временному найму и имеет негативную окраску коннотативного компонента в русском языке. Данное обстоятельство сходно с таковым для англоязычного *wetbacks*, т. е. на формирование данного языкового средства повлияли аналогичные социо-экономические и социо-политические факторы. Языковое средство *трудоовые мигранты* является нейтрализованным посредством эвфемизации языковым средством, употребляющимся в русскоязычном медиадискурсе. Нейтрализованное языковое средство *экспаты*

(англ. *expat* сокр. от *expatriate*, происходит от лат. *ex patria* «вне родины») – сленговое название для иностранных специалистов, работающих за пределами государства, гражданами которого они являются [Борисов, 2010, с. 189]. Ранее экспатами называли только высококвалифицированных специалистов, но в последнее время появилась тенденция к определению всех трудовых мигрантов данным языковым средством [Глущенко, 2019, с. 167].

Другим примером нейтрализации языковых средств номинативной области дискриминации «Расовая и этническая принадлежность» может служить языковое средство *nonwhite*, используемое в медиадискурсе для обозначения людей, отличных от представителей негроидной и европеоидной рас, а также представителей отличных от социального большинства этнических групп. Так, например, медиадискурсивный источник 2022 г. Essence сообщает:

(англ.) But of the 261 female athletes on the Women's Qualifying Series in the World Surf League (WSL), only a handful are nonwhite, including Anali Gomez of Peru, Bahia Frediani from Guadeloupe, who surfs for France and Rosanny Alvarez from Venezuela (выделено нами. – К. М.) [www.essence.com]. // *Но из 261 спортсменок, участвующих в квалификационном отборе Всемирной женской лиги серфинга, лишь немногие – небелые, в том числе Анали Гомес из Перу, Бахия Фредяни из Гваделупы, выступающая за Францию, и Розанни Альварес из Венесуэлы* (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данный медиатекст, можем отметить, что медиадискурсивный источник использует нейтрализованное языковое средство *nonwhite* вместо дискриминационно маркированных *Latinos, colored* в отношении женщин-спортсменок, не являющихся представителями этнического большинства стран Запада. С другой стороны, вышеупомянутое языковое средство является в то же самое время и дискриминационно маркированным, поскольку его употребление подчеркивает отличие по признаку этнической принадлежности женщин из Латинской Америки от других женщин.

В русскоязычном медиадискурсе аналогом нейтрализованного языкового средства *nonwhite* является нейтрализованное языковое средство *нерусский* использующееся для обозначения представителей отличных от социального большинства этнических групп. Рассмотрим медиасообщение 2009 г. источника «Известия»:

(рус.) Такая ситуация уже никого не удивляет, регулярно происходит что-то в этом роде, когда нерусские бьют или убивают русских, а следствие не находит состава преступления (выделено нами. – К. М.) [www.iz.ru].

Анализируя данный медиатекст, отметим, что медиадискурсивный источник использует нейтрализованные языковые средства *нерусские* вместо дискриминационно маркированных языковых средств в значении «выходцы с Кавказа» в отношении мужчин, не являющихся представителями этнического большинства на территории России. С другой стороны, вышеупомянутое языковое средство является в то же самое время и дискриминационно маркированным, поскольку его употребление подчеркивает отличие по признаку этнической принадлежности людей с Кавказа от людей, проживающих на территории России, в частности, и всех людей, в целом.

Считаем необходимым отметить, что медиадискурсивные изменения в использовании нейтрализованных языковых средств происходят довольно быстро. Современные медиаисточники избегают использования лексики *black* (*Black*) и предпочитают иные способы описания чернокожего населения в медиадискурсе. Например, источник 2022 г. сообщает:

(англ.) But getting black children involved in gymnastics is one thing. One of the reasons Moore founded Black Girls Do Gymnastics in 2015 is to keep them. The Foundation is dedicated to providing scholarships, coaching, training and other forms of support to underrepresented group athletes (выделено нами. – К. М.) [www.ohionewstime.com]. // Но привлечь чернокожих детей к занятиям гимнастикой – это одно. Одна из причин, по которой Мур основала в 2015 году организацию Black Girls

*Do Gymnastics, – сохранить их. Фонд занимается предоставлением стипендий, тренерской работы, обучения и других форм поддержки спортсменам из **недопредставленных групп** (перевод наш. – К. М.).*

Приведенный медиатекст может быть отнесен к номинативной области дискриминации «Расовая и этническая принадлежность». Медиаисточник не смог избежать использования лексемы **black (Black)**, поскольку в 2015 г. была создана спортивная организация для обучения чернокожих девочек Black Girls Do Gymnastics. Однако в 2022 г. медиаисточник уже не использует лексему **black (Black)**, а употребляет нейтрализованное посредством эвфемизации дискриминационно маркированное языковое средство **underrepresented group**, переданное нами как **недопредставленные группы**. Как видим, употребление лексемы **black (Black)** еще в 2015 г. было обычным явлением для общества и медиадискурса в том числе, а уже в 2022 г. ее использование стало неприемлемым. Можем с уверенностью говорить о том, что наличие лингвопрагматической оппозиции **black (Black) / underrepresented group** указывает на то, что лингвопрагматическая нейтрализация произведена посредством эвфемизации. Однако отметим, что употребление нейтрализованного языкового средства **underrepresented group** затрудняет понимание данного фрагмента и невозможно без проведения критического дискурс-анализа и дополнительных знаний в данной сфере.

Интересно также заметить, что данное языковое средство может быть нейтрализовано таким образом, что понять интенцию автора в другом фрагменте медиасообщения будет почти невозможно:

*(англ.) Ultimately our goal is to provide students from **underrepresented groups** with substantive experiences so that they can begin to imagine this as a first-choice option for their careers (выделено нами. – К. М.) [www.businesswire.com]. // В конечном итоге наша цель – предоставить студентам из **недопредставленных групп** предметный опыт в качестве первого шага в выборе карьеры (перевод наш. – К. М.).*

В данном фрагменте не представляется возможным определить принадлежность студентов к каким-либо социальным группам ввиду использования крайне нейтрализованного, инклюзивного языкового средства *underrepresented groups*. Однако с учетом проанализированных в настоящей работе медиатекстов, можем утверждать, что нейтрализованное языковое средство *underrepresented groups* используется в англоязычном медиадискурсе для нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств номинативной области дискриминации «Расовая и этническая принадлежность».

Для русскоязычного медиадискурса характерны сходные тенденции к осуществлению нейтрализации. Например,

(рус.) Однако же они (нерусские) – либо граждане России, либо иностранцы, живущие на территории России, и должны соблюдать наши законы (выделено нами. – К. М.) [www.iz.ru].

Анализируя данный медиатекст, можем заметить, что медиадискурсивный источник использует нейтрализованные языковые средства *граждане России, иностранцы, живущие на территории России* вместо дискриминационно маркированных языковых средств в значении «выходцы с Кавказа» в отношении мужчин, не являющихся представителями этнического большинства на территории России. Употребление данных нейтрализованных языковых средств крайне затрудняет понимание медиаконтекста, однако, довольно успешно используется в русскоязычном медиадискурсе для нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств номинативной области дискриминации «Расовая и этническая принадлежность».

Таким образом, можем отметить значительное количество нейтрализованных языковых средств номинативной области дискриминации «Расовая и этническая принадлежность» как в англо-, так и в русскоязычном медиадискурсе. Однако ввиду отсутствия в русской лингвокультуре самого феномена рабства, дискриминация по расовому признаку, а, соответственно, и нейтрализация языковых средств по расовому признаку, в русскоязычном медиадискурсе проявляет свою лакунарность, в то время как в англоязычном

медиадискурсе представлена крайне широко. Использование дискриминационно маркированных и нейтрализованных языковых средств по отношению к определению этнических признаков характерно как для англо-, так и для русскоязычного медиадискурса.

2.3. Лингвопрагматическая нейтрализация языковых средств в номинативной области дискриминации «Гендерная принадлежность»

В настоящем разделе считаем целесообразным подробно рассмотреть явление лингвопрагматической нейтрализации номинативной области дискриминации «Гендерная принадлежность» в медиадискурсе.

Следует заметить, что в современном обществе понятие **гендер** (англ. *gender*, от лат. *genus* «род») рассматривается в качестве спектра характеристик, определяющих женщин и мужчин на основе их социальных ролей. Использование понятия **гендер** синонимично понятию **пол** ошибочно. Дело в том, что понятие гендера затрагивает *психические, культурные и социальные различия*, а понятие пола – только *физические (анатомические и физиологические) различия*. Часть людей **агендерны**, т. е. не имеют гендерной идентичности, часть людей находится в процессе осознания своей гендерной принадлежности [Gaetano, 2017, p. 125-127].

Так, отметим, что согласно гендерной теории, гендеры могут определяться бесконечно. Однако в настоящее время отсутствует единая типологизация гендеров, поэтому существующее количество гендеров варьируется от 72 до 300 [www.medicin.net].

Выделяют гомосексуальные гендеры:

Lesbians / **лесбиянки** – женщины, предпочитающие отношения с женщинами; *Gays* / **гей** – мужчины, предпочитающие отношения с мужчинами; *bisexuals* / **бисексуалы** – не делают различий между мужчинами и женщинами, как в сексуальном, так и в романтическом плане; *transgenders* / **трансгендеры** –

те, кто недоволен своим биологическим полом (например, *транссексуалы* стремятся сменить пол хирургически, а *трансвеститы* просто переодеваются в одежду противоположного пола) и многие другие.

Также выделяют: *agender / агендер* – человек в принципе отказывается применять к себе категорию гендера (но это не означает бесполость); *androgynе / андрогин* (сразу не скажешь, женщина или мужчина) или *hermaphrodite / гермафродит* (обладает половыми признаками обоих полов); *bigender / бигендер* – ощущающий себя в разное время то мужчиной, то женщиной; *cisgender / цисгендер* – от лат. «пред» –, т. е. «недо» – (без негативной коннотации) – транссексуалы, находятся в стадии перехода либо к женскому, либо к мужскому полу (ждут операцию, проходят гормональную терапию и т. д.). К переходным гендерам в этой связи относятся *cis female* и *cis male*; *FTM* – женщина, хирургически принявшая облик мужчины; *MTF* – мужчина, хирургически, внешне, принявший облик женщины; *gender fluid / гендерфлюид* – неустойчивый гендер – не отождествляет себя с мужским либо женским полом, а периодически ощущает себя то мужчиной, то женщиной, либо лицом без пола, либо обоих полов сразу. Это может проявляться в том, как человек одевается, выражает и описывает себя; *genderqueer / гендерквир* – особенный гендер – определение данного гендера затруднительно даже для определяющих себя подобным образом. Появившиеся в языке новые явления требуют языкового описания, которое, на наш взгляд, в настоящий момент крайне затруднено, ввиду неустойчивости терминологической базы и отсутствия узуальности определений.

Тем не менее, дискриминация по гендерному признаку «является объектом пристального внимания феминисток» [Шляхтина, 2009, с. 54]. Изначально феминисток волновали равные с мужчинами права, возможность получения образования, участие в выборах, справедливое разделение труда. Добившись этих целей, «современные феминистки считают, что необходимы и дальнейшие изменения в стереотипах изображения женщин в медиа и в языке» [Мельникова, 2020, с. 24]. Они полагают, что языковая дискриминация женщин по гендерному признаку является составной частью дискриминации женщин вообще; женщинам

отведена второстепенная роль по отношению к мужчинам. Существует мнение, что причиной возникновения и распространения такой традиции использования языковых единиц является андроцентричная (ориентированная на мужской гендер) структура английского языка [Григорян, 2021, с. 148]. Именно «мужчины обладают властью устанавливать значения, закодированные в языке, а стало быть, эти значения отражают в большей степени мужское восприятие действительности, нежели женское» [Спендер, 2001, с. 778]. В связи с этим во второй половине XX в. появился термин *sexism*.

Словарь The Oxford Learners Dictionary приводит следующее определение сексизма: 1) “legislation designed to combat sexism in the work place”; 2) “a study of sexism in language” [Oxford Learners Dictionary]. // «1) условия, законодательно направленные на борьбу с сексизмом на рабочем месте; 2) изучение сексизма в языке» (перевод наш. – К. М.).

По данному вопросу А. В. Кириллина считает, что в научном описании следует отдавать предпочтение термину «гендерная асимметрия», поскольку данный термин характеризует «особенности отражения в языке лиц мужского пола и женского пола, ролевых стереотипов и т. д., тогда как понятие *сексизм* предполагает как бы намеренную дискриминацию, в то время как намерение – и, тем более, злое – у языка, разумеется, отсутствует» [Кириллина, 2005, с. 11].

Согласно сопоставительному анализу И. И. Халеевой, некоторые пары гендерных оппозиций содержат дискриминационную составляющую по отношению к слову только женского рода [Халеева, 1999, с. 7].

Например, лексема *Governor* – переводится как *губернатор, правитель, регулятор, начальник, комендант, хозяин, господин, заведующий, властитель* [Dictionary. Cambridge.org]. Так или иначе, это руководитель, человек, занимающий руководящую должность, человек с высоким статусом и положением в обществе. В то время как лексема *Governess* – *гувернантка, воспитательница, нанятый для присмотра за детьми работник – обслуживающий персонал, человек с невысоким социальным статусом* [Dictionary. Cambridge.org]. Примерами подобных оппозиций могут также являться пары *bachelor / spinster* в

значении *холостяк / старая дева*. Предполагается, что быть неженатым **мужчиной** (лицом мужского пола, холостяком) в любом возрасте нормально и непредосудительно, в то время как **женщине** (лицу женского пола) не быть замужем при достижении определенного возраста практически неприлично и часто означает, что у такой женщины существуют какие-то явные или скрытые недостатки. Сторонники феминистского движения считают такие оппозиции доказательством языковой дискриминации женщин и и прилагают значительные усилия для изменения языковых норм, в связи с чем в языке появляются нейтрализованные дискриминационно маркированные языковые средства, семантически не связанные с идеей мужского / женского пола (гендера).

Отметим, что подобные процессы являются более характерными для английской лингвокультуры, чем для русской. Считаем, что данное обстоятельство является следствием либеральных процессов, протекающих в западном обществе.

В результате подобных изменений возникло новое языковое явление – *non-binary language* – **небинарный язык** (*nonsexist language, gender neutral language, non-gender specific language*), т. е. язык, использующий нейтрализованные лексико-семантические единицы вместо дискриминационно маркированных. По мнению Дж. Батлер, термин «небинарность» служит инструментом для устранения оппозиции «мужское» и «женское» и определяет потребность в признании такого гендера в качестве основы природы человека [Butler, 1999, p. 23]. Данные изменения, несомненно, привели к значительному изменению самого языка и возникновению целого ряда новых лексических единиц. Причем, данные изменения затронули не только известные своей либеральноориентированной политикой страны Запада, но и довольно консервативные страны Латинской Америки.

Медиаисточник 2021 г. The Hrwnews сообщает:

(англ.) *The change comes per a decree by President Alberto Fernández, which states that “X” will be used to denote the following meanings: “non-binary, undetermined, unspecified, undefined, not informed, self-perceived,*

*not recorded; or another meaning with which the person who does not feel included in the masculine/feminine binary could identify” (выделено нами. – К. М.) [www.thehill.com]. // Изменения произошли согласно указу президента Альберто Фернандеса (действующий президент Аргентины), в котором говорится, что X будет использоваться для обозначения следующих значений: **небинарный, неопределенный, неинформированный, самовоспринимаемый, незафиксированный; или другое значение, с которым человек, не чувствующий себя включенным в бинарную систему мужского/женского, мог бы себя идентифицировать** (перевод наш. – К. М.).*

Исходя из вышесказанного, можем отметить, что введение инклюзивного языка в некоторых странах происходит на законодательном уровне.

В настоящее время существуют рекомендации некоторых исследований по использованию небинарного языка с целью устранения в нем гендерных оппозиций [Палажченко, 2004; Панин, 2004; Шляхтина, 2009; Кузнецова, 2017 и др.]. Однако, использование такого языка носит скорее рекомендательный характер. Следует отметить, что в русскоязычной лингвокультуре его использование затруднено ввиду употребления морфологических единиц, определяющих род. Тем не менее, сторонники употребления такого языка есть как в англо-, так и в русскоговорящих странах. Более того, под влиянием нейтрализации на морфологическом уровне многие языковые средства обеих лингвокультур не только изменились, но и вошли в узуальное употребление.

2.3.1. Изменения языковых средств под влиянием нейтрализации на морфологическом уровне

По мнению сторонников феминизма, использование морфемы **-man** в англоязычном медиадискурсе не соответствует принципам небинарности личности и равноправия мужчин и женщин. В связи с этим требуется замена

морфемы **-man** на морфему **-woman**. Поэтому наряду с лексемами, содержащими морфему **-man**, появились лексемы, содержащие и морфему **-woman**:

businessman – *businesswoman*,
chairman – *chairwoman* и др.

Более радикальные в своих воззрениях сторонники феминизма подвергли критике морфему **-man** в качестве основной в лексеме *woman*, что, по их мнению, являлось признаком превосходства «мужского» пола над «женским». Данное обстоятельство привело к возникновению тенденции употребления профессиональной терминологии, не содержащей информации о принадлежности к какому-либо полу. Например, под влиянием данной тенденции использование оппозиционных гендерно маркированных *businessman* – *businesswoman* и *chairman* – *chairwoman* трансформировалось в гендерно нейтральные и оппозиционно немаркированные *businessperson* и *chairperson* при помощи морфемы **-person**. Отметим, что, несмотря на это, в современном английском языке до сих пор сохраняется тенденция употребления как гендерно нейтрализованных, так и бинарных лексических единиц.

Довольно часто морфема **-man** является компонентом сложных слов, обозначающих род деятельности, профессию. Например, *cameraman*, *spokesman*, *doorman*, *congressman*, *mailman* и др. В данном случае также происходит:

1) морфемная замена гендерно маркированной оппозиции гендерно нейтрализованной, например:

cameraman – *cameraperson*,
spokesman – *spokesperson* и др.;

2) замена гендерно маркированного компонента словосочетания гендерно нейтрализованным, например:

insurance man – *insurance agent*,
policeman – *police officer*,
taxman – *tax officer/inspector* и др.;

3) замена гендерно маркированной лексической единицы гендерно нейтрализованной, например:

Congressman – *representative, member of Congress*,
businessman – *executive, manager*;

Морфема *man-* также может являться первой частью сложного слова, например, *mankind* или *manhood*. В первом случае эту морфему обычно заменяют либо другой морфемой *humankind*, либо словами *humanity, people, society*, либо целым выражением *the human race, men and women*; во втором случае предлагают использовать лексемы *adulthood, maturity* и т. д. Например, медиаисточник 2021 г. избегает использования морфемы *man-*, заменяя ее на *humankind*:

(англ.) *The resurrection of Jesus from the dead is the source of hope for humankind, Pope Francis told a global audience on Easter Sunday in his address* (выделено нами. – К. М.) [www.americamagazine.org]. // *Воскресение Иисуса из мертвых является источником надежды для человечества, сказал Папа Франциск всемирной аудитории в Пасхальное воскресенье в своем обращении* (перевод наш. – К. М.).

Кроме того, наблюдается тенденция замены морфемы *man-* в таких лексемах, как *manhandle* (грубо обращаться). Поскольку, вероятнее всего, лексема произошла от грубого, стереотипно «мужского» поведения в противопоставление поведению мягкому, нежному стереотипно «женскому»; *manhole* (люк) – аналогично предыдущему примеру имелась в виду типично «мужская», связанная с ремонтом и тяжелым физическим трудом, работа, например, в сантехнической отрасли, производимая исключительно мужчинами и т. д. С целью исключения бинарности гендерного подхода к определению языковых единиц, такие слова рекомендуется заменять их гендерно нейтральными вариантами, такими как: *abuse, mistreat, maltreat, mishandle, damage, maul* вместо *manhandle*; *sewer hole, utility access hole, vent hole* вместо *manhole* [Flink, 2016, p. 126].

Лингвопрагматической нейтрализации подвергаются и *суффиксы*, изначально определяющие гендерную принадлежность профессии. Не рекомендуется использовать суффикс *-ess*, долгое время служивший в английском

языке для образования феминитивов, например, *actress* (актриса), *stewardess* (стюардесса), *poetess* (поэтесса), *princess* (принцесса) и др. Так, для обозначения стюарда/стюардессы в настоящее время рекомендуется использовать гендерно-нейтральное *flight attendant* – бортпроводник.

Вызывает интерес тот факт, что *prince / princess* употребляется без изменений, но, скорее всего это связано с не слишком частотным употреблением данных лексем, а также, возможно, с консервативными традициями Западных стран по отношению к членам королевских семей [www.fpa.es].

Следует отметить, что для русского языка в данной сфере характерно употребление, как андроцентричных, так и фемининоцентричных форм. Однако официальные медиадискурсивные источники предпочитают употребление андроцентричных форм. Например,

(рус.) *Победителем республиканского конкурса «Учитель года Чувашии – 2022» стала Екатерина Ананьева, учитель английского языка МБОУ «СОШ №17» г. Новочебоксарска* (выделено нами. – К. М.) [www.nowch.cap.ru].

Данный медиатекст, как видим, содержит лексические единицы, традиционно определяющие понятия мужского рода в русском языке по отношению к определению женщины – *победитель, учитель*.

Намеренная нейтрализация прежде андроцентричных лексических единиц выражается в искусственном образовании феминитивов:

(рус.) *Редакторка раздела «Семья» Виктория Боярская рассуждает о том, что главным источником зла в ее жизни были вовсе не СМИ и не королевский дворец, а патриархат, который она в конце концов победила — не для себя, но для потомков* (выделено нами. – К. М.) [www.daily.afisha.ru].

Как видим из приведенного русскоязычного медиатекста, медиаисточник намеренно употребляет феминитив *редакторка*, поскольку в самом медиатексте В. Боярская, которая также идентифицирует себя как *«журналистка, блоггерка и создательница* интернет-ресурса *«Домоводство»* подчеркивает то

обстоятельство, что она «победила патриархат» – андроцентричный социальный феномен. Использованием феминитива *редакторка* автор пытается подчеркнуть отличие редакторов-женщин от редакторов-мужчин посредством изменения традиционно употребляемого существительного мужского рода *редактор*. Однако использование феминитивов не только затрудняет корректное понимание медиатекстов реципиентом (читателем) и противоречит нормам русского языка, но и требует наличия эксталингвистических знаний

В англоязычном медиадискурсе рекомендуется избегать гендерно маркированных *actor* / *actress* и заменять их нейтрализованным *actron* [www.pinterest.ru]. Аналогично следует поступать с *waiter* / *waitress*, заменяя их нейтрализованным *waitron* [Merriam-Webster Dictionary]. В русскоязычном же медиадискурсе сохраняется традиционное употребление языковых единиц.

В англоязычном медиадискурсе лингвопрагматической нейтрализации подверглись понятия *husband* и *wife* в значении *муж и жена, супруги*. Современное медиадискурсивное употребление предпочитает гендерно нейтральное языковое средство *partner*, при обозначении людей, связанных узами брака или живущих вместе как супруги. Необходимо отметить, что не всегда данными супругами будут разнополюе представители общества. Например, медиаисточник 2021 г сообщает:

(англ.) *Leslie Lawrenson, 58, died at his home in Bournemouth, Dorset, on 2 July. His partner Amanda Mitchell, 56, who was seriously ill with Covid at the same time, said he thought the vaccines were too “experimental”* (выделено нами. – К. М.) [www.bbc.com]. // *Лесли Лоуренсон, 58 лет, умер в своем доме в Борнмуте, графстве Дорсет, 2 июля. Его партнер Аманда Митчелл, 56 лет, который в то же время был серьезно болен Ковидом, сказал, что он считал вакцины слишком «экспериментальными»* (перевод наш. – К. М.).

По нашему мнению, использование гендерно нейтрального языкового средства *partner* затрудняет понимание данного фрагмента, поскольку невозможно точно определить, какова гендерная принадлежность Аманды и в

каких отношениях находятся Лесли и Аманда: они могут быть партнерами по бизнесу, поскольку у них разные фамилии; они могут быть мужем и женой, что вероятнее всего является верным, учитывая их возраст и тот факт, что использование гендерно нейтрального языка получило широкое распространение лишь в последние 10 лет, а могут быть и мужем либо женой и женой, если придерживаются прогрессивных воззрений; они могут состоять в так называемом «гражданском браке», т. е. жить и вести совместное хозяйство, не регистрируя свой брак официально.

Очевидно, что лингвопрагматика нейтрализованных языковых средств часто затрудняет понимание медиадискурсивной информации. Например, другой медиаисточник 2021 г. сообщает:

*(англ.) The US can continue its appeal against the decision not to extradite **Julian Assange**, a court has ruled, as his **partner** said the family had received death threats and pleaded for their “nightmare” to end* (выделено нами. – К. М.) [www. news.sky.com]. // *Власти США могут обжаловать решение об отказе в экстрадиции Джулиана Ассанжа, постановил суд, поскольку его **партнер** заявил, что семья получала угрозы убийства, и умолял прекратить «этот кошмар»* (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данный фрагмент, можем сказать, что лингвопрагматика гендерно нейтрального языкового средства *partner* не позволяет нам сделать выводов ни о половой принадлежности партнера, ни о его роли в жизни Джулиана Ассанжа. Данный партнер может являться для Джулиана Ассанжа и супругой (супругом), и гражданской женой (мужем), и любовницей (любовником), и деловым партнером (партнершей), и партнером (партнершей) по гольфу и др.

Для русскоязычного медиадискурса также характерна тенденция стремления избежать гендерного определения ролей в семье. Например:

(рус.) Родителям в паре бесконечно что-то вместе надо делать, начиная с проверки домашних заданий, заканчивая семейными ужинами. Но вот дети вырастают и вылетают из гнезда, у каждого своя жизнь. И наступает пустота — пропадает общая цель, такая сближающая

для **партнеров** и иногда сдерживающая искусственно **пару** около себя (выделено нами. – К. М.) [www.aif.ru].

Возможно, используя нейтрализованные эвфемизмы **родители в паре, партнеры, пара**, медиадискурсивные источники имеют интенцию увеличить аудиторию реципиентов.

Наблюдается также тенденция к нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств с помощью морфемы **cis-**. Сторонники инклюзивного языка используют данную морфему, обозначая человека, чье ощущение личной идентичности и пола соответствует его полу при рождении. Например, медиаисточник 2021 г. The Hill сообщает:

(англ.) *In California, state law explicitly prohibits **discrimination based on gender, gender identity or gender expression**, ensuring **trans people** have the same rights as their **cisgender** counterparts* (выделено нами. – К. М.) [www.thehill.com]. // *В Калифорнии закон штата прямо запрещает дискриминацию по признаку пола, гендерной идентичности или гендерного самовыражения, обеспечивая транссексуалам те же права, что и их **цисгендерным** сверстникам* (перевод наш. – К. М.).

Анализируя медиатекст, можем отнести его к номинативной области дискриминации «Гендерная принадлежность», поскольку речь во фрагменте идет о “**discrimination based on gender, gender identity or gender expression**” – «дискриминации по гендерному признаку». Поскольку в данном фрагменте речь идет о гендерных категориях в целом, и о трансгендерах, в частности, можем говорить о наличии лингвопрагматической оппозиции **trans people / cisgender**. Образованная при помощи префикса **cis-** лексическая единица **cisgender** является нейтрализованным посредством эвфемизации языковым средством со значением **имеющий гендерную идентичность, которая полностью соответствует полу, присвоенному ему при рождении**. Считаем необходимым также отметить, что не обладающему специальными знаниями реципиенту невозможно корректно понять значение данного языкового средства.

К номинативной области дискриминации «Гендерная принадлежность» также можем отнести следующий медиатекст источника 2020 г.:

(англ.) *Gender-fluid people fluctuate in their gender identity over periods of time. For example, someone who is **gender-fluid** may say they are a **boy** one day and align themselves more with being **femme** the next day* (выделено нами. – К. М.) [www.insider.com]. // У людей с **гендерной изменчивостью** гендерная идентичность иногда меняется. Например, **человек с гендерной изменчивостью** может в один день сказать о своей принадлежности к **мужскому полу**, а в другой больше склоняться к **женственности** (перевод наш. – К. М.).

Стараясь избежать дискриминации по гендерному признаку, общество создает нейтрализованные эвфемизмы, такие, например, как *gender-fluid*, для определения людей, не определившихся со своей половой принадлежностью, чья половая принадлежность может трансформироваться как в сторону мужественности, так и женственности. Данное обстоятельство дает нам право утверждать наличие лингвопрагматической оппозиции *male sex, female sex / gender-fluid*, в которой последнее является нейтрализованным посредством эвфемизации языковым средством. Считаем необходимым также отметить, что реципиенту, не обладающему специальными знаниями, трудно или почти невозможно корректно понять значение данного языкового средства.

Нейтрализованные языковые средства также используются русскоязычных медиадискурсивных источниках:

(рус.) *Российский хореограф, наставник учеников группы Этери Тутберидзе Алексей Железняков также высказался об участии **фигуриста-трансгендера** на чемпионате Европы по фигурному катанию. «Если уж вышел **гей** или **трансгендер**, то хотя бы отправили того, кто умеет кататься. А к чему всё это было? Показать свою толерантность и псевдоидеалы?» — сказал он в беседе с aif.ru.* (выделено нами. – К. М.) [www.aif.ru].

Отметим, что русскоязычные медиадискурсивные источники в основном используют гендерно-нейтральные языковые средства при описании процессов, происходящих в странах Запада. При этом русскоязычные медиаисточники заимствуют лексические единицы, служащие для обозначения данных процессов и явлений в английской лингвокультуре.

В англо- и русскоязычном медиадискурсе во многих случаях употребления отсутствуют признаки лингвопрагматической оппозиции, например, *plumber, leader, peacemaker, New-Yorker, helper, терапевт, учитель, полковник*, но в тексте наблюдается определение их гендера при помощи местоимений *he* и *she* / *он* и *она* и их производные.

Однако отметим, что англоязычный медиадискурс использует гораздо более вариативные гендерно-нейтральные формы, чем русскоязычный. Так, например, англоязычный медиадискурс предпочитает заменять исторически сложившееся употребление родового местоимения *he* для обозначения неопределенного лица местоимением множественного числа *they* и его производными *their, them*, которые в таких случаях «рассматриваются как гендерно-нейтральные местоимения единственного числа» [Grey, 2015].

Обращает на себя внимание тот факт, что такие изменения языка под влиянием феминистских теорий находят как своих сторонников, так и противников. По мнению Д. Р. Хофштадтера, замена местоимения *he* на *they* в выражении “*He who laughs last, laughs best*” – “*They who laughs last, laughs best*” лишает данное выражение смысла [Hofstadter, 1985, p. 136]. В случае замены местоимения единственного числа мужского рода *he* местоимением множественного числа *they* могут быть отмечены определенные трудности восприятия данного выражения реципиентом (слушателем / читателем), поскольку использование местоимения *they* требует употребления другой грамматической формы глагола (*laugh*).

Тем не менее, некоторые лингвисты считают допустимым использование местоимения *they* вместо *he*, отмечая при этом, что корректнее использовать вместо местоимений единственного числа местоимения числа множественного: “*As readers can judge for themselves*” вместо “*As the reader can judge for him- or*

herself" [Allan, 1991, p. 45]. Подобные трансформации не могут осуществляться исключительно заменой местоимений и неминуемо приводят к изменению форм других частей речи, что противоречит существующим на сегодняшний день лексико-грамматическим нормам английского языка.

Отметим также, что помимо подобных замен предлагается использование и других вариантов, являющихся нейтрализованными и недискриминационно маркированными. Так, например, рекомендуется:

А. Использование местоимений *he/she*, *он/она* и их форм как инструмент нейтрализации

Первоначально употребление местоимений *he or she* было рекомендовано для использования в академическом письме. По мнению С. Грей, с 1970-х гг. XX в. авторы все чаще используют данную форму, которая явно признает возможность того, что референтом может быть как мужчина, так и женщина [Grey, 2015, p. 38]. С течением времени данная форма трансформировалась в *he/she*. Вслед за англоязычными медиаисточниками форма *он* или *она* стала использоваться и в русскоязычных. Отметим, что в современных медиадискурсивных источниках употребление подобных форм довольно распространено. Например, источник 2020 г. Chicagotribune.com сообщает:

(англ.) *An employee who has been working required overtime (notification from the supervisor had been on a day-to-day basis) is in a compensable waiting period if at the end of **their** regular scheduled shift, **he/she** has not been notified if overtime is required for that day and **he/she** must "wait" for that determination* (выделено нами. – К. М.) [www.chicagotribune.com]. // **Работник, который** по внезапному требованию работодателя **работал** сверхурочно, **находится** в компенсированном периоде ожидания, если в конце своей обычной запланированной смены **он/она не был уведомлен(а)** о необходимости сверхурочной работы в этот день и **должен** ожидать распоряжения работодателя об окончании сверхурочной работы (перевод наш. – К. М.).

Маркированное артиклем единственного числа *an* лексема *employee* обозначает «работник, служащий», то есть традиционно данное слово употреблялось в единственном числе, мужском роде и определялось местоимением *he/him*. В настоящее время более употребительным для ее определения стало использование формы *he/she* и местоимения множественного числа *their*.

В русскоязычном медиадискурсе также употребляется форма *он / она* и ее производные, но, в основном, приверженцами гендерной теории в отношении к самим себе и подобным людям. Например,

(рус.) Я стараюсь показать человеку, что это стереотипы, которые не соответствуют действительности, и если не получается, то мне тяжело или невозможно поддерживать приятельские отношения с ним/ней (выделено нами. – К. М.) [www.daily.afisha.ru].

Гендерно-нейтральный язык стремится не выделять половую принадлежность, а концентрируется на личности человека в целом.

Б. Использование местоимений *s/he* и их форм как инструмент лингвопрагматической нейтрализации

В англоязычном медиадискурсе наряду с *he/she* используются и конструкции *s/he*, однако русскоязычный медиадискурс проявляет в данном случае лакунарность. Например, медиаисточник 2019 г. Insider.com сообщает:

(англ.) “S/he wears trousers, shirts, and t-shirts. S/he has short hair. S/he is attracted to feminine women, and s/he works in the capital city of South Sulawesi, Makassar, as a disk jockey. While Eri certainly does not feel himself to be a woman, s/he does not deny the fact that s/he is female-bodied” (выделено нами. – К. М.) [www.insider.com]. // *Она/он* носит брюки, рубашки и футболки. У *нее/него* короткие волосы. *Ее/его* привлекают женственные женщины, и *она/он* работает в столице Южного Сулавеси, Макассаре диск-жокеем. Хотя Эри, конечно, не считает себя женщиной, *она/он* не отрицает того факта, что *она/он* имеет женское тело (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данный пример, считаем возможным передать форму *s/he* как *она/он*, поскольку сокращение от *she* указано первым. Данный фрагмент также содержит местоимение *herself*, возвратное от гендерно нейтрализованного местоимения *hir*, употребляющегося для нейтрализации гендерно маркированного *her*.

Следует также заметить, что существует и другой вариант данной формы со схожим значением – *she/he*. Например:

(англ.) *Each actor must sign their register when she/he enters or leaves studio* (выделено нами. – К. М.) [www.chicagotribune.com]. // *Каждый актер обязан пройти их (свою) процедуру регистрации, независимо от того, приходит она/он на студию или уходит из нее* (перевод наш. – К. М.).

Местоимение *each* употребляется только для обозначения единственного числа существительного, далее употребляется существительное *actor* в единственном числе и определяет форму *she/he* в значении *она/он*. Несмотря на это, в анализируемом примере, как видим, также употребляется притяжательное местоимение во множественном числе *their*.

В. Использование местоимения *they* и его форм как инструмент лингвопрагматической нейтрализации

Местоимение третьего лица множественного числа *they* (*они*) стало широко употребляться в английском языке с существительными в единственном числе с момента признания его словом года The American Dialect Society в 2015 г. Уже в 2019 г. оно вошло в словарь Merriam-Webster, согласно которому, к традиционному использованию данного местоимения в значении «они», добавились следующие значения: “b – used with a singular antecedent to refer to an unknown or unspecified person; c – used to refer to a single person whose gender is intentionally not revealed; d – used to refer to a single person whose gender identity is nonbinary” [Merriam-Webster Dictionary]. // «b – используется с антецедентом единственного числа для обозначения неизвестного или неопределенного лица; c – используется для обозначения одного лица, пол которого намеренно не

раскрывается; *d* – используется для обозначения одного лица, гендерная идентичность которого небинарна» (перевод наш. – К. М.).

Рассмотрим пример употребления местоимения *they* при обозначении неизвестного или неопределенного лица в сообщении англоязычного медиаисточника 2021 г. Kotaku.com:

(англ.) *The person who answered the phone said they didn't know where she was* (выделено нами. – К. М.) [www.kotaku.com]. // **Человек, ответивший на телефонный звонок, сказали, что не знают, где она** (перевод наш. – К. М.).

Проводя критический дискурс-анализ данного фрагмента, можем отметить, что *The person who answered the phone* в данном случае – лицо неопределенное, поскольку, при телефонном разговоре трудно понять, с кем именно ты разговариваешь, особенно, если собеседник нам не знаком. При понимании и переводе общего смысла данного выражения у реципиента может создаться впечатление, что помимо его собеседника существуют еще какие-то люди (*they*), не располагающие информацией.

Используя местоимения *they* для обозначения одного лица, пол которого намеренно не раскрывается, интернет-издание Courier Journal, США в августе 2019 г. употребляет его именно в таком контексте:

(англ.) *A student was found with a knife and a BB gun in their backpack Monday, district spokeswoman Renee Murphy confirmed. They also face charges from outside law enforcement, she said* (выделено нами. – К. М.) [www.courierjournal.com]. // «В понедельник у ученика в их рюкзаке нашли нож и пистолет», – подтвердила пресс-секретарь округа Рене Мерфи. По ее словам, **им** также грозят обвинения со стороны правоохранительных органов (перевод наш. – К. М.).

В данном случае, как видим, правоохранительные органы не желают раскрывать личность правонарушителя, поэтому в сообщении употребляется местоимение множественного числа *they* и его производные для определения существительного *a student*, мужского рода, единственного числа, с артиклем *a* единственного числа. Проводя дискурсивный анализ данного выражения,

реципиент, не обладающий специальными знаниями в данной области, может столкнуться с трудностью его понимания, что повлияет и на проведение анализа. Реципиент, не обладающий достаточными экстралингвистическими знаниями в данной области, может подумать, что данный текст не является лексико-грамматически корректным.

Обозначая **одного** человека, чья гендерная идентичность небинарна, Интернет-источник New York Times в статье 2019 г. использует местоимение *they* и его производные в следующем контексте:

*(англ.) I knew certain things about the **person** I was interviewing... **They** had adopted **their** gender-neutral **name** a few years ago, when **they** began to consciously identify as nonbinary – that is, neither male nor female. **They** were in **their** late 20s, working as **an event planner**, applying to graduate school* (выделено нами. – К. М.) [www.nytimes.com]. // Я знал определенные вещи о ... человеке, у которого брал интервью.... Они приняли их гендерно-нейтральное имя несколько лет назад, когда начали сознательно идентифицировать себя как небинарных людей, то есть ни мужчин, ни женщин. Им было около 30, они работали организаторами мероприятий и поступали в аспирантуру (перевод наш. – К. М.).

Заметим, что из содержания анализируемого медиатекста не представляется возможным определить пол человека, о котором идет речь. Также затруднительным является понимание смысла сообщения. Обладая лишь традиционными знаниями об употреблении местоимения и его производных в значении *они*, реципиент может понять, что речь идет не об одном человеке, а о группе людей. Анализируемый медиатекст также может быть оценен читателем как грамматически неверный, поскольку личное местоимение множественного числа *they* и его производные далее определяются оборотом с артиклем единственного числа *a* и существительным в единственном числе *planner* – *They were in their late 20s, working as an event planner*.

Примером употребления гендерно нейтрализованных местоимений может служить интервью 2021 г. Интернет-изданию “The Hollywood reporter” актрисы

Эммы Корин (Emma Corrin), исполняющей роль принцессы Дианы в сериале “The Crown” о жизни королевской семьи Великобритании, в котором актриса указывает на то, что еще не определилась, какое из местоимений стоит употреблять в отношении ее самой: местоимение *она* и его производные или местоимение *они* и его производные. В интервью актриса использует обе пары местоимений одновременно: *she/her* и *they/them*. Также источник использует существительное *actor*, обозначающее принадлежность к мужскому полу, вместо *actress* в женском роде, ранее служившего для обозначения женщин в актерской профессии:

(англ.) In a new interview with ITV’s evening news program Granada Reports, the Emmy-nominated The Crown actor, who starred as Lady Diana Spencer in the Netflix hit’s fourth season, said that while they now use both she/her and they/them pronouns, they are still on a journey of realizing how they more specifically identify (выделено нами. – К. М.) [www.hollywoodreporter.com].
 // В последнем интервью программе вечерних новостей ITV Granada Reports, номинированный на премию «Эмми» актер, сыгравший главную роль леди Дианы Спенсер в четвертом сезоне хита Netflix, сказал, что, хотя сейчас они используют местоимения она/ее и они/их, они все еще находятся на пути к пониманию того, как они более конкретно идентифицируют себя (перевод наш. – К. М.).

Подобные конструкции сложны для восприятия реципиента, у которого может создаться впечатление, что роль Принцессы Дианы в сериале «Корона» мог исполнять актер мужского пола. Подобные случаи не являются редкими, поэтому для проведения адекватного дискурсивного анализа реципиенту понадобится дополнительная информация. Данное обстоятельство связано с дополнительными затратами времени и энергии, поскольку далеко не все реципиенты обладают достаточным объемом как собственно лингвистических, так и экстралингвистических знаний.

В этом отношении считаем уместным рассмотреть следующий пример:

(англ.) After a few months on the job, Billy requested that their teammates address them by they/them pronouns. The teammates, all of whom were men,

*repeatedly neglected to do so, despite the fact that **Billy listed their pronouns in a Slack status** (выделено нами. – К. М.) [www.slack.com]. // Проработав несколько месяцев в данной компании, Билли попросил, чтобы **их** коллеги использовали местоимения **они/им** по отношению к нему. Несмотря на то, что Билли указал местоимение **их** для обращения к нему в своем статусе на Slack (интернет-платформа для сотрудничества), **их** коллеги неоднократно пренебрегали данным обстоятельством (перевод наш. – К. М.).*

Источник приводит местоимения множественного числа третьего лица без категории рода *they/them/their*, определяя подлежащее в единственном числе, ранее традиционно обозначавшегося местоимением единственного числа третьего лица и мужского рода *he/his/him*.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что, поскольку грамматическая структура английского языка характеризуется отсутствием родовых окончаний у прилагательных и глаголов, использование местоимения *they* и его производных по отношению к одному человеку практически не изменяет лексико-грамматическую структуру английского языка. Для иноязычных же реципиентов употребление таких структур значительно затрудняет понимание смысла аутентичной фразы, так как при переводе, наряду с несовпадением категории рода наблюдается и несовпадение категории числа, что значительно затрудняет понимание смысла высказывания, поскольку именно местоимения в английском языке служат маркерами определения гендера. Тем не менее, употребление подобных языковых средств затрудняет их понимание и перевод, невозможные без проведения критического дискурс-анализа и дополнительных (фоновых) знаний в данной сфере, но служит инструментом лингвопрагматической нейтрализации в номинативной области дискриминации «Гендерная принадлежность». Употребление гендерно-нейтральных местоимений в русскоязычном медиадискурсе проявляет свою лакуарность. Полагаем, что причиной может быть недостаточный для осуществления нейтрализации этап развития явления нейтрализации языковых средств.

В связи с этим, считаем необходимым подчеркнуть, что вопрос о лингвопрагматической нейтрализации языковых средств номинативной области дискриминации «Гендерная принадлежность» является сложным и неоднозначным. Многие авторитетные грамматические справочники придерживаются традиционного употребления местоимений. Однако употребление вышеупомянутых форм (например, вместе с *somebody* используют *they, he and she*) уже находит отражение в некоторых словарях современного английского языка, в независимости от того, насколько верными или неверными с грамматической точки зрения являются данные формы. Те, кто придерживается этих изменений, декларируют свою приверженность идеям женского равноправия.

Следующим этапом развития нейтрализованного языка стало появление таких гендерно нейтральных местоимений, которые следует использовать для обозначения людей, не идентифицирующих себя с точки зрения гендерной бинарности. Например, медиаверсия журнала The Rolling Stone 2022 г. сообщает:

*(англ.) According to Florence Ashley, a legal scholar, bioethicist, and doctoral candidate at the University of Toronto, part of the challenge of getting people to use and accept **neopronouns** is the immediate negative reaction some have to **new words** (выделено нами. – К. М.) [www.rollingstone.com]. // По словам правоведа Флоренс Эшли, биоэтика и докторанта Университета Торонто, часть проблемы, связанной с тем, чтобы заставить людей использовать и принимать **новые местоимения**, заключается в немедленной негативной реакции некоторых людей на **новые слова** (перевод наш. – К. М.).*

Анализируемый фрагмент может быть отнесен к номинативной области дискриминации «Гендерная принадлежность», поскольку речь идет именно о *neopronouns*, которые мы перевели как новые местоимения. На самом деле, данные местоимения не являются просто *новыми словами*, как утверждает автор; данные местоимения служат для того, чтобы определять гендерную принадлежность *не cisgender people*. Можем отметить наличие

лингвопрагматической оппозиции *neopronouns / new words*, в которой нейтрализованный эвфемизм *neopronouns* служит для определения небинарных гендерных местоимений.

Одним из таких англоязычных местоимений является *Ze* и его производные *zir, zem u zeir* – в значении местоимения «я» первого лица единственного числа; аналогично рекомендовано употребление гендерно нейтрализованных местоимения *He* и его производных *Xir, Xem, Xe* вместо ранее используемого местоимения множественного числа *they* и его производных *them, their* и др. В английском языке местоимение *Ze* часто используются наряду с местоимением *Hir*, которое в различных временных формах видоизменяется в *Hir, hirs, hirself*. Представим в табличной форме (Таблица 2) склонение гендерно нейтрального местоимения *Ze*:

Таблица 2

Склонение гендерно нейтрализованного местоимения *Ze*

Падеж	Форма местоимения	Пример
Nominative/ Именительный	<i>Ze</i>	<i>Ze</i> went to the store
Accusative/ Винительный	<i>Zir</i>	I met <i>zir</i> today
Pronominal and Predicative Possessive/ Притяжательный	<i>Zir</i> <i>Zirs</i>	<i>Ze</i> walked <i>zir</i> dog today If I need a phone my friend will let me borrow <i>zirs</i>
Reflexive/ Возвратный	<i>Zirself</i>	<i>Ze</i> had to drive <i>zirself</i> to school

(составлена нами. – К. М.)

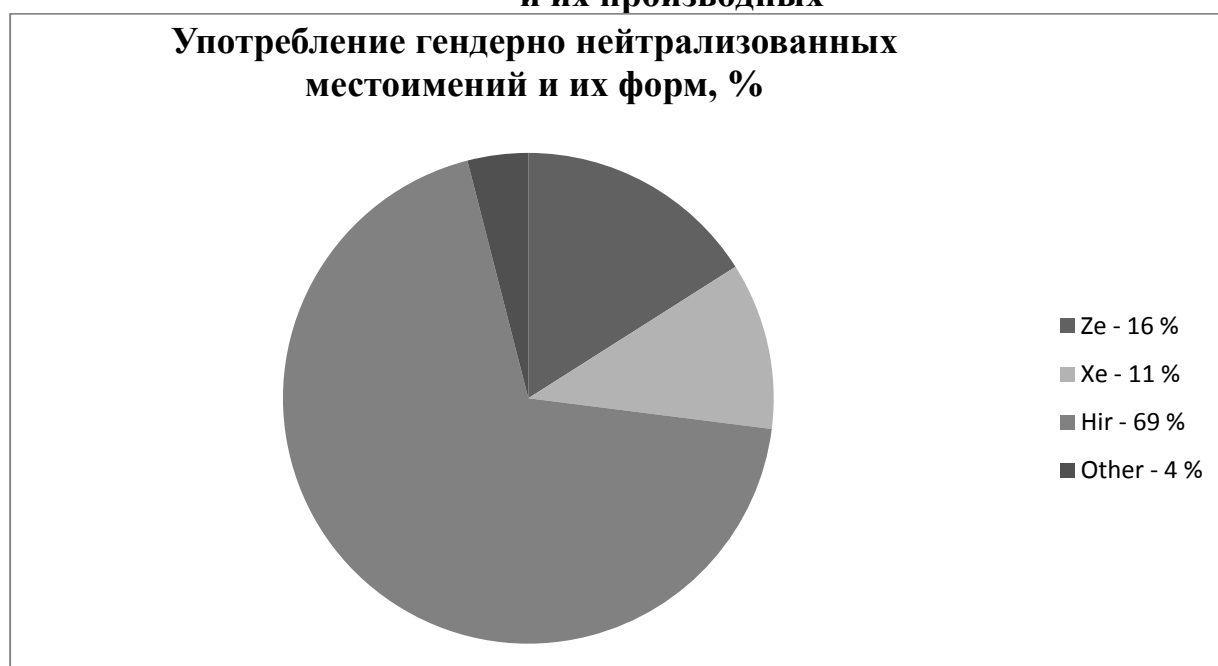
Исходя из данных Таблицы 2, можем заметить, что форма гендерно нейтрализованного местоимения *Ze* в именительном падеже берет за основу *-e* на конце местоимения, содержащиеся в формах местоимений мужского и женского рода *he* и *she*; в винительном падеже в форме гендерно нейтрализованного местоимения *Zir* за основу (*-r* на конце местоимения женского рода) взято местоимение женского рода *her*, а не мужского рода *him*; в притяжательном падеже в форме гендерно нейтрализованного местоимения *Zirs* за основу взяты оба гендерно маркированных местоимения *her u his*; при употреблении возвратного местоимения гендерно нейтрализованного местоимения *Zirself* сохранено использование местоимения *self*. Участникам коммуникации

предписывается уточнить у собеседника, какое местоимение следует употреблять по отношению к нему [Baron, 2020, p. 58].

В ходе работы проанализировано 103 случая употребления гендерно нейтрализованных местоимений в различных англоязычных медиаисточниках. Диаграмма 1 (см. ниже) представляет процентное соотношение (частотность) использования гендерно нейтрализованных местоимений и их производных в медиадискурсе.

Диаграмма 1

**Употребление гендерно нейтрализованных местоимений
и их производных**

(составлена нами. – К. М.)

Проанализировав случаи употребления гендерно нейтрализованных местоимений и их производных, можем отметить, что наиболее частотным является употребление местоимения *Hir* (69%); употребление местоимений *Ze* и *Xe* составляет 16% и 11% соответственно; употребление других гендерно нейтрализованных местоимений для определения личности незначительно и составляет 4% от общего числа употребления.

Тем не менее, следует заметить, что отношение общества к подобным приемам нейтрализации неоднозначно. Некоторые авторы предлагают сделать местоимение *she* родовым местоимением для обозначения неопределенного лица

в контексте. Не все разделяют данную позицию, считая использование местоимения *he* традиционным. Наряду с этими изменениями существуют и более радикальные попытки нейтрализации гендерно маркированных языковых средств, которые, по мнению некоторых групп общества, являются дискриминационными. Предпринимаются попытки ввести гендерно нейтрализованные единицы для замены гендерно маркированных местоимений *he* и *she* и их производных. Например, *co* (*cos*, *coself*), *et* (*etself*), *heesh*, *hesh*, *Mr*, *hirm*, *hizer*, *ho*, *tey*, *thon* (*thons*, *thonself*) и многие другие. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что некоторые из приведенных вариантов употребляются отдельными авторами, широкого распространения в современном английском языке предлагаемые варианты не получили [Crystal, 2003, p. 45].

Таким образом, приходим к заключению о том, что лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в номинативной области дискриминации «Гендерная принадлежность» происходит преимущественно на морфологическом уровне, что объясняется андроцентричной (ориентированной на мужской гендер) структурой английского и русского языков. Следует отметить, что русскоязычные медиадискурсивные средства данной номинативной области нейтрализуются незначительно. Однако, несмотря на то, что употребление нейтрализованных языковых средств номинативной области дискриминации «Гендерная принадлежность» способствует достижению прагматической цели общения, то есть осуществлению успешной коммуникации, следует отметить, что понимание такого нейтрализованного медиадискурсивного контента реципиентом (читателем) зависит не только от его уровня владения языком; экстралингвистические (фоновые) знания реципиента (читателя) становятся в данном случае наиболее важными, поскольку традиционные значения языковых средств под влиянием лингвопрагматической нейтрализации претерпевают значительные изменения.

2.4. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств номинативной области «Дискриминация по внешнему облику»

Современное развитие технических средств (телевидение, Интернет) привело к тому, что наиболее значительную часть информации из медиаисточников реципиенты получают посредством просмотра визуального контента (клипы, новостные сообщения, видео-блоги и др.). Данное обстоятельство послужило возникновению так называемых «стандартов внешности», «стандартов красоты». Согласно данным стандартам, успешным может быть только человек стройный, в хорошей физической форме, загорелый, с правильными чертами лица, среднего или выше среднего роста, без физических недостатков и т. д. Несмотря на то, что «стандарты внешности» довольно часто подвергаются изменениям, в «XXI веке, в эпоху бурного развития средств связи и массовой информации, в этом вопросе наблюдается унификация» [Лемеш, 2016, с. 116]. Ежегодно медиадискурсивные источники публикуют рейтинги самых красивых и сексуально привлекательных знаменитостей. Скарлет Йохансен, Моника Белуччи, Шарлиз Терон и многие другие знаменитости неоднократно попадали в данный список. К. И. Лемеш справедливо отмечает, что стандарты внешности в современном мире «в большинстве случаев создаются средствами массовой информации, кинематографом, модой. Кроме того, в наши дни наблюдается тенденция приближения представлений о женской красоте в разных странах к «шаблонам» Запада» [Там же, с. 118]. Естественно, что подавляющее большинство людей не обладают крайне привлекательными физическими данными. Но под влиянием медиадискурса в сознании людей происходят изменения, которые заставляют людей использовать макияж, посещать спортивный зал и др. Довольно часто предпринятые усилия приводят к незначительному результату и люди начинают чувствовать себя несоответствующими определенным стандартам внешности, что, безусловно, так

или иначе, дискриминирует их в сравнении с людьми, обладающими привлекательными внешними данными.

По мнению некоторых исследователей, «дискриминация осуществляется в том числе поддержанием и распространением мнений, суждений, мифов о связи внешних данных и внутреннего содержания человека; в этом аспекте большая роль в воспроизводстве и поддержании **дискриминации по внешнему облику** (лукизма) в основном принадлежит СМИ», то есть характерна для медиадискурса [Орех, 2016, с. 75].

Поскольку авторы медиадискурсивного контента стремятся избежать употребления дискриминирующих языковых средств, данные языковые средства подвергаются лингвопрагматической нейтрализации.

Так, под влиянием нейтрализации понятия, содержащие дискриминационно маркированные семы «толстый», «жирный», а, следовательно, не соответствующий стандартам внешности и красоты редуцируются и превращаются в англоязычном медиадискурсе в *plus-size, full-figured* в значении «полный», *curvy* – «с формами» (о женщинах), *big and tall* – «большой» (о мужчинах); в русскоязычном медиадискурсе предпочитают употреблять *женщина с формами, крупный / крупная, полный / полная* и выражение, заимствованное из английского языка *плюс сайз*.

Например, медиаисточник 2020 г. The Insider сообщает:

(англ.) Melillo said the promoter never disclosed to her friend that the party-bus company did not accept plus-size women. And when Melillo reached out to Daer, she said the club informed her that it didn't discriminate against people's weight (выделено нами. – К. М.) [www.insider.com]. // По словам Мелилло, промоутер не сообщил ее подруге, что компания, предоставляющая автобус для вечеринок, не оказывает услуги женщинам размера плюс. А когда Мелилло связалась с Даер, та сказала, что клуб не дискриминирует людей по их весу (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данный медиатекст, можем отметить, что подруга автора с лишним весом заказала автобус для вечеринок. Можем предположить, что, когда автобус был подан, водитель отказался оказывать услуги подруге автора из-за ее лишнего веса. И, когда автор медиатекста (Melillo) связалась с менеджером компании (Daer), предоставляющей услуги по аренде автобуса, и, обвинив ее в том, что компания проявляет дискриминацию в отношении людей с лишним весом, получила уверения в обратном.

Так, в 2017 г. «Московский Комсомолец» сообщает:

(рус.) Самой полной женщиной на планете теперь может считаться 36-летняя американка Майра Розалес, весящая 470 кг (выделено нами. – К. М.) [www.mk.ru].

Как видим, в данном контексте русскоязычный медиаисточник редуцирует дискриминационно маркированные семы «толстый», «жирный» и использует нейтрализованное языковое средство *полный*.

Также считаем возможным рассмотреть следующее англоязычное медиасообщение источника 2020 г. Variety.com:

(англ.) Perez says she was ready to stand up for herself when she signed on to HBO Max's "The Flight Attendant." But she was pleasantly surprised that the producers had planned ahead, supplying her with makeup that matched her skin tone, options for eyelashes and pants that fit her correctly. "I'm a full-figured woman and proud of it." (выделено нами. – К. М.) [www.variety.com]. // Перес (актриса) говорит, что была готова постоять за себя, когда согласилась участвовать в сериале HBO Max "Бортпроводник". Но актриса была приятно удивлена тем, что продюсеры все предусмотрели заранее, снабдив ее косметикой, подходящей к ее тону кожи, накладными ресницами и брюками, которые хорошо на ней сидят. «Я – полная женщина и горжусь этим» – заявила актриса (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данное медиасообщение, можем отметить, что актриса с нестандартной внешностью Perez готовилась к тому, что так или иначе будет

подвергнута дискриминации по внешнему облику, а также к тому, что ей придется отстаивать право на то, чтобы не соответствовать стандартам внешности, существующим в обществе: *was ready to stand up for herself*. Далее актриса заявляет, что она полная женщина и гордится этим: *“I’m a full-figured woman and proud of it”*. Иными словами, актриса была готова к тому, что ее могут склонять к изменению внешности, к похудению ради получения данной роли и, следовательно, к соответствию общепринятым стандартам внешности.

Таким образом, можем сказать, что данный медиатекст может быть отнесен к номинативной области дискриминации «Дискриминация по внешнему облику». Медиадискурсивное употребление языкового средства *fat* в значении «толстый» неприемлемо, поскольку данное языковое средство является дискриминационно маркированным по отношению к людям с лишним весом. В связи с этим можем говорить о возникновении лингвопрагматической оппозиции *fat / full-figured*, в которой языковое средство *full-figured* нейтрализовано посредством эвфемизации и не содержит дискриминирующих сем и отрицательных коннотативных значений понятия. Данный фрагмент исследуемого англоязычного медиасообщения также содержит гендерно нейтральное языковое средство *The Flight Attendant*, которое передано нами как *бортпроводник*. Отметим, что использование данного языкового средства также продиктовано медиадискурсивной тенденцией не идентифицировать гендерную принадлежность людей во избежание их дискриминации. Рассмотрим сообщение Интернет-версии издания The Guardian:

(англ.) *Another pageant judge and Chief Executive Officer, Makiba, Shelly Ogbuse, described pageantry as a huge foreign exchange earner and employment generator for any country. To her, the reality TV show promotes African love and unity and empowers and projects the voices of beautiful and curvy ladies in the beauty industry* (выделено нами. – К. М.) [www.guardian.ng]. // Другой судья конкурса и исполнительный директор компании Makiba, Шелли Огбузе, назвала конкурсы красоты для женщин с формами источником иностранной валюты и генератором

рабочих мест для любой страны. По ее мнению, реалити-шоу способствует любви и единению африканцев, а также расширяет возможности красивых женщин с формами в индустрии красоты (перевод наш. – К. М.).

Проводя анализ данного медиатекста, можем отметить не только нейтрализованное посредством эвфемизации языковое средство *curvy* в значении *с пышными формами*, но и языковые средства *pageant* и *pageantry* в значении *пышное торжество*. Лингвопрагматика данных нейтрализованных языковых средств обусловлена стремлением медиадискурсивного источника избежать дискриминации по внешнему виду людей и даже наоборот, фрагмент, используя игру слов, подчеркивает именно тот факт, что конкурс красоты для полных женщин является *pageantry – феерическое, пышное шоу*, привлекающее финансовые потоки в страны Африки и внимание к женщинам с нестандартной внешностью. Особенно спикером подчеркивается роль женщин с формами в индустрии красоты – *curvy ladies in the beauty industry*, поскольку проблема соответствия стандартам внешности и дискриминация в случае несоответствия людей таким установленным стандартам существует в обществе и является довольно значимой.

Следующий медиатекст также подтверждает наличие в обществе дискриминации по внешнему облику. Например, медиаисточник 2019 г. сообщает:

(англ.) “Everything is different for me now. I almost don’t have to shop at a big and tall store anymore. I’m on their last size and I move better, I sleep better, I live better,” he said (выделено нами. – К. М.) [www.fox2detroit.com].
 // «Теперь для меня все изменилось. Мне почти не нужно больше делать покупки в магазинах для людей больших размеров. У меня последний размер среди стандартных, и я лучше двигаюсь, лучше сплю, лучше живу», – сказал он (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данное англоязычное медиасообщение, отметим, что некий мужчина выражает радость от того, что похудел, и ему больше не нужно покупать одежду в специализированных магазинах для полных людей *a big and tall store*,

поскольку у него теперь размер (хоть и самый большой *their last size*), который может быть приобретен в обычном магазине одежды. Данное обстоятельство очень радует этого мужчину, поскольку качество его жизни улучшилось: *I move better, I sleep better, I live better*. Отметим, что лингвопрагматика языкового средства *big and tall* в данном медиаконтексте обусловлена общей тенденцией к нейтрализации языка в медиадискурсе. Анализируемый медиатекст может быть отнесен к номинативной области дискриминации «Дискриминация по внешнему облику». Медиадискурсивное употребление языкового средства *fat* в значении «толстый» неприемлемо, поскольку данное языковое средство является дискриминационно маркированным по отношению к людям с лишним весом. В связи с этим можем говорить о возникновении лингвопрагматической оппозиции *fat / big and tall*, в которой языковое средство *big and tall* нейтрализовано посредством эвфемизации и не содержит дискриминирующих сем и отрицательных коннотативных значений понятия. Однако следует также отметить, что нейтрализованное языковое средство *big and tall* употребляется только по отношению к лицам мужского пола. Можем предположить, что данное обстоятельство связано с тем, что мужчины обычно физически крупнее женщин; крупные мужчины не обязательно имеют избыточный вес, поэтому не стесняются использовать понятие «одежда больших размеров». В случаях, когда речь идет о лицах женского пола, обычно употребляются такие нейтрализованные языковые средства, как *full-figured, plus size, curvy*. Тем не менее, существующие в обществе стандарты внешности и красоты, так или иначе, дискриминируют людей, не соответствующих данным стандартам.

Нейтрализации также подвергаются языковые средства, описывающие внешность людей, не соответствующих стандартам внешности и, таким образом, являющихся дискриминационно маркированными. Например, таким языковым средством являются лексемы *лысый, без волос*. Так, англоязычный медиаисточник 2021 г. сообщает:

(англ.) *Mallory Rusch, executive director of the advocacy group Empower Missouri, said the previous laws left open a great deal of opportunity for*

laughing at follicly challenged people (выделено нами. – К. М.) [www.missouriindependent.com]. // Мэллори Раш, исполнительный директор правозащитной группы Empower Missouri, говорит, что прежние законы оставляли широкие возможности для смеха над людьми с **фолликулярными нарушениями** (перевод наш. – К. М.).

Анализ данного англоязычного медиасообщения позволяет отнести его к номинативной области дискриминации «Дискриминация по внешнему облику», поскольку оно содержит выражение *opportunity for laughing at follicly challenged people*, но проведение анализа крайне затруднено, так как данное медиасообщение содержит нейтрализованное посредством эвфемизации языковое средство *follicly challenged*, понимание которого крайне затруднено. Если реципиент не знает, что такое волосные фолликулы, то корректное понимание нейтрализованного языкового средства *follicly challenged* ему недоступно; **фолликулярными нарушениями** могут быть серьезные проблемы со здоровьем, в частности, связанные с областями гинекологии, онкологии и др., которые обычно не являются предметом насмешек.

Таким образом, рассмотрев случаи нейтрализации языковых средств номинативной области дискриминации «Дискриминация по внешнему облику», отметим, что нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств данной области происходит в основном посредством эвфемизации понятий. Использование авторами медиадискурсивного контента нейтрализованных лексем значительно затрудняет осуществление критического дискурс-анализа. Тем не менее, использование нейтрализованных языковых средств типично для медиадискурса, поскольку их использование направлено на формирование норм поведения и речи, необходимых для защиты социально-уязвимых групп. Также целью использования нейтрализованных языковых средств является трансформация социального восприятия и поведения путем исключения дискриминирующих аспектов языка и культуры поведения в обществе.

2.5. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в номинативной области «Дискриминация по физическому и психическому состоянию»

В данную категорию включены языковые средства, употребляемые для обозначения людей, чье психическое и/или физическое состояние отличны от существующих в обществе стандартов. В российском обществе таких людей часто называют *инвалидами, людьми с ограниченными возможностями* или *маломобильными группами населения*. Существующая на сегодняшний день социальная модель стремится к определению всех людей в обществе одинаковыми «вне зависимости от состояния их здоровья и наличия тех или иных физических недостатков. Инвалидность понимается как некое состояние, при котором вследствие нарушения здоровья лицо сталкивается с определенными социальными барьерами при реализации его способностей и возможностей. В качестве способа разрешения проблем инвалидов признается устранение подобного рода барьеров технического, психологического, организационного характера, что должно повлиять на степень приспособления окружающего мира к инвалиду» [Чуксина, 2015, с. 127]. Следовательно, так или иначе, в обществе возникает дискриминация по физическому и психическому состоянию, что находит свое отражение в языке. Медиадискурсивные источники стараются избегать употребления дискриминационно маркированных языковых средств и используют в основном нейтрализованные языковые средства. Однако в русскоязычном медиадискурсе сохраняется употребление как дискриминационно маркированных, так и нейтрализованных языковых средств. Например, медиаисточник 2022 г. сообщает:

*(рус.) Управление торговли и бытового обслуживания Ростова-на-Дону проводит работу по обеспечению доступности объектов потребительского рынка города для **инвалидов и маломобильных групп населения** (выделено нами. – К. М.) [www.rostov.ru].*

В данном русскоязычном медиатексте видим одновременное употребление дискриминационно маркированного *инвалиды* и нейтрализованного языковых средств *маломобильные группы населения*. Данное обстоятельство, возможно, объясняется недостаточной развитостью явления лингвопрагматической нейтрализации в русской лингвокультуре.

Интересен тот факт, что особое место в англоязычном медиадискурсе занимает языковое средство *retarded* в значении *умственно отсталый, дебил*. По аналогии с лексемами *negro* и *wetback*, публичное употребление *retarded* запрещено на законодательном уровне и заменяется в медиадискурсивных источниках крайне нейтрализованным *R-word*. Так, например, англоязычный медиаисточник 2020 г. сообщает:

(англ.) According to a Leger survey, 48 per cent of Canadians use the word or hear someone called or referred to as the R-word every week (выделено нами. – К. М.) [www.cbc.ca]. // *По данным опроса Leger, 48 процентов канадцев используют это слово или слышат, как каждую неделю кого-то называют словом на букву «R»* (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данный медиафрагмент, можем отметить его принадлежность к номинативной области дискриминации «Дискриминация по физическому и психическому состоянию», поскольку в данном англоязычном медиасообщении речь идет о дискриминационно маркированном языковом средстве *retarded*, которое в медиадискурсивном источнике нейтрализовано в *R-word* посредством эвфемизации. В реальной же жизни, согласно информации медиаисточника, почти половина опрошенных респондентов – *48 per cent of Canadians* – используют дискриминационно маркированное языковое средство *retarded*, либо часто слышат, как эта лексема используется с крайне негативным значением коннотативного компонента.

Однако в русскоязычном медиадискурсе сохраняется употребление дискриминационно маркированного *умственно отсталый*:

(рус.) В Татарстане умственно отсталый изрезал мужчину до смерти (выделено нами. – К. М.) [www.kazan.aif.ru].

Дискриминационно маркированные языковые средства со значением *инвалид* часто нейтрализуются в медиадискурсе. Например, медиаисточник 2020 года сообщает:

(англ.) *Maree Jenner, a **person of short stature** aged 62, has also contributed, writing a letter to her 17-year-old self* (выделено нами. – К. М.) [www.newcastleherald.com.au]. // *Мари Дженнер, человек с особыми потребностями (невысокого роста) в возрасте 62 лет, также внесла свой вклад, написав письмо в прошлое 17-летней себе* (перевод наш. – К. М.).

Отметим, что проведение анализа данного англоязычного медиафрагмента крайне затруднено, т. к. выражение *short stature* можно перевести как *невысокий рост*, так и как *ограниченное качество или статус*. Но поскольку невысокий рост не является какой-то крайне релевантной или когнитивной информацией для реципиента медиасообщения, *short stature* корректно передать как *человек с особыми потребностями*. Можем наблюдать лингвопрагматическую оппозицию *retarded / short stature*, в которой последнее нейтрализовано посредством способа эвфемизации. Очевидно, что медиадискурсивные источники избегают употребления дискриминационно маркированных языковых средств и используют нейтрализованные языковые средства.

Считаем то же утверждение справедливым для следующего фрагмента медиасообщения:

(англ.) *Defending the rights of people with **short stature** to be viewed in society just like everyone else is **admirable**. But the other side to **achondroplasia** is that it is **a serious medical condition** that has complications that can be so severe that it can cause early death, either in very early childhood or premature death in adulthood self* (выделено нами. – К. М.) [www.theguardian.com]. // *Право людей с особыми потребностями на то, чтобы их воспринимали в обществе так же, как и всех остальных, достойно восхищения. Но **ахондроплазия** – это серьезное медицинское заболевание, осложнения которого могут быть настолько*

серьезными, что могут привести к смерти в раннем детстве, либо к преждевременной смерти в зрелом возрасте (перевод наш. – К. М.).

Анализ данного англоязычного медиафрагмента показывает, что нейтрализованное посредством эвфемизации языковое средство *short stature* следует передать как *люди с особыми потребностями*, т. к. речь во фрагменте идет о серьезном смертельном заболевании ахондроплазии – *achondroplasia is a serious medical condition* и люди, живущие с таким заболеванием, достойны восхищения – *admirable*.

Также в англоязычном медиадискурсе вместо дискриминационно маркированного языкового средства в значении *инвалиды* используется нейтрализованное *disabled person*. Например:

(англ.) On July 23, Asia Lunn, 24, of New Brunswick, was convicted and handed the harshest sentence – five years of probation, 180 days in jail, and a \$1,000 fine. She had been charged with one count of third-degree abandonment and neglect of a disabled person (выделено нами. – К. М.) [www.nj1015.com]. // 23 июля 24-летняя Азия Лунн из Нью-Брансуика была признана виновной и получила самый суровый приговор – пять лет испытательного срока, 180 дней тюремного заключения и штраф в размере 1000 долларов США. Ей было предъявлено обвинение в оставлении человека с ограниченными возможностями без присмотра и пренебрежении его нуждами (перевод наш. – К. М.).

Тем не менее, в русскоязычном медиадискурсе сохраняется одновременное использование дискриминационно маркированных и нейтрализованных языковых средств:

(рус.) Неужели чиновники не понимают, что эта льгота является той поддержкой, без которой сегодня люди с ограниченными физическими возможностями лишаются права на нормальную жизнь, – отметил Владимир Слепак. – Мы же не можем говорить о доступной среде только как о создании пандусов и всевозможных приспособлений для нужд инвалидов на общественном транспорте и дорогах.

Безбарьерная среда – это создание условий для обеспечения полноценной, независимой жизнедеятельности всех без исключения маломобильных групп населения (выделено нами. – К. М.) [www.iz.ru].

Как видим, русскоязычный медиаисточник использует как дискриминационно маркированное языковое средство *инвалиды*, частично нейтрализованное, но дискриминационно маркированное *люди с ограниченными физическими возможностями*, так и полностью нейтрализованное языковое средство *маломобильные группы населения*.

Также русскоязычные медиадискурсивные источники используют нейтрализованное языковое средство *маломобильные граждане*:

(рус.) «Тем не менее, мы рассчитываем привлечь представителей общественных организаций, чтобы при проектировании значимых городских пространств и зон отдыха маломобильные граждане оценивали территорию с точки зрения комфорта и проходимости» (выделено нами. – К. М.) [www.aif.ru].

Полагаем, что данное одновременное употребление дискриминационно маркированных и нейтрализованных языковых средств в русскоязычном медиадискурсе обусловлено недостаточностью развития явления нейтрализации в русской лингвокультуре. В английской лингвокультуре нейтрализованные языковые средства данной номинативной области характеризуются более широким употреблением.

Наряду с этим, в медиадискурсе нейтрализации подвергаются дискриминационно маркированные языковые средства, которые связаны с образом жизни людей с особыми потребностями. Так, например, используется нейтрализованное языковое средство *accessible*:

(англ.) There are two accessible parking lots available through the Main Gate, Gate 11 and the Centennial Gate. All public buildings on the fairgrounds are also accessible via paved streets or sidewalks and most major buildings and areas have ADA-compliant restroom (выделено нами. – К. М.) [www.fox4kc.com]. // Имеются две доступные парковки через

главные ворота, ворота 11 и ворота Centennial Gate. Все общественные здания на территории ярмарки также **доступны** по асфальтированным улицам или тротуарам, а в большинстве основных зданий и помещений есть **туалеты, соответствующие требованиям ADA** (перевод наш. – К. М.).

Анализировать данный медиафрагмент с нейтрализованными языковыми средствами *accessible parking*, *accessible via paved streets or sidewalks* и *ADA-compliant restroom* довольно трудно, т. к. нейтрализованные эвфемизмами языковые средства могут быть переведены не в значении «для людей с особыми потребностями», а как «доступные, свободные» парковки и т. п.; на принадлежность данного фрагмента к номинативной области дискриминации «Дискриминация по физическому и психическому состоянию» указывает лишь аббревиатура *ADA* (Americans with Disabilities Act); данная аббревиатура является своего рода дискурсивным маркером, позволяющим проведение корректного и критического дискурс-анализа исследуемого медиатекста. Например:

(англ.) *The most urgent battle, according to Van Horn, is for more **accessible lavatories** on planes, especially on single-aisle planes that are now used to cover much longer distances than in the past. “Now you can take them to Europe, you can take them from New York to Seattle, you can go to Hawaii. Now you're talking six, eight hours on a plane with no **accessible restroom**,” Van Horn said* (выделено нами. – К. М.) [www.cbs58.com]. // По словам Ван Хорна, наиболее острая борьба идет за более **доступные туалеты (специально оборудованные туалеты для людей с особыми потребностями)** в самолетах, особенно в пассажирских самолетах, которые сегодня используются для перелетов на гораздо большие расстояния, чем в прошлом. «Теперь вы можете полететь на них в Европу, из Нью-Йорка в Сиэтл, на Гавайи. Теперь речь идет о шести-восьми часах в самолете без **доступного туалета (без специально оборудованного туалета для людей с особыми потребностями)**», – сказал Ван Хорн (перевод наш. – К. М.).

Анализ данного англоязычного медиатекста представляет собой довольно сложную задачу, поскольку употребление во фрагменте нейтрализованного языкового средства *accessible* вместо дискриминационно маркированного *for disabled* может ввести реципиента (читателя) в заблуждение; не обладая необходимыми фоновыми (экстралингвистическими) знаниями в области лингвопрагматической нейтрализации, реципиент может понять, что речь идет о наличии туалетных комнат в самолетах вообще, а не о *специально оборудованных туалетах для людей с особыми потребностями*.

Русскоязычный медиадискурс заимствует нейтрализованные языковые средства англоязычного, например, используя нейтрализованные языковые средства *доступный* и *инклюзивный*:

(рус.) Все эти мероприятия призваны сделать город доступным для всех граждан. Инклюзивными элементами оснащаются школы, муниципальные учреждения, торговые и культурные заведения, предприятия общепита и бытового обслуживания (выделено нами. – К. М.) [www.aif.ru].

Провести анализ данного медиатекста сложно, поскольку употребление во фрагменте нейтрализованных языковых средств *доступный, инклюзивный* может ввести реципиента в заблуждение; не обладая экстралингвистическими знаниями, реципиент может понять, что речь идет не об оснащении государственных учреждений специальным оборудованием для нужд маломобильных групп населения, а просто о реконструкции сооружений.

Интерес представляют также случаи лингвопрагматической нейтрализации понятий, обозначающих детей с нарушениями психического развития. Русскоязычные медиаисточники определяют их как *дети с особенностями развития* либо *особенные дети*:

(рус.) Мама четырехлетнего сына с особенностями развития приехала в Казань, чтобы отметить там его день рождения обслуживания (выделено нами. – К. М.) [www.aif.ru].

(рус.) Телеведущая Светлана Зейналова рассказала, что ее **13-летнюю особенную дочь** хотели выгнать из музея в Суздале. Сотрудники называли девочку «**больной**», а также делали замечания младшему ребенку знаменитости (выделено нами. – К. М.) [www.gazeta.ru].

Англоязычные медиадискурсивные источники предпочитают выражения *special needs* и аббревиатуру **SEND** – *Special Educational Needs, Disability*.

(англ.) *I've read umpteen reports, submissions and legal filings in my nearly 30 years as a journalist, and it takes a lot to impress me. The appeal to the special educational needs and disability (SEND) tribunal written by my wife on behalf of our son did that* (выделено нами. – К. М.) [www.independent.co.uk].

Можем отметить, что в обеих лингвокультурах редуцируются семы «**больной**», «**глупый**» и происходит эвфемизация понятия **умственно отсталый** в **особенный, не такой, как все**. Не обладающему специальными знаниями реципиенту будет невозможно понять значение фразы.

Таким образом, рассмотрев случаи нейтрализации языковых средств номинативной области дискриминации «Дискриминация по физическому и психическому состоянию», отметим, что нейтрализация здесь происходит в основном посредством эвфемизации понятий. Использование нейтрализованных языковых средств в медиадискурсивном контенте значительно затрудняет осуществление критического дискурс-анализа. Тем не менее, использование нейтрализованных языковых средств типично для медиадискурса и направлено на формирование определенных норм поведения и речи, необходимых для защиты социально-уязвимых групп. Также целью использования нейтрализованных языковых средств является трансформация социального восприятия и поведения путем исключения дискриминирующих аспектов языка и культуры поведения в обществе.

2.6. Лингвопрагматическая нейтрализация языковых средств номинативной области дискриминации «Социальное неравенство»

В качестве языковых средств номинативной области дискриминации «Социальное неравенство» могут быть рассмотрены и наименования непрестижных профессий. Проанализировав значительное число таких наименований, можем сделать вывод о том, что дискриминационно маркированные стигматичные семы не входят в семантическую структуру antecedentных наименований непрестижных профессий и, следовательно, замещающие их единицы не являются эвфемистическими. Исходя из этого, «целесообразность причисления к эвфемизмам наименований непрестижных профессий необходимо рассматривать с учетом комплекса лингвистических и лингвокультурологических факторов» [Реброва, 2020, с. 16].

Довольно часто наименования непрестижных профессий коррелируют с номинативными областями эвфемизации дискриминационно маркированных языковых средств. Например, в англоязычном медиадискурсе типично употребление таких выражений, как *vehicular consultant*, *automobile engineer*, *engine redesigner* [study-english.info]. // *инженер по автомобилям, специалист по реконструкции двигателя, консультант по автотранспорту* (перевод наш. – К. М.), которые являются эвфемизированными, а, соответственно, нейтрализованными языковыми средствами для обозначения малопрестижной профессии *автомеханика* – *automobile mechanic*). Аналогично происходит эвфемизация наименований и других малопрестижных профессий. Например: *janitor* (*дворник*) становится *environmental hygienist* (*специалистом по гигиене окружающей среды*); *undertaker* (*гробовщик*) – *funeral director* (*сотрудником похоронного бюро*); *garbage collector* (*мусорщик*) – *sanitation engineer, garbologist* (*инженером по санитарии*) и др.

Для русскоязычного медиадискурса также типично употребление нейтрализованных наименований малопрестижных профессий. Например:

менеджер по клинингу в значении *уборщица*, *менеджер по продажам* в значении *продавец-консультант*, *стилист* в значении *парикмахер*, *менеджер по уборке территории* в значении *дворник*, *специалист торгового зала* в значении *продавец*, *офис-менеджер* в значении *секретарь (завхоз)* и др.

Анализ наименований малопрестижных профессий позволяет сделать вывод о том, что, помимо обозначения вида деятельности (работы), данные лексические единицы несут в себе дополнительную семантическую нагрузку, охарактеризовать которую можно как «работа, не требующая специальной квалификации; работа для людей с низким уровнем образования». Иными словами, наименования малопрестижных профессий часто характеризуются стигматичной дискриминационно маркированной семой «неблагополучный» и могут быть отнесены к номинативной области «Социальное неравенство». Можно сделать вывод о том, что данные языковые средства также являются дискриминационно маркированными, поскольку номинативная область их употребления «Социальное неравенство» также является областью дискриминации.

Следовательно, медиадискурсивное использование языковых средств предполагает следование нормам официально-делового стиля, что обуславливает преобладающее использование нейтрализованных языковых средств, в которых при нейтрализации нивелируется стигматичная составляющая понятия, изменяется значение коннотативного компонента с негативного на нейтральный / положительный и возникает «дополнительный смысл «уважительности», отсутствующий в их прямом наименовании» [Линевиц, 2001, с. 114].

Однако вслед за А. М. Кацевым считаем, что степень дискриминационной маркированности данных языковых средств обусловлена морально-этическими и социально-экономическими тенденциями развития общества. Так, по справедливому мнению А. М. Кацева, идеологические установки социалистического общества исключали необходимость эвфемизации, а, следовательно, и нейтрализации наименований малопрестижных профессий (речь

идет о СССР), поскольку в СССР отсутствовало само понятие малопрестижного труда [Кацев, 1988, с. 65].

В современном же обществе, а вслед за ним и в медиадискурсе, как отмечает Е. П. Сеничкина, эвфемистически нейтрализованные наименования непрестижных профессий «имеют официальный статус и закреплены в соответствующих документах» [Сеничкина 2006, с. 79].

Таким образом, можем заключить, что статус престижности / непрестижности наименований ряда профессий и необходимость их нейтрализации посредством эвфемизации обусловлена влиянием экстралингвистических факторов. Тем не менее, лингвопрагматическая нейтрализация в данном случае затрагивает лишь коннотаты и сигнификаты понятий, оставляя денотаты неизменными.

Номинативная область дискриминации «Социальное неравенство» также включает в себя такие дискриминационно маркированные семы, как «бедность», «нищета», «низкий социальный статус» и др. Лингвопрагматическая нейтрализация вышперечисленных языковых средств, в основном, происходит посредством эвфемизации понятий. Например, медиаисточник 2020 г. сообщает:

(англ.) *My grandparents and cousins came from Beechmount Pass. Even as a kid you sensed the living was hard in this **socially and economically deprived area** of Belfast* (выделено нами. – К. М.) [www.rollingstone.com]. // *Мои бабушка, дедушка и двоюродные братья и сестры были родом из Бичмаунт-Пасс. Даже будучи ребенком, я понимал, что нелегко жить в этом **социально и экономически неблагополучном районе** Белфаста* (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данный медиатекст, можем отметить, что языковое средство *socially and economically deprived area* передано нами как *социально и экономически неблагополучный район*. Словосочетание *экономически неблагополучный район* свидетельствует о том, что район бедный, с высоким уровнем безработицы; словосочетание *социально неблагополучный район* свидетельствует о том, что в районе живут люди с низким социальным статусом.

Можем предположить, что в районе проживает значительное число людей с алкогольной и наркотической зависимостью и другие маргинализованные социальные группы. Таким образом, данный медиатекст может быть отнесен к номинативной области дискриминации в категории «Социальное неравенство». Лингвопрагматика нейтрализованного посредством эвфемизации языкового средства *deprived area* обусловлено тенденцией к нейтрализации дискриминационно маркированных средств в медиадискурсе. Авторы медиадискурсивного контента не могут использовать дискриминирующие языковые средства, содержащие семы «бедный», «нищий», «алкоголик», «наркоман» и др., поэтому нейтрализуют их.

В русскоязычном медиадискурсе предпочтение отдается нейтрализованному языковому средству *социально незащищенный*. Например:

(рус.) «Законодательством понятие «социально незащищенной» семьи в Беларуси не закреплено, однако исходя из правовых норм к ним можно отнести семьи с низкими доходами, потерявшие кормильца, матерей-одиночек, инвалидов, многодетные семьи и др.,- отвечает «АиФ» юрист Мария ЩУРКО. – Таким семьям предоставляется государственная адресная помощь в трех видах» (выделено нами. – К. М.) [www.aif.by].

Редуцируя дискриминирующие семы «бедность», «нищета», «неблагополучие» медиаисточники употребляют нейтрализованное языковое средство *социально незащищенный*. Лингвопрагматика такого нейтрализованного языкового средства крайне затрудняет проведение критического дискурс-анализа, поскольку не представляется возможным определить денотат языкового средства.

С нашей точки зрения интересен случай нейтрализации дискриминационно маркированного языкового средства «безработный» в англоязычном медиадискурсе. Например:

(англ.) Formal volunteering at least once a month was higher for those economically inactive (21%) compared to employed respondents (18%).

However, rates for employed respondents who volunteered at least once a month were lower than in 2019/20 (22%) (выделено нами. – К. М.) [www.newsletter.co.uk]. // Формальное волонтерство хотя бы раз в месяц было выше среди экономически неактивных (21%) по сравнению с работающими респондентами (18%). // Однако показатели среди работающих респондентов, которые занимались волонтерством хотя бы раз в месяц, были ниже, чем в 2019/20 г. (22%) (перевод наш. – К. М.).

При анализе данного медиатекста, следует отметить, что его корректное понимание крайне затруднено. Языковое средство *economically inactive* является нейтрализованным посредством эвфемизации медиадискурсивным языковым средством «безработные» и/или «неплатежеспособные». Поскольку понятие «безработный» имеет отрицательную коннотацию и содержит дискриминационно маркированные семы «нищета», «бедность», «болезни», медиадискурсивные источники нейтрализуют его и используют языковое средство *экономически неактивные*. Лингвопрагматика такого нейтрализованного языкового средства крайне затрудняет проведение критического дискурс-анализа, поскольку не представляется возможным определить денотат языкового средства: являются ли эти люди просто нежелающими работать, либо они неактивно проявляют себя в области экономики, а могли бы проявлять активнее, либо, в отличие от экономически активных людей, экономически неактивные недостаточно активны и др. В данном медиасообщении значение языкового средства можно определить по контексту, поскольку фрагмент содержит лингвопрагматическую оппозицию *employed respondents / economically inactive*. При отсутствии данной оппозиции корректное определение значения понятия *economically inactive* практически не представляется возможным.

Например, в медиатексте источника 2020 г. Insider.co.uk сообщается:

(англ.) Bailey said there had been a rise in the numbers of economically inactive people. One key issue now will be whether some of those people are able to return to the market (выделено нами. – К. М.) [www.insider.co.uk]. // Бейли отметил рост числа экономически неактивных людей.

Ключевым вопросом теперь будет то, смогут ли некоторые из этих людей вернуться на рынок (перевод наш. – К. М.).

Исходя из перевода и контекста данного медиасообщения, не представляется возможным определить значение нейтрализованного посредством эвфемизации языкового средства *economically inactive people*, но можно сделать вывод о том, что оно является дискриминационно маркированным, поскольку содержит лексему *inactive*, которая отражает снижение какой-либо активности, спад, ухудшение по сравнению с предыдущим уровнем развития чего-либо.

Необходимо отметить, что в русскоязычном медиадискурсе понятие *безработные* не нейтрализуется и употребляется в первоначальном виде:

(рус.) «У нас на учете в центрах занятости стоит 844 тысячи. А безработных у нас, по данным Росстата, 3,4 миллиона граждан. То есть огромное количество граждан, с которыми мы не коммуницируем, мы до них не дошли», — цитирует ТАСС замминистра труда и социальной защиты Елену Мухтиярову (выделено нами. – К. М.) [www.tass.ru].

Таким образом, можем сделать вывод, что лингвопрагматическая нейтрализация языковых средств номинативной области дискриминации «Социальное неравенство» происходит преимущественно посредством эвфемизации понятий. Однако, несмотря на то, что употребление нейтрализованных языковых средств номинативной области дискриминации «Социальное неравенство» способствует достижению прагматической цели общения, то есть осуществлению успешной коммуникации, следует отметить, что понимание такого нейтрализованного медиадискурсивного контента читателем (реципиентом) зависит не только от его уровня владения языком; фоновые (экстралингвистические) знания реципиента становятся в данном случае первостепенными, поскольку традиционные значения языковых средств под влиянием лингвопрагматической нейтрализации претерпевают значительные изменения.

2.7. Лингвопрагматическая нейтрализация языковых средств номинативной области дискриминации «Дискриминация по возрасту»

Несмотря на то, что существует огромное количество видов дискриминации, явление дискриминации людей по возрасту в медиадискурсе является одним из самых широко представленных видов дискриминации.

Дискриминация по возрасту неизбежно возникает при приеме соискателей на работу, поскольку в современном обществе работодатели часто используют «тест по резюме» в качестве основного условия для соискателя. Резюме содержит информацию не только об образовании и профессиональных компетенциях соискателя, но и обязательный пункт о его возрасте.

Ввиду того, что демографическая ситуация в современных странах Запада и в России скорее неблагоприятная (смертность превышает рождаемость), сегодня на рынке труда наблюдается сокращение работоспособного населения, а «труд пожилых людей всё чаще рассматривается как важный и перспективный ресурс» [Михельсон, 2016, с. 81]. Однако в действительности немолодые работники часто сталкиваются с проявлениями дискриминации со стороны работодателей. Нежелание работодателей принимать на работу людей старшего возраста становится для пожилых людей серьезной проблемой не только в материальном плане ввиду низкого уровня пенсионных выплат, но и «препятствует их самореализации, дискриминируя фактор их субъективного благополучия» [Kolosnitsyna, 2017, p. 367].

Поскольку для медиадискурсивного употребления характерна нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств, в англоязычном медиадискурсе все чаще вместо выражения *an old person* в значении *старый, пожилой человек*, содержащего дискриминирующие семы «немоощь», «болезни», «слабоумие» и др. употребляются такие языковые средства, как *golden ager, senior citizen, geriatric*. Так, например, медиаисточник 2020 г. сообщает:

(англ.) *Kate Edwards, who campaigns **against ageism** in the gaming industry and technology sector, says the pandemic has “doubled down on the subtle perception that **golden agers** are different. Now you are not just an **intellectual liability** but you are a **physical liability** to the company, you’re **old**, you’re vulnerable to Covid-19, you could be dead next week.”* (выделено нами. – К. М.) [www.ft.com]. // Кейт Эдвардс, которая ведет кампанию против эйджизма в игровой индустрии и технологическом секторе, говорит, что пандемия «усилила восприятие того, что **пожилые работники** не такие, как все. Теперь вы (пожилые работники) не только **интеллектуальная, но и физическая обуза и ответственность** для компании, вы **стары**, вы уязвимы для Covid-19, вы можете умереть в любой момент» (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данное медиасообщение, можем отнести его к номинативной области дискриминации «Дискриминация по возрасту», поскольку речь в нем идет о *against ageism*, борьбе с дискриминацией пожилых людей. Исследуемый англоязычный медиафрагмент содержит как нейтрализованное языковое средство *golden agers*, из которого посредством редукции исключены дискриминационно маркированные семы «немоощь», «болезни», «слабоумие», так и дискриминационно маркированное языковое средство *old*, лингвопрагматика которого обусловлена интенцией автора медиасообщения повлиять на восприятие читателя (реципиента) таким образом, чтобы обратить его внимание на истинный масштаб дискриминации пожилых людей во время пандемии. С теми же интенциями автор анализируемого медиадискурсивного контента использует языковые средства *intellectual liability* и *physical liability* в значении *обуза*. Исходя из данного медиасообщения, читатель (реципиент) может понять, что, если раньше пожилые люди не справлялись со своими функциональными обязанностями ввиду естественных возрастных изменений, влияющих на память, скорость выполнения работы и др., и были *intellectual liability* - интеллектуальной обузой, то в период пандемии COVID-19 пожилые люди, в силу своего возраста наиболее уязвимые к проявлениям вируса, стали еще и физической обузой

physical liability. Иными словами, заболевшие и умершие пожилые люди могут доставить работодателям огромное количество проблем, как материального (различные выплаты заболевшему или родственникам умершего и др.), так и бытового характера (посещение больных коллегами, покупка и доставка продуктов и лекарств людям, находящимся на самоизоляции и др.). Таким образом, у читателя (реципиента) может сложиться мнение о том, что людей пожилого возраста трудоустраивать нежелательно.

Наряду с *golden agers* англоязычные медиаисточники используют нейтрализованное языковое средство *senior citizens*. Так, медиаисточник 2020 г. сообщает:

(англ.) Researchers in South Korea found that among senior citizens who'd been having memory issues, those using diabetes drugs called DDP-4 inhibitors typically showed a slower progression in those symptoms over the next few years (выделено нами. – К. М.) [www.usnews.com]. // Исследователи из Южной Кореи обнаружили, что среди пожилых людей, у которых были проблемы с памятью, те, кто принимал препараты от диабета, называемые ингибиторами DDP-4, как правило, демонстрировали более медленное прогрессирование этих симптомов в течение следующих нескольких лет (перевод наш. – К. М.).

Как было отмечено выше, в англоязычном медиадискурсе для обозначения пожилых людей также часто используется нейтрализованное средство *geriatric*. Например:

(англ.) So far, those cases are more common in geriatric people where vaccine rates are higher. Vaccines trigger a less robust immune response in the geriatric, and the chances of a breakthrough infection get higher with increasing age (выделено нами. – К. М.) [www.mercurynews.com]. // Пока случаи инфицирования чаще встречаются у пожилых людей. Вакцины вызывают менее стойкий иммунный ответ у пожилых людей,

поскольку возрастной фактор значительно повышает шансы на инфицирование (перевод наш. – К. М.).

Анализируя данные медиасообщения, можем сказать, что лингвопрагматика нейтрализованных языковых средств *senior citizens* и *geriatric* снижает и в значительной степени редуцирует медиадискурсивную дискриминацию пожилых людей. В то же время, дискриминация по возрастному признаку в обществе и языке сохраняется.

Для русскоязычного медиадискурса также характерна редукция дискриминирующих сем «старость», «немоощь», «болезни» и эвфемизация понятий, содержащих в себе данные семы нейтрализованными пожилой, преклонного возраста, пенсионер, 60+,65+. Например,

*(рус.) Прохожие наткнулись на человеческие останки возле жилого дома на улице Маршала Тухачевского. В преступлении подозревается **пожилой мужчина**. В его квартире нашли другие фрагменты тела. По факту произошедшего было возбуждено уголовное дело по статье «Убийство». Отмечается, что при задержании **пенсионер** выглядел вменяемым и без сопротивления прошел в полицейский автомобиль (выделено нами. – К. М.) [www.aif.ru].*

Редуцируя дискриминирующие семы «старость», «болезни», «немоощь» русскоязычный медиадискурсивный источник использует нейтрализованное средство *пожилой мужчина*.

Согласно результатам настоящего исследования отметим, что тенденция к лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств характерна для социума. Социоэкономические и социополитические изменения в обществе служат предпосылками для явлений, которые с течением времени становятся общественно порицаемыми, а иногда и общественно неприемлемыми, такими, например, как рабство, сегрегация, дискриминация и т. д. Использование нейтрализованных медиадискурсивных языковых средств характерно как для английской, так и для русской лингвокультур. Следовательно, нейтрализованные языковые средства являются

не только залогом успешной коммуникации, но и способны выступать в качестве средств репрезентации лингвокультурной информации, способствуют более глубокому и полному пониманию протекания языковых процессов, выступая в качестве совокупности отраженных в языке и медиадискурсе особенностей национальной материальной и духовной культуры народа.

2.8. Специфика использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в англоязычном медиадискурсе по номинативным областям дискриминации

Проанализировав случаи проявления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств медиадискурса в выявленных в ходе проведения исследования наиболее широко представленных в медиадискурсе номинативных областях дискриминации (п.п. 2.1. – 2.7.), считаем целесообразным и уместным провести **анализ частотности** (количественного соотношения) **использования инструментов осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англоязычном медиадискурсе** в каждой из следующих областей номинации:

1. Расовая и этническая принадлежность.
2. Гендерная принадлежность.
3. Дискриминация по внешнему облику.
4. Дискриминация по физическому и психическому состоянию.
5. Социальное неравенство.
6. Дискриминация по возрасту.

Полученные в ходе настоящей работы статистические данные позволяют выявить определенные закономерности, характерные для исследуемых номинативных областей дискриминации в англоязычном медиадискурсе.

Представим полученные результаты в виде таблицы:

Использование инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в англоязычном медиадискурсе по номинативным областям дискриминации

№ п/п	Номинативные области дискриминации	Инструменты нейтрализации языковых средств			
		Эвфемизация понятий %	Морфологические изменения %	Модификация местоимений (гендер) %	Редукция дискриминирующих сем %
1.	Расовая и этническая принадлежность	100	–	–	–
2.	Гендерная принадлежность	22	29	49	–
3.	Дискриминация по внешнему облику	89	11	–	–
4.	Дискриминация по физическому и психическому состоянию	81	19	–	–
5.	Социальное неравенство	57	–	–	43
6.	Дискриминация по возрасту	59	–	–	51

Количественные данные, представленные в таблице (Таблица 3), указывают на частотность использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств по номинативным областям дискриминации в англоязычном медиадискурсе. Как видим из Таблицы 3, «**Эвфемизация понятий**» используется как наиболее продуктивный инструмент лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в таких номинативных областях дискриминации, как *«Расовая и этническая принадлежность»*, *«Дискриминация по внешнему облику»*,

«Дискриминация по физическому и психическому состоянию», «Социальное неравенство», «Дискриминация по возрасту».

Согласно данным Таблицы 3 доля языковых средств номинативной области дискриминации **«Расовая и этническая принадлежность»** нейтрализованных посредством **«Эвфемизации понятий»** составляет 100%. Примером может служить следующее медиасообщение:

(англ.) *People of color account for 43 percent of the active-duty military, but the top ranks are largely white and male* (выделено нами. – К. М.) [www.baltimoresun.com]. // **Цветное население составляет 43 процента военнослужащих, находящихся на действительной военной службе, но высшие чины в основном белые и мужчины** (перевод наш. – К. М.).

Доля языковых средств номинативной области дискриминации **«Дискриминация по внешнему облику»** нейтрализованных посредством **«Эвфемизации понятий»** составляет 89%. Приведем пример следующего медиасообщения:

(англ.) *“There is this weight bias and negative attitudes towards individuals in a larger body,” said Goldman. “And after people lose a significant amount of weight, they really do start experiencing this. People are kinder and nicer. And it’s like they’re no longer invisible.”* (выделено нами. – К. М.) [www.whyu.org]. // **«Существует предвзятое отношение к весу и негативное отношение к людям с более крупным телом», – говорит Голдман. «И после того, как люди теряют значительное количество веса, они действительно начинают испытывать это. Люди становятся добрее и приветливее. И они как будто перестают быть невидимыми»** (перевод наш. – К. М.).

Доля языковых средств номинативной области дискриминации **«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»** нейтрализованных посредством **«Эвфемизации понятий»** составляет 81%. Рассмотрим следующее медиасообщение:

(англ.) *Some **mentally challenged** advocate groups say Marbut pushes an outdated and patronizing approach that makes the contingent on participation in programs rather than offering “Housing First,” a concept that holds that people who are homeless first need stable housing before they can tackle underlying issues such as addiction or **mental health disorders*** (выделено нами. – К. М.) [www.adn.com]. // *Некоторые группы защитников психически иных людей говорят, что Марбут применяет устаревший и покровительственный подход, который ставит в зависимость от участия в программах, а не предлагает концепцию, согласно которой бездомные люди должны быть обеспечены стабильным жильем, прежде чем смогут решить основные проблемы, такие как зависимость или психические расстройства* (перевод наш. – К. М.).

Доля языковых средств номинативной области дискриминации «**Дискриминация по возрасту**», где инструментом нейтрализации является «**Эвфемизация понятий**», составляет 59%. Приведем следующий пример медиасообщения:

(англ.) *The new euphemisms for 'old' include 'well-seasoned', 'experienced', 'elderly', 'time-tested', and 'antique'. They are used when the speaker does not want to offend someone by calling them old, or if the speaker is describing an item and wants to put a positive spin on its age* (выделено нами. – К. М.) [thenevadaindependent.com]. // *Появились новые эвфемизмы для слова «старый» – «умудренный опытом», «опытный», «пожилой», «проверенный временем» и «антикварный». Они используются, когда говорящий не хочет обидеть кого-то, назвав его старым, или если говорящий описывает предмет и хочет придать его возрасту положительную окраску* (перевод наш. – К. М.).

Доля языковых средств номинативной области дискриминации «**Социальное неравенство**» с эвфемизацией понятий как инструментом нейтрализации составляет 57%. Примером может служить следующее медиасообщение:

(англ.) *Raising the family in **the socio-economically deprived area** of Los Angeles, Compton, Richard started teaching his daughters when they were four-years-old on local tennis courts* (выделено нами. – К. М.) [www.elle.com]. // *Ричард, проживая и растя детей в **неблагополучном с социально-экономической точки зрения** районе Лос-Анджелеса, Комптоне, с четырех лет начал обучать своих дочерей теннису* (перевод наш. – К. М.).

Наименьшее число использования **эвфемизации понятий** как инструмента нейтрализации приходится на языковые средства номинативной области дискриминации **«Гендерная принадлежность»** – 22%. Приведем следующий пример англоязычного медиасообщения:

(англ.) *The co-owners said the event captured exactly why they founded the ranch in the first place: to create a place for **queer people** to gather and not just survive, but thrive* (выделено нами. – К. М.) [www.nbcnews.com]. // *По словам совладельцев, событие в точности отразило цель основания ранчо: создать место, где могли бы собираться **гомосексуалисты** и не просто выживать, а процветать* (перевод наш. – К. М.).

Сравнительно низкая частотность употребления нейтрализованных посредством эвфемизации языковых средств номинативной области дискриминации **«Гендерная принадлежность»** может объясняться высокой частотностью употребления гендерно-нейтральных местоимений для нейтрализации дискриминационной маркированности языковых средств.

Высокая частотность использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации языковых средств **«Эвфемизация понятий»** может быть объяснена тем, что дискриминационно маркированные языковые средства всех рассматриваемых номинативных областей дискриминации имеют слишком выраженные стигматичные дискриминационно маркированные сигнификаты и значения коннотативных компонентов; изменения их сигнификатов и коннотативных компонентов посредством эвфемизации нейтрализуют их

стигматичность, изменяют значения коннотативных компонентов с дискриминационно маркированных на нейтральные.

Отметим, что использование инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств **«Морфологические изменения»** в номинативных областях дискриминации также довольно частотно.

Например, в номинативной области дискриминации **«Гендерная принадлежность»**, доля нейтрализованных посредством данного инструмента нейтрализации языковых средств составляет 29%. Примером может являться следующее медиасообщение:

(англ.) *David Goodell, 73, died last week and his partner, Mary Ann Larrabee, was injured in the fire* (выделено нами. – К. М.) [www.sandiegouniontribune.com]. // *Дэвид Гуделл, 73 года, погиб на прошлой неделе, а его партнер, Мэри Энн Ларраби, пострадал во время пожара* (перевод наш. – К. М.).

В номинативной области **«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»** доля нейтрализованных языковых средств посредством инструмента **«Морфологические изменения»** составляет 19%. Рассмотрим следующее медиасообщение в качестве примера:

(англ.) *In addition to facing possible prosecution for having unprotected sex, HIV-positive people also could be charged under the previous law for sharing needles or donating organs or bodily tissues and fluids* (выделено нами. – К. М.) [www.chicagotribune.com]. // *Помимо возможного судебного преследования за незащищенный секс, ВИЧ-положительные люди также могут быть обвинены за совместное использование игл, донорство органов, тканей тела и жидкостей* (перевод наш. – К. М.).

В номинативной области дискриминации **«Дискриминация по внешнему облику»** доля нейтрализованных посредством инструмента **«Морфологические изменения»** языковых средств составляет 11%. Примером может являться следующее медиасообщение:

(англ.) *Even newborn babies prefer attractive to nonattractive faces, which means lookism may be genetic, said Michael Cunningham, a psychologist and expert on the dynamics of attraction at the University of Louisville* (выделено нами. – К. М.) [philly.com]. // *По мнению Майкла Каннингема, психолога и эксперта по динамике привлекательности Университета Луисвилляб даже новорожденные дети предпочитают привлекательные лица непривлекательным, что означает, что лукизм может быть генетическим феноменом* (перевод наш. – К. М.).

Полагаем, что использование инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств **«Морфологические изменения»** обусловлено стремлением авторов медиадискурсивного контента найти способы снижения дискриминационной составляющей понятий, что в свою очередь, способствует повышению эффективности коммуникативного взаимодействия.

Важно, тем не менее, отметить, что инструмент лингвопрагматической нейтрализации **«Морфологические изменения»** проявляет лакуарность в таких номинативных областях дискриминации, как **«Расовая и этническая принадлежность»**, **«Социальное неравенство»** и **«Дискриминация по возрасту»**.

Полагаем, что лакуарность использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств **«Морфологические изменения»** в таких номинативных областях дискриминации, как **«Расовая и этническая принадлежность»**, **«Социальное неравенство»** и **«Дискриминация по возрасту»** обусловлена андроцентричностью современного английского языка и традиционным использованием языковых средств мужского рода для обозначения понятий, определяющих женщин в современном языковом использовании в целом, и в медиадискурсе, в частности.

Использование инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств **«Модификация**

местоимений (гендер)» характерно только для номинативной области дискриминации **«Гендерная принадлежность»**, в которой доля дискриминационно маркированных языковых средств, нейтрализованных посредством данного инструмента составляет 49%. Примером использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации **«Модификация местоимений (гендер)»** может служить следующее медиасообщение:

*(англ.) Alana Smith was the first openly **nonbinary competitor** to represent the U.S., placing last in **women’s street skateboarding** – on a skateboard emblazoned with **they/them pronouns** – but was “proud” of achieving **their goal of being “a visual representation for humans like me.”** (выделено нами. – К. М.) [www.chicagotribune.com]. // Алана Смит стала первой открытой **небинарной** участницей, представлявшей США, которая, несмотря на то, что заняла последнее место в женском стрит-скейтбординге на скейтборде, украшенном местоимениями **«они» и «им»**, гордится достижением своей цели – быть **«видимым доказательством существования таких людей, как она»** (перевод наш. – К. М.).*

Полагаем, что использование инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств **«Модификация местоимений (гендер)»** обусловлено стремлением авторов медиадискурсивного контента найти способы снижения дискриминационной составляющей понятий, что в свою очередь, способствует повышению эффективности коммуникативного взаимодействия.

Необходимо отметить, что инструмент лингвопрагматической нейтрализации **«Модификация местоимений (гендер)»** проявляет лакуарность в таких номинативных областях дискриминации, как **«Расовая и этническая принадлежность»**, **«Дискриминация по внешнему облику»**, **«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»** и **«Социальное неравенство»**.

Считаем, что лакуарность использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных

языковых средств «**Модификация местоимений (гендер)**» в номинативных областях дискриминации «**Расовая и этническая принадлежность**», «**Дискриминация по внешнему облику**», «**Дискриминация по физическому и психическому состоянию**» и «**Социальное неравенство**» может быть обусловлена андроцентричностью современного английского языка и традиционным использованием языковых средств мужского рода для обозначения понятий определяющих женщин в современном языковом использовании в целом, и в медиадискурсе, в частности.

Согласно результатам анализа, частотность использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств «**Редукция дискриминирующих сем**» проявляется только в таких номинативных областях дискриминации, как «**Социальное неравенство**» – 43% и «**Дискриминация по возрасту**» – 51%.

Так, примером использования данного инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в номинативной области дискриминации «**Социальное неравенство**» может служить медиасообщение:

(англ.) People who are losing their primary nighttime residence within 14 days; families with children or unaccompanied youth who are unstably housed and likely to continue living in that state. (выделено нами. – К. М.) [www. ajc.com]. // Люди, у которых отсутствует основное место ночного проживания в течение 14 дней; семьи с детьми или несовершеннолетние без сопровождения взрослых, которые не имеют стабильного жилья и, скорее всего, продолжат жить в таком состоянии (перевод наш. – К. М.).

В качестве примера использования инструмента «**Редукция дискриминирующих сем**» лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в номинативной области дискриминации «**Дискриминация по возрасту**» рассмотрим следующее медиасообщение:

(англ.) *The number of people aged 65 and over will increase by more than 40% within 20 years, and the number of households where the **golden ager** is 85 and over is increasing faster than any other age group. Despite these profound changes to the age structure of our society, **ageism** is still rife: one in three people in the UK report experiencing age prejudice or age discrimination* (выделено нами. – К. М.) [www.theguardian.com]. // *В течение 20 лет число людей в возрасте 65 лет и старше увеличится более чем на 40%, а количество семей, в которых «человек пожилого возраста» старше 85 лет, растет быстрее, чем в любой другой возрастной группе. Несмотря на эти глубокие изменения в возрастной структуре нашего общества, **эйджизм** все еще широко распространен: каждый третий житель Великобритании сообщает, что сталкивается с предрассудками или дискриминацией по возрасту* (перевод наш. – К. М.).

Тем не менее, отметим, что в остальных четырех номинативных областях дискриминации – *«Расовая и этническая принадлежность»*, *«Гендерная принадлежность»* *«Дискриминация по внешнему облику»*, *«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»* – данный инструмент нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств проявляет лакунарность.

Полагаем, что лакунарность использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств *«Редукция дискриминирующих сем»* в таких номинативных областях дискриминации, как *«Расовая и этническая принадлежность»*, *«Гендерная принадлежность»*, *«Дискриминация по внешнему облику»*, *«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»* обусловлена тем, что, как показывают результаты анализа, дискриминационно маркированные стигматичные семы не входят в семантическую структуру antecedentных наименований языковых средств данных номинативных областей дискриминации.

Таким образом, исходя из данных настоящего исследования, можем сделать вывод о том, что наиболее продуктивным инструментом из всех выявленных инструментов лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англоязычном медиадискурсе является **«Эвфемизация понятий»**.

2.9. Специфика использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в русскоязычном медиадискурсе по номинативным областям дискриминации

В п. 2.8. настоящего исследования выявлены, изучены, описаны и подведены результаты особенностей использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в англоязычном медиадискурсе по выявленным номинативным областям дискриминации.

Проанализировав случаи проявления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств медиадискурса в выявленных в ходе проведения исследования наиболее широко представленных в медиадискурсе номинативных областях дискриминации (п.п. 2.1. – 2.7.), в данном разделе работы считаем целесообразным провести **анализ частотности (количественного соотношения) использования инструментов осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в русскоязычном медиадискурсе** в тех же областях номинации с целью дальнейшего выявления универсальных (общих) и национально-специфических особенностей дискриминационно маркированных языковых средств англо- и русскоязычного медиадискурса. Приведем наиболее широко представленные в медиадискурсе номинативные области дискриминации:

1. Расовая и этническая принадлежность.
2. Гендерная принадлежность.
3. Дискриминация по внешнему облику.
4. Дискриминация по физическому и психическому состоянию.

5. Социальное неравенство.
6. Дискриминация по возрасту.

Полученные в ходе работы статистические данные позволяют выявить определенные закономерности, характерные для исследуемых номинативных областей дискриминации в русскоязычном медиадискурсе.

Представим полученные результаты в виде таблицы:

Таблица 4

Использование инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в русскоязычном медиадискурсе по номинативным областям дискриминации

№ п/п	Номинативные области дискриминации	Инструменты нейтрализации языковых средств			
		Эвфемизация понятий %	Морфологические изменения %	Модификация местоимений (гендер) %	Редукция дискриминирующих сем %
1.	Расовая и этническая принадлежность	100	–	–	–
2.	Гендерная принадлежность	–	100	–	–
3.	Дискриминация по внешнему облику	88	–	–	12
4.	Дискриминация по физическому и психическому состоянию	74	–	–	26
5.	Социальное неравенство	67	–	–	33
6.	Дискриминация по возрасту	61	–	–	39

Количественные данные, представленные в таблице (Таблица 4), указывают на частотность использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств по номинативным областям дискриминации в

русскоязычном медиадискурсе. Как видим из вышеприведенной таблицы (Таблица 4), «**Эвфемизация понятий**» используется как наиболее продуктивный инструмент лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в таких номинативных областях дискриминации, как *«Расовая и этническая принадлежность»*, *«Дискриминация по внешнему облику»*, *«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»*, *«Социальное неравенство»*, *«Дискриминация по возрасту»*, проявляя лакунарность в номинативной области *«Гендерная принадлежность»*.

Согласно Таблице 4, доля языковых средств номинативной области дискриминации *«Расовая и этническая принадлежность»* нейтрализованных посредством «**Эвфемизации понятий**» составляет 100%. Примером может служить следующее медиасообщение:

*(рус.) О том, где он жил последние десять лет, **темнокожий мужчина** говорит неохотно – кажется, что ему тяжело и не очень приятно об этом вспоминать. По его словам, «это долгая история». Он подчеркивает, что все время с тех пор как покинул Родину, не переставал учиться, жил в разных странах...«Если обижаешься – это твоя гордость, - рассуждает Туссе. – Ну вот слово «негр» - что в нем обидного? Это просто язык, это значит, что я **черный, темный**.*
(выделено нами. – К. М.) [www.ufa.aif.ru].

Следует отметить, что понятие «негр» в русском языке не является дискриминационно маркированным, поскольку сам феномен рабства и сегрегации отсутствовал на территории бывшего Советского Союза и современной России. Однако русскоязычные медиаисточники вслед за англоязычными предпочитают употребление нейтрализованных языковых средств *темнокожий мужчина, черный, темный*. В данном конкретном контексте медиаисточник использует лексему «негр», но приводит ее в качестве прямой речи интервьюируемого.

Доля языковых средств номинативной области дискриминации *«Дискриминация по внешнему облику»* нейтрализованных посредством

«**Эвфемизации понятий**» составляет 88%. Приведем пример следующего медиасообщения:

*(рус.) В последние годы **плюс-сайз-моделей** все чаще букируют для съемок телевизионной рекламы. В России самый востребованный **размер моделей – 52-й** (выделено нами. – К. М.) [www.daily.afisha.ru].*

Медиаисточники, как видим, эвфемизируют понятие «толстый» при помощи нейтрализованных *полный, с лишним весом, плюс сайз*.

Доля языковых средств номинативной области дискриминации «**Дискриминация по физическому и психическому состоянию**» нейтрализованных посредством «**Эвфемизации понятий**» составляет 74%. Рассмотрим следующее медиасообщение:

*(рус.) Наша работа по развитию в стране **инклюзивного общества** направлена на создание **доступной инфраструктуры и безбарьерной среды**, развитие **инклюзивного спорта**, создание возможностей для профессиональной и социальной реализации людей с особенностями развития (выделено нами. – К. М.) [www.ria.ru].*

Русскоязычные источники нейтрализуют понятие *инвалиды* посредством эвфемизации и предпочитают использование таких понятий, как *инклюзивное общество, доступная инфраструктура, безбарьерная среда, инклюзивный спорт, люди с особенностями развития*. Употребление нейтрализованных языковых средств значительно затрудняет понимание смысла медиаконтекста, которое невозможно без наличия у реципиента экстралингвистических знаний.

Доля языковых средств номинативной области дискриминации «**Социальное неравенство**» с **эвфемизацией понятий** как инструментом нейтрализации составляет 67%. Примером может служить следующее медиасообщение:

*(рус.) Как пояснила изданию первый замглавы комитета Госдумы по просвещению Яна Лантратова, проект закона призван поддержать **социально уязвимые категории населения**, а именно: помочь им освоить профессию и тем самым улучшить качество жизни ...«Ведь*

если для обычного абитуриента непрохождение на бюджет будет большой проблемой, то для детей, которые остались без поддержки родителей, это может стать настоящей трагедией», — заключила депутат (выделено нами. – К. М.) [www.aif.ru].

Редуцируя дискриминирующие семы «бедность», «нищета» и одновременно эвфемизируя понятия **небогатый**, **бедный** медиадискурсивный источник использует нейтрализованное языковое средство **социально уязвимые категории населения**. Однако следует отметить, что корректное внеконтекстуальное понимание смысла медиатекста крайне затруднено, поскольку социально уязвимые категории населения – это и дети-сироты, и люди с невысоким доходом, и матери-одиночки и др.

Доля языковых средств номинативной области дискриминации **«Дискриминация по возрасту»**, где инструментом нейтрализации является **«Эвфемизация понятий»**, составляет 61%. Приведем следующий пример русскоязычного медиасообщения:

*(рус.) В центрах вакцинации на базе городских поликлиник открылись пункты выдачи подарочных наборов «с заботой о здоровье». Они полагаются всем москвичам **старше 65 лет**, прошедшим вакцинацию (выделено нами. – К. М.) [www.aif.ru].*

Медиаисточник эвфемизирует понятие старший, используя эвфемизм **старше 65 лет**. Нейтрализованное понятие может расцениваться реципиентом как обычное обозначения возраста, а не как указание на то, что человек является далеко не молодым.

Высокая частотность использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации языковых средств **«Эвфемизация понятий»** в русскоязычном медиадискурсе может быть объяснена тем, что дискриминационно маркированные языковые средства всех рассматриваемых номинативных областей дискриминации имеют слишком выраженные стигматичные дискриминационно маркированные сигнификаты и значения коннотативных компонентов; изменения их сигнификатов и коннотативных компонентов

посредством эвфемизации нейтрализуют их стигматичность, изменяют значения коннотативных компонентов с дискриминационно маркированных на нейтральные.

Использование инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств **«Морфологические изменения»** в русскоязычном медиадискурсе характерно только для номинативной области **«Гендерная принадлежность»**, доля нейтрализованных посредством данного инструмента нейтрализации языковых средств составляет 100%. Примером может являться следующее медиасообщение:

*(рус.) Моя бабушка любила говорить: хоть горшком назови, только в печь не станови. Главное, какие стихи ты пишешь, а там – **поэт** ты или **поэтка, авторка** – без разницы. Мне ближе, наверное, поэт, хотя не обижаюсь на **поэтессу**, и **поэткой** меня тоже называли. При этом если меня просят называть кого-то **блогеркой** или **режиссеркой** – пожалуйста, мне не сложно (выделено нами. – К. М.) [www.rk.karelia.ru].*

Использование измененных посредством инструмента **«Морфологические изменения»** дискриминационно маркированных языковых средств не затрудняет понимания смысла медиасообщения, однако, ставит под сомнение знание автором медиасообщения норм русского языка. Необходимо отметить, что использование феминативов характерно для представителей феминистических и ЛГБТК+ движений; представители других социальных групп предпочитают традиционное употребление андроцентричных лексических форм (*поэт, учитель, врач* по отношению и к мужчинам, и к женщинам).

В других номинативных областях дискриминации инструмент нейтрализации **«Морфологические изменения»** проявляет лакунарность.

Использование инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств **«Модификация местоимений (гендер)»** также отсутствует в русскоязычном медиадискурсе.

Согласно результатам анализа, частотность использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств «Редукция дискриминирующих сем» проявляется в таких номинативных областях дискриминации, как «*Дискриминация по внешнему облику*» – 12%, «*Дискриминация по физическому и психическому состоянию*» обусловлена – 26%, «*Социальное неравенство*» – 43% и «*Дискриминация по возрасту*» – 51%.

Так, примером использования данного инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в номинативной области дискриминации «*Дискриминация по внешнему облику*» может служить медиасообщение:

(рус.) Большинство фанатов узнало о Джэми Брюэр из сериала «Американская история ужасов». Её нестандартная внешность пришла очень кстати для создания фриковатых и даже пугающих образов. У актрисы синдром Дауна, но она научилась полноценно жить и сниматься в кино (выделено нами. – К. М.) [www.europaplus.ru].

Данное медиасообщение содержит языковое средство *нестандартная внешность*, которое нейтрализовано посредством редукции дискриминирующих сем «некрасивый», «уродливый». Однако из контекста медиасообщения ясно, что у актрисы синдром Дауна и внешность ее далека от «стандартной».

Примером использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств «Редукция дискриминирующих сем» в номинативной области дискриминации «*Дискриминация по физическому и психическому состоянию*» может служить медиасообщение:

(рус.) Осенью сокращается световой день, что всегда влияет на сезонное обострение. Чтобы обезопасить себя, нужно знать сигналы, по которым можно определить, что рядом с вами находится человек с психическими отклонениями (выделено нами. – К. М.) [www.gazeta.ru].

Как видим, медиаисточник редуцирует дискриминирующие семы «болезнь», «сумасшествие» и использует нейтрализованное языковое средство *психические отклонения*.

Примером использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств «**Редукция дискриминирующих сем**» в номинативной области дискриминации «**Социальное неравенство**» может служить медиасообщение:

(рус.) Действие карты планируют распространить на малоимущих россиян (выделено нами. – К. М.) [www.aif.ru].

Здесь русскоязычный медиаисточник редуцирует семы «бедность», «нищета» и использует нейтрализованное средство *малоимущие*, то есть те, кто мало имеет, иными словами – бедные.

Примером использования инструмента лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств «**Редукция дискриминирующих сем**» в номинативной области дискриминации «**Дискриминация по возрасту**» может служить медиасообщение:

(рус.) Укреплению сердца у пожилых людей способствуют физнагрузки, правильное питание и отсутствие стресса (выделено нами. – К. М.) [www.aif.ru].

Медиаисточник редуцирует семы «старость», «слабость» и использует нейтрализованное языковое средство *пожилые люди*, то есть те, кто долго живет, имеет опыт.

Таким образом, исходя из данных настоящего исследования, можем сделать вывод о том, что наиболее продуктивным инструментом из всех выявленных инструментов лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в русскоязычном так же, как и в англоязычном медиадискурсе является «**Эвфемизация понятий**».

2.10. Универсальные и национально-специфические особенности использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе

В пп. 2.8., 2.9. настоящего исследования выявлены, изучены, описаны и подведены результаты особенностей использования наиболее используемых инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в англоязычном и русскоязычном медиадискурсе по выявленным следующим номинативным областям дискриминации:

1. Расовая и этническая принадлежность.
2. Гендерная принадлежность.
3. Дискриминация по внешнему облику.
4. Дискриминация по физическому и психическому состоянию.
5. Социальное неравенство.
6. Дискриминация по возрасту.

Рассмотрев специфику использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе по перечисленным номинативным областям дискриминации, считаем целесообразным и уместным провести сравнительный анализ инструментов осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе по номинативным областям дискриминации.

Представляется, что данный анализ позволит выявить универсальные (общих) и национально-специфические особенности использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе.

Ниже представлен анализ частотности (количественного соотношения) использования инструментов осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном

медиадискурсе в каждой из вышеуказанных областей номинации. Полученные в ходе работы статистические данные представлены в *Таблице 5*.

Таблица 5

Использование инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе по номинативным областям дискриминации

№ п/п	Номинативные области дискриминации	Инструменты нейтрализации языковых средств							
		Эвфемизация понятий %		Морфологические изменения %		Модификация местоимений (гендер) %		Редукция дискриминирующих сем %	
		а.я.	р.я.	а.я.	р.я.	а.я.	р.я.	а.я.	р.я.
1.	Расовая и этническая принадлежность	100	100	–	–	–	–	–	–
2.	Гендерная принадлежность	22	–	29	100	49	–	–	–
3.	Дискриминация по внешнему облику	89	88	11	–	–	–	–	12
4.	Дискриминация по физическому и психическому состоянию	81	74	19	–	–	–	–	26
5.	Социальное неравенство	57	67	–	–	–	–	43	33
6.	Дискриминация по возрасту	59	61	–	–	–	–	51	39

Как видим из *Таблицы 5*, «**Эвфемизация понятий**» используется как наиболее продуктивный инструмент лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств как в англоязычном, так и русскоязычном медиадискурсе в таких номинативных областях дискриминации, как «*Расовая и этническая принадлежность*» (100% и 100%), «*Дискриминация по внешнему облику*» (89% и 88%), «*Дискриминация по физическому и психическому состоянию*» (81% и 74%), «*Социальное неравенство*» (57% и 67%), «*Дискриминация по возрасту*» (59% и 61%). Однако отметим, что если инструмент «**Эвфемизация понятий**» относительно редко используется в

номинативной области дискриминации *«Гендерная принадлежность»* (22%) в англоязычном медиадискурсе, то в русскоязычном медиадискурсе данный инструмент не используется вообще, т. е. обнаруживает свою лакуарность.

Второй инструмент лингвопрагматической нейтрализации языковых средств *«Морфологические изменения»* согласно данным Таблицы 5 чаще используется в номинативной области *«Гендерная принадлежность»* в русскоязычном медиадискурсе (100%), тогда как в той же номинативной области англоязычного медиадискурса его использование значительно реже (29%). Далее по частотности использования данного инструмента следует номинативная область *«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»* в англоязычном медиадискурсе (19%), в то время как в русскоязычном медиадискурсе в данной области номинации этот инструмент не используется вообще (0%). Инструмент *«Морфологические изменения»* также довольно редко используется в номинативной области *«Дискриминация по внешнему облику»* в англоязычном медиадискурсе (11%), тогда как в русскоязычном медиадискурсе он вообще не наблюдается, проявляя свою лакуарность (0%).

Третий инструмент лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств *«Модификация местоимений (гендер)»* обнаруживает свое применение только в одной номинативной области англоязычного медиадискурса *«Гендерная принадлежность»* (49%). Подчеркнем, что в русскоязычном медиадискурсе данный инструмент не используется вообще (0%) ни в одной области номинации.

Четвертый инструмент лингвопрагматической нейтрализации *«Редукция дискриминирующих сем»* чаще представлен в номинативной области *«Дискриминация по возрасту»* в англоязычном медиадискурсе (51%), в той же области номинации в русскоязычном медиадискурсе он используется немного реже (39%). Далее по частоте использования инструмента *«Редукция дискриминирующих сем»* следует область номинации *«Социальное неравенство»* англоязычного медиадискурса (43%), в русскоязычном медиадискурсе этот инструмент используется тоже (33%). Важно отметить, что в

англоязычном медиадискурсе данный инструмент не находит своего применения в остальных областях номинации, проявляя свою лакуарность, однако встречается в русскоязычном медиадискурсе в областях номинации **«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»** (26%) и **«Дискриминация по внешнему облику»** (12%). Данные, приведенные в Таблице 5, указывают как на *универсальные (общие)* для обоих языков, так и *национально-специфические (частные) особенности*, тем самым представляют полную и достоверную картину использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств по номинативным областям дискриминации в англо- и русскоязычном медиадискурсе.

Таким образом, исходя из полученных данных настоящего исследования, приходим к выводу о том, что наиболее продуктивным инструментом лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в обеих лингвокультурах является **«Эвфемизация понятий»**.

Представим механизм лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе в схематическом виде (Схема 3).

Данная схема позволяет нам продемонстрировать механизм лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе. Под влиянием как различных социоэкономических и социополитических факторов, так и в соответствии с принципом политкорректности, дискриминационно маркированные языковые средства подвергаются естественной либо искусственной лингвопрагматической нейтрализации посредством инструментов лингвопрагматической нейтрализации, включающих в себя 1, 2, 3, 4 – **«Эвфемизацию понятий»**, **«Морфологические изменения»**, **«Модификацию местоимений (гендер)»** и **«Редукцию дискриминирующих сем»**. Далее нейтрализованные языковые средства по каналам реализации коммуникативного взаимодействия 5, 6, 7, 8 – (аудио, видео, Интернет, печатные СМИ) попадают к реципиенту.

**Механизм осуществления лингвопрагматической нейтрализации
дискриминационно маркированных языковых средств
в медиадискурсе**

Реципиент, воспринимая нейтрализованные языковые средства в качестве языковой нормы, начинает использовать их в повседневной речи. Поскольку нейтрализованные языковые средства являются динамическими по своей природе, не являются узувальными языковыми средствами, продолжается процесс их дальнейшей лингвопрагматической нейтрализации. Однако согласно данным настоящего исследования, для некоторых нейтрализованных дискриминационно маркированных языковых средств данный процесс уже завершен (*R-word*, *N-word*, *F-word*, *etc.*), а другие все еще находятся в процессе дальнейшей лингвопрагматической нейтрализации.

Считаем необходимым отметить, что, языковые изменения, происходящие под влиянием лингвопрагматической нейтрализации, являются очень важными индикаторами изменения ролей представителей различных социальных групп в

жизни общества. Более того, социополитические изменения (либерализация) общества имеют целью обеспечить людям различных гендеров, социальных, этнических, расовых и других групп равные условия комфортного сосуществования и личностно-профессионального роста. Следовательно, в обществе возникает потребность создания новых языковых средств, которые будут обозначать данные изменения, новые явления и понятия и др. Как правило, подобные вновь создаваемые языковые средства нейтрализуются медиадискурсивными источниками искусственно, являются динамическими по своей форме, не являются узувальными и обязательными для использования всеми без исключения членами социума. В связи с этим в обществе сохраняется использование как дискриминационно маркированных, так и нейтрализованных языковых средств, в то время как медиадискурсивные источники предпочитают использование нейтрализованных языковых средств.

Как видим, для явления лингвопрагматической нейтрализации характерны динамические изменения языка; явление лингвопрагматической нейтрализации является перспективным направлением лингвистической науки и требует дальнейшего изучения.

Выводы по Главе 2

Анализ реализации явления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе позволяет сделать вывод о том, что основными категориями осуществления дискриминации в обществе являются расовая, этническая, гендерная и религиозная принадлежность, а также категории оценивания физического, психического состояния и внешности людей.

Основными номинативными областями употребления дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе являются: *«Расовая и этническая принадлежность»*, *«Гендерная принадлежность»*, *«Дискриминация по внешнему облику»*, *«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»*, *«Социальное неравенство»* и

«Дискриминация по возрасту». Существуют и другие номинативные области употребления дискриминационно маркированных языковых средств, но именно вышеперечисленные области их использования наиболее широко представлены в медиадискурсе.

Определены также основные инструменты осуществления лингвопрагматической нейтрализации языковых средств вышеуказанных номинативных областей дискриминации. Такими инструментами являются: **эвфемизация понятий, морфологические изменения, модификация местоимений (гендер) и редукция дискриминирующих сем.**

Выявлено, что наиболее продуктивным инструментом осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе является **«Эвфемизация понятий».**

Традиционные значения языковых средств под влиянием лингвопрагматической нейтрализации претерпевают значительные изменения, что затрудняет понимание нейтрализованного медиадискурсивного контента читателем (реципиентом). Для корректного понимания нейтрализованных языковых средств медиадискурсивного контента реципиенту недостаточно лингвистических знаний. Оценивая нейтрализованные медиадискурсивные средства и проводя критический дискурс-анализ, реципиенту необходимо наличие фоновых (экстралингвистических) знаний.

Нейтрализованные языковые средства часто создаются авторами медиадискурсивного контента искусственно, являются динамическими по своей форме, не являются узуальными и обязательными для использования всеми без исключения членами социума. В связи с этим в обществе сохраняется использование как дискриминационно маркированных, так и нейтрализованных языковых средств, в то время как медиадискурсивные источники предпочитают использование нейтрализованных языковых средств.

Таким образом, под влиянием как различных социоэкономических и социополитических факторов, так и в соответствии с принципом

политкорректности, дискриминационно маркированные языковые средства подвергаются естественной либо искусственной лингвопрагматической нейтрализации посредством инструментов лингвопрагматической нейтрализации, включающих в себя **«Эвфемизацию понятий»**, **«Морфологические изменения»**, **«Модификацию местоимений (гендер)»** и **«Редукцию дискриминирующих сем»**.

Далее нейтрализованные языковые средства по каналам реализации коммуникативного взаимодействия (аудио, видео, Интернет, печатные СМИ) попадают к реципиенту. Воспринимая такие нейтрализованные языковые средства, реципиент начинает использовать их в повседневной речи, но поскольку нейтрализованные языковые средства являются динамическими по своей природе, не являются узувальными языковыми средствами, продолжается процесс их дальнейшей лингвопрагматической нейтрализации. Процесс лингвопрагматической нейтрализации динамичен. Однако согласно данным настоящего исследования, для некоторых нейтрализованных дискриминационно маркированных языковых средств данный процесс уже завершен (*R-word, N-word, F-word, etc.*), а другие все еще находятся в процессе дальнейшей лингвопрагматической нейтрализации. Данное обстоятельство служит предпосылкой для дальнейшего изучения явления лингвопрагматической нейтрализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено одной из актуальных, но еще недостаточно исследованных проблем современного языкознания – лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе. Анализ механизма осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе, а также определение основных инструментов лингвопрагматической нейтрализации способствовали выявлению ряда универсальных и национально-специфических семантических характеристик, структурных и стилистических особенностей в обеих рассматриваемых лингвокультурах.

В теоретической части настоящего исследования даны характеристики таким основным понятиям, определяющим явление лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств, как: лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств, лингвопрагматическая оппозиция, дискриминационная маркированность, дискриминация, коннотативный компонент.

В работе также рассмотрен феномен «медиадискурса» как одного из основных типов дискурса. Понятие «медиадискурс» в настоящей работе охарактеризовано как публичное, устное или письменное коммуникативное взаимодействие, которое осуществляется через некий канал вещания (печатные источники информации; теле- и радио- каналы, Интернет-сайты), дискурс которого ориентирован как на присутствующего (эксплицитного), так и неприсутствующего (имплицитного/ потенциального) читателя, слушателя, зрителя.

Медиадискурс, являющийся объектом настоящего исследования – это сложное коммуникативное явление, при анализе которого необходимо учитывать как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы, характеризующие его. В работе проведено исследование медиадискурса, его

особенностей и специфических аспектов, присущих только данному типу дискурса, выделены специфические характеристики медиадискурсивного сообщения, способы взаимодействия автора и реципиента(ов) медиадискурсивного контента.

Коммуникативное взаимодействие автора и реципиента в медиадискурсе происходит посредством особого связующего механизма – медийного канала, с помощью которого информация доставляется адресату (пресса, радио, телевидение, Интернет). Медиадискурс является диалогичным по своей структуре, несмотря на коллегиальный характер производства текстов и их направленность на огромную рассредоточенную в пространстве аудиторию.

На успешность коммуникативного взаимодействия большое влияние оказывает выбор языковых средств коммуникантами. На выбор языковых средств также оказывают влияние социоэкономические и социополитические факторы. Именно под влиянием данных факторов в социуме происходит изменение взглядов на определенные явления. Так, изменения в обществе привели к тому, что некоторые аспекты человеческой жизни стали считаться дискриминирующими. Для снижения уровня языковой дискриминации и исключения из обихода дискриминирующих языковых средств, авторы медиадискурсивного контента используют нейтрализованные языковые средства.

Успешность коммуникации обусловлена достижением коммуникативного комфорта ее участников. Основными факторами достижения коммуникативного комфорта участниками коммуникации являются исключение из языкового употребления инвективных и дискриминирующих языковых средств, редукция дискриминирующих сем понятий, использование нейтральных лексико-семантических языковых средств, эвфемизация понятий. Иными словами, для достижения коммуникативного успеха необходимо использовать лингвопрагматический подход к выбору языковых средств. Проведенный анализ более 1500 контекстов, содержащих нейтрализованные дискриминационно маркированные языковые средства, выявил основные номинативные области употребления дискриминационно маркированных языковых средств.

Медиадискурсивное использование дискриминационно маркированных средств неприемлемо, поэтому такие языковые средства подвергаются лингвопрагматической нейтрализации.

Медиадискурс довольно быстро реагирует на изменения, происходящие в обществе. Кроме того, с точки зрения лингвопрагматического подхода к использованию нейтрализованных языковых средств огромное влияние оказала борьба и движения различных социальных групп в защиту своих прав. Так, например, феминистическое движение в защиту прав женщин в обществе и языке (сексизм), общественные движения в защиту дискриминируемых по признаку расовой принадлежности (расизм) и национальной принадлежности (национализм) также внесли свой вклад в формирование корпуса нейтрализованных языковых средств. Принцип политкорректности также может быть отмечен как один из наиболее значимых факторов, влияющих на возникновение нейтрализованных языковых средств.

Для статистического и лингвистического анализа данного исследования отобраны нейтрализованные медиадискурсивные выражения с Интернет-сайтов. Основной корпус анализируемых медиадискурсивных выражений принадлежит к периоду последних пяти лет, но присутствуют также выражения, употребление которых сохраняется на протяжении 10-15 лет. Данное обстоятельство объясняется динамическим характером исследуемого явления; вероятно, многие нейтрализованные языковые средства все еще находятся в процессе лингвопрагматической трансформации.

В соответствии с принципом политкорректности нами были определены основные номинативные области использования дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе, выявлены дискриминационно маркированные языковые средства в современных англо- и русскоязычных медиадискурсивных источниках и проведен их компонентный и семантический анализ.

Кроме того, нами были выявлены лингвопрагматические особенности и наиболее продуктивные инструменты осуществления лингвопрагматической

нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в современном англо- и русскоязычном медиадискурсе, а также универсальные и национально-специфические особенности использования дискриминационно маркированных языковых средств в современном англо- и русскоязычном медиадискурсе

Таким образом, в настоящем исследовании рассмотрены способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе; определены этапы осуществления лингвопрагматической нейтрализации, обусловленные культурной вариативностью языка; выявлены основные номинативные области употребления дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе и систематизированы структурные особенности явления лингвопрагматической нейтрализации с позиций различных областей языкознания (морфология, семантика, стилистика, прагматика). Также установлены факторы, влияющие на возникновение лингвопрагматической оппозиции, определены лингвопрагматические особенности нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств и наиболее продуктивные инструменты осуществления лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в англо- и русскоязычном медиадискурсе.

Анализ функционирования нейтрализованных дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе с точки зрения лингвопрагматического подхода доказывает их способность выступать в качестве факторов, определяющих репрезентацию **лингвистической прагматики**, под которой понимается совокупность аккумулированной информации о факторах, влияющих на развитие социума. Языковые изменения, представленные в медиадискурсе и связанные с лингвопрагматическими факторами, т. е. с автором медиадискурсивного контента и реципиентом медиадискурсивного сообщения в рамках коммуникативной ситуации, довольно значительны. Лингвопрагматическим изменениям подвергаются лексические значения языковых единиц, грамматические, стилистические, семантические и синтаксические категории медиадискурсивного контента.

В частности, нейтрализованные дискриминационно маркированные языковые средства способны транслировать информацию о системе морально-этических ценностей различных социальных групп, особенностях социокультурного и социополитического развития нации в целом. Языковые изменения, происходящие под влиянием лингвопрагматической нейтрализации, являются важными индикаторами изменения ролей представителей различных социальных групп в жизни общества. Более того, социополитические изменения (либерализация) общества имеют целью обеспечить людям различных гендеров, социальных, этнических, расовых и других групп равные условия комфортного сосуществования и личностно-профессионального роста. Следствием данных изменений в обществе становится необходимость трансформации языка. Кроме того, для наиболее корректного обозначения таких изменений в языке возникает потребность в создании новых средств для определения новых явлений, понятий. Так, например, наличие или отсутствие в языке определенных тематических языковых средств позволяет сделать вывод об отношении носителей языка к тому или иному аспекту жизни общества, получить информацию о социокультурном и социополитическом прошлом нации, спрогнозировать вероятные тенденции в развитии общества и языка. Например, значительное внимание англоязычных медиадискурсивных источников к проблемам расизма свидетельствует о негативном отношении общества к данному историческому факту. В то время как в российской культуре отношение к проблеме расизма проявляет лакуарность в связи с принципиальным отсутствием в ней данного феномена.

Исследование лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе в рамках структурно-композиционного подхода, а также анализ нейтрализованных медиадискурсивных выражений с точки зрения их структуры и содержания позволили дать следующее определение ключевому для исследования понятию лингвопрагматической нейтрализации и дать характеристику жанру медиадискурса как одного из самых значительных типов дискурса. Итак, **лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств представляет собой**

замену, редукцию или исключение из коммуникативного употребления лексем с негативным значением (инвективной лексики).

Анализ языкового материала (более 1500 нейтрализованных медиадискурсивных контекстов) позволяет сделать ряд выводов касательно основных инструментов осуществления лингвопрагматической нейтрализации в номинативных областях *«Расовая и этническая принадлежность»*, *«Гендерная принадлежность»*, *«Дискриминация по внешнему облику»*, *«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»*, *«Социальное неравенство»* и *«Дискриминация по возрасту»*. Согласно данным настоящего исследования, инструментами осуществления лингвопрагматической нейтрализации служат *эвфемизация понятий, морфологические изменения, модификация местоимений (гендер), редукция дискриминирующих сем.*

«Эвфемизация понятий» используется как наиболее продуктивный инструмент лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств как в англоязычном, так и русскоязычном медиадискурсе в таких номинативных областях дискриминации, как *«Расовая и этническая принадлежность»* (100% и 100%), *«Дискриминация по внешнему облику»* (89% и 88%), *«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»* (81% и 74%), *«Социальное неравенство»* (57% и 67%), *«Дискриминация по возрасту»* (59% и 61%). Однако отметим, что если инструмент **«Эвфемизация понятий»** относительно редко используется в номинативной области дискриминации *«Гендерная принадлежность»* (22%) в англоязычном медиадискурсе, то в русскоязычном медиадискурсе данный инструмент не используется вообще, т. е. обнаруживает свою лакуарность.

Второй инструмент лингвопрагматической нейтрализации языковых средств **«Морфологические изменения»** чаще используется в номинативной области *«Гендерная принадлежность»* в русскоязычном медиадискурсе (100%), тогда как в той же номинативной области англоязычного медиадискурса его использование значительно реже (29%). Далее по частотности использования данного инструмента следует номинативная область *«Дискриминация по*

физическому и психическому состоянию» в англоязычном медиадискурсе (19%), в то время как в русскоязычном медиадискурсе в данной области номинации этот инструмент не используется вообще (0%). Инструмент **«Морфологические изменения»** также довольно редко используется в номинативной области *«Дискриминация по внешнему облику»* в англоязычном медиадискурсе (11%), тогда как в русскоязычном медиадискурсе он вообще не наблюдается, проявляя свою лакунарность (0%).

Третий инструмент лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств **«Модификация местоимений (гендер)»** обнаруживает свое применение только в одной номинативной области англоязычного медиадискурса *«Гендерная принадлежность»* (49%). Подчеркнем, что в русскоязычном медиадискурсе данный инструмент вообще не используется (0%) ни в одной области номинации.

Четвертый инструмент лингвопрагматической нейтрализации **«Редукция дискриминирующих сем»** чаще представлен в номинативной области *«Дискриминация по возрасту»* в англоязычном медиадискурсе (51%), в той же области номинации в русскоязычном медиадискурсе он используется немного реже (39%). Далее по частоте использования инструмента **«Редукция дискриминирующих сем»** следует область номинации *«Социальное неравенство»* англоязычного медиадискурса (43%), в русскоязычном медиадискурсе этот инструмент используется тоже (33%). Важно отметить, что в англоязычном медиадискурсе данный инструмент не находит своего применения в остальных областях номинации, проявляя свою лакунарность, однако встречается в русскоязычном медиадискурсе в областях номинации *«Дискриминация по физическому и психическому состоянию»* (26%) и *«Дискриминация по внешнему облику»* (12%).

Таким образом, исходя из данных настоящего исследования, можем сделать вывод о том, что наиболее продуктивным инструментом из всех выявленных инструментов лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств является **«Эвфемизация понятий»**.

Итак, в работе выявлены *универсальные (общие)* для обоих языков и *национально-специфические (частные)* особенности использования инструментов лингвопрагматической нейтрализации языковых средств по номинативным областям дискриминации в англо- и русскоязычном медиадискурсе.

Проведенный анализ обнаруживает ряд перспективных областей исследования явления лингвопрагматической нейтрализации. Так, более тщательного изучения требуют модели образования лингвопрагматических оппозиций, а также лингвистические способы достижения эффекта нейтрализации. В рамках данной работы невозможно проанализировать все языковые средства, поэтому в ней рассмотрены только основные номинативные области реализации дискриминационно маркированных средств в медиадискурсе. Интерес представляет исследование проявлений случаев лингвопрагматической нейтрализации в различных областях языкознания и литературоведения, таких, например, как сфера академического письма. Также интересным представляется изучение проявления явления лингвопрагматической нейтрализации в других лингвокультурах, что может способствовать более полному пониманию национальной специфики языка с точки зрения лингвопрагматики. Кроме того, небезынтересно более полное исследование явления лингвопрагматической нейтрализации в различных хронологических периодах, изучение срока функционирования тех или иных нейтрализованных языковых средств, причины их появления и исключения из речевого употребления. Также вызывает интерес сфера лексикографической классификации нейтрализованных языковых средств, поскольку в настоящее время данная сфера проявляет лакунарность ввиду динамического характера дискриминационно маркированных языковых средств.

Перспективы изучения лингвопрагматической нейтрализации обусловлены дальнейшим изучением этого явления в различных сферах функционирования языка, а также в определении моделей лингвопрагматической нейтрализации языковых средств в различных лингвокультурах, поскольку явление лингвопрагматической нейтрализации носит системный характер и присуще также и другим мировым культурам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопян, К. В. Мультикультурализм: основные теоретические подходы / К. В. Акопян. – Текст : непосредственный // Форумы российских мусульман : ежегодный научно-аналитический бюллетень.– № 4. / Под ред. Д. В. Мухетдинова. – Н. Новгород, 2008. – С. 139–142.
2. Алефиренко, Н. Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Язык. Текст. Дискурс : межвузовский научный альманах / под ред. Г. Н. Манаенко. Вып. 3. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2005. – С. 5-13.
3. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика : Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 472 с. – Текст : непосредственный.
4. Арапова, Н. С. Эвфемизмы / Н. С. Арапова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 590. – Текст : непосредственный.
5. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. – Ленинград : Просвещение , 1981. – 382 с. – Текст : непосредственный.
6. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с. – Текст : непосредственный.
7. Ахматова, Г. Х. Структурный, семантический и прагматический аспекты эвфемизмов в политическом дискурсе современного немецкого языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ахматова Гюзель Хамзяевна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2020. – 22 с. – Текст : непосредственный.
8. Бабаян, В. Н., Круглова, С. Л. Теория дискурса в системе наук о языке / В. Н. Бабаян, С. Л. Круглова. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – № 3. – С. 55-57.

9. Бабаян, В. Н., Круглова, С. Л. Текст и дискурс / В. Н. Бабаян, С. Л. Круглова. – Текст : непосредственный // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии : межвуз. сб. науч. тр. ; Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского ; Высшая школа русской филологии и культуры ; Центр теории и практики речевой коммуникации. – Ярославль, 2002. – С. 32–37.

10. Бабаян, В. Н. Дискурс как сложный коммуникативный феномен / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2006а. – Т. 12. – № 4. – С. 127–129.

11. Бабаян, В. Н. Лакуны в триаде (диалог с молчащим наблюдателем /МН/) / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 3. – С. 168–182.

12. Бабаян, В. Н. Диалогический дискурс и его структура / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в высшей школе. – 2007. – № 5. – С. 98–103.

13. Бабаян, В. Н. Диалог в триаде с молчащим наблюдателем / В. Н. Бабаян. – Ярославль : РИЦ Международный университет бизнеса и новых технологий, 2008. – 290 с. – Текст : непосредственный.

14. Бабаян, В. Н. Дискурсивное пространство терциарной речи : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабаян Владимир Николаевич ; НОУ ВПО «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)». – Ярославль, 2009. – 385 с. – Текст : непосредственный.

15. Бабаян, В. Н. Диалогический дискурс и его структура / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Вызовы современности и их научная рефлексия : сб. науч. тр. / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). – Ярославль : МУБиНТ, 2008. – С. 5–11.

16. Бабаян, В. Н. Дискурсивное пространство терциарной речи : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабаян Владимир Николаевич ; НОУ ВПО «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)». – Ярославль, 2009. – 41 с. – Текст : непосредственный.

17. Бабаян, В. Н. Молчащий наблюдатель в диалогическом пространстве терциарной речи / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в высшей школе. – 2010. – № 4 (15). – С. 90–98.

18. Бабаян, В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль. – 2017. – № 1. – С. 76–81.

19. Бабаян, В. Н., Тюкина, Л. А. К вопросу о единице диалогического дискурса / В. Н. Бабаян, Л. А. Тюкина. – Текст : непосредственный // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сб. науч. ст. по материалам II Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 14–16 мая 2020 г., Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2020. – С. 20–23.

20. Бабаян, В. Н. Молчащий наблюдатель в диалогическом пространстве терциарной речи / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в высшей школе. – 2010. – № 4 (15). – С. 90–98.

21. Бабаян, В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2017. – № 1. – С. 76–81.

22. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта ; Наука, 2005. – 496 с. – Текст : непосредственный.

23. Байкова, О. Э. Понятие функционального стиля в современной лингвистике / О. Э. Байкова. – Текст : электронный // Огарёв-Online. – 2016. – № 6 (71). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-funktsionalnogo-stilya-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 11.07.2022).

24. Баринаова, А. В. Возможно ли использование стилистически сниженной лексики в эвфемистической функции? / А. В. Баринаова. – Текст : непосредственный // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. – 2006. – Вып. 5–6 (13–14). – С. 10–14.

25. Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей. – М., 1975. – 457 с. – Текст : непосредственный.

26. Белова, М. С. Об имплицитном потенциале лексемы "нерусский": опыт анализа этноимпликатур / М. С. Белова. – Текст : непосредственный // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты : Сб. матер. IX международной науч.-практ. конференции, Новосибирск, 24–26 марта 2021 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2021. – С. 9-12.

27. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; [перевод с французского Ю. Н. Караулова и др.]. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с. – Текст : непосредственный.

28. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса / В. Г. Борботько. – Грозный, 1981. – 112 с. – Текст : непосредственный.

29. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 286 с. – Текст : непосредственный.

30. Борботько, Л. А. Коммуникативные стратегии успешной коммуникации в американском и российском медиадискурсе / Л. А. Борботько, Т. Г. Мочалова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы германской филологии и лингводидактики : Материалы XXIV Международной научно-практической конференции, Брест, 28 февраля 2020 года. – Брест: Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 51-54.

31. Борботько, Л. А. Функциональный потенциал рецензии как эпитекста: лингвопрагматический, ценностный, лингвокультурный аспекты / Л. А.

Борботько. – Текст : непосредственный // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2021. – № 4(52). – С. 88-100.

32. Бердова, Н. М. Эвфемизмы в современном немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бердова Неля Михайловна ; Киевский государственный педагогический институт иностранных языков. – Киев, 1981. – 230 с. – Текст : непосредственный.

33. Баркова, Л. А. Эвфемизмы как единицы языковой системы и социальные сферы их употребления / Л. А. Баркова. – Текст : непосредственный // Сб. науч. трудов МГПИИЯ. – 1986. – Вып. 262. – С. 107–116.

34. Борисов, Д. М. Положение гастарбайтеров в регионе / Д. М. Борисов // Регионология – 2010. №2. – С. 187-194. – Текст : непосредственный.

35. Борисова, Е. Б. Стилистика современного английского языка: от теории к практике : Учеб. пос. для студентов старших курсов институтов и факультетов иностранных языков / Е. Б. Борисова, М. А. Кулинич // Самара : Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2011. – 92 с. – Текст : непосредственный.

36. Борисова, Е. Б. Средства создания интродукции образа протагониста в поликодовом тексте как объекте филологического анализа (на материале экранизации англоязычной детской литературной сказки "Matilda" by R. Dahl режиссера D. Devito) / Е. Б. Борисова, Е. В. Кобзева. – Текст : непосредственный // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : Материалы Четырнадцатой международной научно-практической конференции, Самара, 09–10 октября 2019 года. – Самара : Самарский государственный социально-педагогический университет, 2019. – С. 41–46.

37. Бушуева, Т. С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бушуева Татьяна Сергеевна ; Смоленский государственный университет. – Москва, 2005. – 175 с. – Текст : непосредственный.

38. Вавилова, Л. Н. К вопросу об эвфемизации современной русской речи / Л. Н. Вавилова // Русская и сопоставительная филология : Системно-функциональный аспект. – Казань : Унипресс, 2003. – С. 40–44. – Текст : непосредственный.

39. Варбот, Ж. Ж. Табу / Ж. Ж. Варбот // Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. – С. 552–553. – Текст : непосредственный.

40. Васильев, Л. М. Современные способы формального описания семантики языковых единиц / Л. М. Васильев. – Текст : непосредственный // Теория содержательной формы / Тамбовск. гос. пед. ин-т. – Тамбов, 1981. – С. 3–20.

41. Васильев, Л. М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы: учеб. пособие / Л. М. Васильев. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 206 с. – Текст : непосредственный.

42. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1980. – 320 с. – Текст : непосредственный.

43. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87.

44. Вишневская, Г. М. Необходимое условие успешного диалога («культура взаимопонимания и взаимопонимание культур») / Г. М. Вишневская. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 1. – С. 138–139.

45. Вишневская, Г. М. Взаимодействие языков в межкультурной коммуникации / Г. М. Вишневская. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию МАГУ, Мурманск, 27–29 ноября 2019 года /

Ответственный редактор С.А. Виноградова. – Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2020. – С. 21-27.

46. Вишневская, Г. М. Типология и функционирование дискурсивных маркеров в политическом дискурсе (на материале предвыборных теледебатов ведущих американских политиков) / Г. М. Вишневская. – Текст : непосредственный // Антропоцентрическая направленность лингвистических исследований поликультурного военного и политического дискурса / Под научной редакцией В. Н. Бабаяна; Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны. – Ярославль : ООО «Цифровая типография», 2020. – С. 106-122.

47. Володина, М. Н. Язык массовой коммуникации – особый язык социального взаимодействия: учеб. пособие / под ред. М. Н. Володиной / М. Н. Володина // Язык средств массовой информации. – М. : Академический проспект; Альма Матер, 2008. – С. 27–48. – Текст : непосредственный.

48. Воронцова, И. А. Лингвокультурные маркеры текста / И. А. Воронцова, С. Б. Барушкова, Е. Е. Петрова. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 2(25). – С. 170-179.

49. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Ком Книга, 2007. – 144 с. – Текст : непосредственный.

50. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб. : Издательство «Питер», 2000. – 190 с. – Текст : непосредственный.

51. Глущенко, О. А. Экспаты в России / О. А. Глущенко. – Текст : непосредственный // Иностраный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития : Междунар. сб. научно-методических статей IV-й Международной научно-практич. конф. преподавателей, магистрантов и аспирантов, Псков, 19 апреля 2019 года. Вып. 9. – Псков: Псковский государственный университет, 2019. – С. 164-169.

52. Голев, Н. Д. Словообразовательный тип как функциональная единица лексической системы русского языка (в аспекте квантитативной дериватологии) /

Н. Д. Голев. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. – Т. 24. – № 2(90). – С. 153–164.

53. Граудина, Л. К. Средства массовой информации и культура речи: учеб. пособ. / Под ред. Граудиной Л. К., Ширяева Е. Н. / Л. К. Граудина // Культура русской речи. – М. : Норма, 2000. – 560 с. – Текст : непосредственный.

54. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В. С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с. – Текст : непосредственный.

55. Григорян, А. А. О сексизме, антисексизме и политкорректности / А. А. Григорян. – Текст : непосредственный // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Спец. вып. 1–2. – С. 466–474.

56. Григорян, А. А. О сопротивлении попыткам достижения гендерной симметрии в языке / А. А. Григорян. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – № 3(12). – С. 68-71.

57. Григорян, А. А. Дискурс и текст / А. А. Григорян. – Текст : непосредственный // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 26–27 февраля 2005 г. / Отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2005. – С. 16–22.

58. Григорян, А. А. Отражение гендерных особенностей речевого поведения детей на разных уровнях языковой системы / А. А. Григорян, В. Н. Четверикова. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 3(26). – С. 146-150.

59. Григорян, А. А. О политкорректности и сексизме в современном английском языке / А. А. Григорян, А. Ю. Григорян, В. Н. Четверикова. – Текст : непосредственный // Коммуникативное поведение человека. Вербальные и невербальные составляющие. – Иваново : Индивидуальный предприниматель Ушакова Татьяна Андреевна (издательство ЛИСТОС), 2017. – С. 36-43.

60. Данилова, А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. – М. : Добросвет, КДУ, 2011.– 232 с. – Текст : непосредственный.

61. Девкин, В. Д. Немецкая лексикография : учеб. пособие / В. Д. Девкин. – М. : Высшая школа, 2005. – 670 с. – Текст : непосредственный.

62. Дегтярева, А. Р. Экспериментальная верификация иллокутивной силы функциональных типов эвфемизмов современного русского языка / А. Р. Дегтярева. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18041> (дата обращения: 29.07.2020).

63. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с. – Текст : непосредственный.

64. Денисов, К. М. Терминология когнитивной парадигмы англоязычного политического дискурса / К. М. Денисов. – Текст : непосредственный // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – 2012. – № 8. – С. 9–16.

65. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская. – Текст : непосредственный. // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–33.

66. Добросклонская, Т. Г. Язык средств массовой информации / Т. Г. Добросклонская. – М. : КДУ, 2012. – 116 с. – Текст : непосредственный.

67. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики / Т. Г. Добросклонская. – Текст : непосредственный // Медиалингвистика. – 2015. – № 1(6). – С. 45-56.

68. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Г. Добросклонская. – М. : "КДУ", "Добросвет", 2020. – 178 с. – Текст : непосредственный.

69. Душина, Н. П. Каузативные глаголы: семантика и грамматика (на материале поэзии Серебряного века) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук /

Душина Наталья Петровна; Тамбовский государственный университет. – Тамбов, 2004. – 275 с. – Текст : непосредственный.

70. Ерофеева, Е. В. Идиомный компонент коннотативного значения слова / Е. В. Ерофеева, Е. М. Сторожева. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 4. – С. 5-13.

71. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М. Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с. – Текст : непосредственный.

72. Желтухина, М. Р. Медиадискурс / М. Р. Желтухина. – Текст : непосредственный // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3–4(24–25). – С. 292–296.

73. Жельвис, В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Издание второе, переработанное и дополненное / В. И. Жельвис. – М. : Ладомир, 2001. – 349 с. – Текст : непосредственный.

74. Жельвис, В. И. Инвектива / В. И. Жельвис. – Текст : непосредственный // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / Под общ. ред. профессора К. Ф. Седова. – М. : Издательство Лабиринт, 2007. – С. 187–195.

75. Жельвис, В. И. "Грубость": проблемы классификации лексики / В. И. Жельвис. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 109-113.

76. Жельвис, В. И. "Кипит словесная война..." (к проблеме сквернословия в СМИ) / В. И. Жельвис. – Текст : непосредственный // Медиалингвистика. – 2015. – № 1(6). – С. 111–114.

77. Засыпкин, С. В. Инвектива / С. В. Засыпкин. – Текст : электронный // Дискурс-Пи. – 2010. – №1-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/invektiva>. (дата обращения: 27.07.2022).

78. Зеленин, Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии / Д. К. Зеленин. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1929. – 151 с. – Текст : непосредственный.

79. Зверева, М. И. Территория терминологического распутья вокруг понятия «эвфемизм» / М. И. Зверева. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – 2017. – № 2 (48). – С. 75–81.

80. Иванов, Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации / Л. Ю. Иванов. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 800 с. – Текст : непосредственный.

81. Иванова, О. Ф. Эвфемистическая лексика английского языка: как прозвучать красиво, вежливо и убедительно и при этом не солгать / О. Ф. Иванова. – М. : МАКС Пресс, 2006. – 156 с. – Текст : непосредственный.

82. Йоргенсен, М. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргенсен, Л. Филлипс. Пер. с англ. – Харьков : "Гуманитарный центр", 2008. – 89 с. – Текст : непосредственный.

83. Карамова, А. А. Текст и дискурс: соотношение понятий // А. А. Карамова. – Текст : электронный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-i-diskurs-sootnoshenie-ponyatiy>. (дата обращения: 04.05.2022).

84. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с. – Текст : непосредственный.

85. Карасик, В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2(80). – С. 25–34.

86. Карасик, В. И. Тенденции развития современного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 14–31.

87. Карасик, В. И. Сетевая языковая личность / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик : Тезисы докладов II Международной конференции, Москва, 25–26 февраля 2021 года. – М. : Московский государственный лингвистический университет, 2021. – С. 58–59.

88. Караулов, Ю. Н. Языковая личность / Ю. Н. Караулов // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997. – 671 с. – Текст : непосредственный.

89. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия : учебное пособие к спецкурсу / А. М. Кацев. – Ленинград : ЛГПИ, 1988. – 80 с. – Текст : непосредственный.

90. Кибрик, А. А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – М., 2009. – № 2. – С. 3–21.

91. Кибрик, А. А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс / А. А. Кибрик. – Текст : непосредственный // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический проспект, 2011. – С. 79–85.

92. Киселева, С. А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе : структурно-семантический и прагматический аспекты : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Киселева Софья Александровна ; Московский педагогический государственный университет. – М., 2015. – 240 с. – Текст : непосредственный.

93. Кипрская, Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ : На примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг. : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кипрская Екатерина Викторовна; Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 2005. – 17 с. – Текст : непосредственный.

94. Кириллина, А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А. В. Кириллина. – Текст : непосредственный // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 7–30.

95. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с. – Текст : непосредственный.

96. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – № 2 (73). – 2010. – Вып. 11. – С. 13–21.

97. Комлев, Н. Г. Ономазиология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности / Н. Г. Комлев. // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – М., 1968. – 101 с. – Текст : непосредственный.

98. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с. – Текст : непосредственный.

99. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин. – Текст : непосредственный // Русистика. – 1994. – № 1/2. – С. 28–49.

100. Кузнецова, Н. В. Феномен политкорректности в современном политическом дискурсе: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кузнецова Наталья Владимировна; Бурятский государственный университет. – Улан-Уде, 2017. – 20 с. – Текст : непосредственный.

101. Купцов, А. Е. Коммуникативные частицы как языковые средства репрезентации дополнительной информации в художественном дискурсе : на материале английского, испанского и русского языков : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Купцов Александр Евгеньевич. – Ярославль, 2021. – 212 с. – Текст : непосредственный.

102. Купцов, А. Е., Бабаян, В. Н. Коммуникативные частицы как средства репрезентации актуальной информации в художественном дискурсе (на материале английского, испанского и русского языков) / А. Е. Купцов, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 3(26). – С. 125-131.

103. Лантюхова, Н. Н. Термин: определение понятия и его сущностные признаки / Н. Н. Лантюхова, О. В. Загоровская, Т. А. Литвинова.

– Текст : непосредственный // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. – 2013. – № 1(6). – С. 42–45.

104. Лемеш, К. И. Обзор стандартов женской красоты / К. И. Лемеш. – Текст : электронный // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 45. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-standartov-zhenskoj-krasoty>. (дата обращения: 04.09.2022).

105. Леонтович, О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий. – Текст : непосредственный // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – Т. 25. – №1. – С. 194–220.

106. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы, эмоции / А. Н. Леонтьев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 40 с. – Текст : непосредственный.

107. Линевич (Дмитриева), Н. Ю. Прагмалингвистический анализ эвфемизмов современного английского языка в соотнесенности с их семантикой / Н. Ю. Линевич. – Текст : непосредственный // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград : Изд-во КГУ, 2001. – С. 109–121.

108. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.

109. Малыгина, Е. Н. Характеристика эвфемизмов медицинской речи в художественных текстах русской литературы XIX–XXI вв. / Е. Н. Малыгина. – Текст : непосредственный // Вестник СамГУ. Серия: Языкознание. – 2006. – № 10/2. – С. 170–178.

110. Малышева, Е. Г. Методология лингвокогнитивного исследования дискурса / Е. Г. Малышева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2013. – № 15. – С. 139–143.

111. Маньковская, Г. Русские эвфемизмы и их эквиваленты в польском языке / Г. Маньковская. – Текст : непосредственный // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках : Сб. науч. ст. МГУ. – М. : Диалог, 1997. – С. 151–157.

112. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пос. для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.

113. Мельникова, К. А. Дискурс с точки зрения корпусной лингвистики / К. А. Мельникова. – Текст : непосредственный // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы : Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Ярославль, 17–18 мая 2019 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2019. – С. 94-99.

114. Мельникова, К. А. Лингвистический анализ политкорректного дискурса (на материале англоязычных СМИ) / К. А. Мельникова, Ю. Л. Закирова. – Текст : непосредственный // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта : Сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие, Москва, 10–12 ноября 2020 года. – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – С. 86-91.

115. Мельникова, К. А. Явление политкорректности и его влияние на современный английский язык / К. А. Мельникова, А. А. Церковникова. – Текст : непосредственный // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение : Сб. науч. ст. – Иваново : Ивановский государственный политехнический университет, 2020. – С. 21–28.

116. Мельникова, К. А. Политкорректность как социокультурное явление в современном английском языке / К. А. Мельникова, Д. Е. Говорухин. – Текст : непосредственный // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных трудов по материалам II-й Международной научно-практической конференции, Ярославль, 14–16 мая 2020 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2020. – С. 192–196.

117. Мельникова, К. А. Политкорректный дискурс как основа успешного маркетинга / К. А. Мельникова. – Текст : непосредственный // Филологические и

социокультурные вопросы науки и образования : Сборник материалов V международной научно-практической очно-заочной конференции, Краснодар, 22 октября 2020 г. – Краснодар : Кубанский государственный технологический университет, 2020. – С. 239-246.

118. Мельникова, К. А. Трансформация политкорректного языка в инклюзивный: российский опыт / К. А. Мельникова. – Текст : непосредственный // V Conferencia Cientifica Internacional Invitacion al Mundo Ruso: Lecturas Cientificas 2020. Materiales de la conferencia (Ciego de Avila, 19 de noviembre de 2020). Cuba, Ciego de Avila, 2020. – P. 142-146.

119. Мельникова, К. А. Политкорректность современных сетевых антропонимов / К. А. Мельникова, А. И. Шестакова, М. А. Заколоткина. – Текст : непосредственный // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение : Сборник научных статей. Выпуск 15. – Иваново : Ивановский государственный политехнический университет, 2021. – С. 40-45.

120. Мельникова, К. А., Тюкина, Л. А. Определение основных тем и целей политкорректного медиадискурса (на материале зарубежных СМИ) / К. А. Мельникова, Л. А. Тюкина. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 6-5(108). – С. 171–174.

121. Мельникова, К. А., Тюкина Л. А., Бабаян, В. Н. Юмористический аспект дискурса инклюзивной лексики / К. А. Мельникова, Л. А. Тюкина, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования : сборник материалов VI Международной научно-практической очно-заочной конференции, Краснодар, 28 октября 2021 года / Кубанский государственный технологический университет. – Краснодар : Кубанский государственный технологический университет, 2021. – С. 260-265.

122. Мельникова, К. А., Бабаян, В. Н. Политкорректный медиадискурс как способ достижения коммуникативной свободы общения / К. А. Мельникова, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития : сборник научных статей по материалам II

Международной научно-практической конференции, Пинск, 26 марта 2021 года. – Пинск : Полесский государственный университет, 2021. – С. 169–175.

123. Мельникова, К. А. Политкорректный медиадискурс как коммуникативное явление / К. А. Мельникова. – Текст : непосредственный // Язык и общество. Диалог культур и традиций : Сборник материалов научной конференции и материалы 6-го межрегионального научно-практического семинара, Ярославль, 03–04 марта 2021 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2021. – С. 152-159.

124. Мельникова, К. А. Различные подходы к определению понятий «дискурс» и «медиадискурс» / К. А. Мельникова. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2022. – № 1. – С. 132–134.

125. Мельникова, К. А., Бабаян, В. Н. Способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе / К. А. Мельникова, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 2(29). – С. 126–132.

126. Мельникова, К. А. Трансформация педагогического дискурса под влиянием коммуникативной парадигмы лингводидактики / К. А. Мельникова, Я. Р. Мамонтова. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2022. – № 12. – С. 145-148.

127. Мельникова, К. А. Определение наиболее продуктивных способов нейтрализации дискриминационно маркированных лексических единиц в соответствии с принципом политкорректности в медиадискурсе / К. А. Мельникова, Е. М. Чекунова. – Текст : непосредственный // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2022. – № 4(56). – С. 74-84.

128. Мельникова, К. А. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в российском медиадискурсе / К. А. Мельникова. – Текст : непосредственный // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы

: Сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, Ярославль, 20–21 мая 2022 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2022. – С. 354-358

129. Мельникова, К. А. О некоторых способах лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе / К. А. Мельникова. – Текст : непосредственный // Язык и общество. Диалог культур и традиций : Сборник материалов научной конференции, Ярославль, 01–31 марта 2022 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2022. – С. 129-136.

130. Мельникова, К. А. Языковая норма педагогического дискурса как одного из типов институционального дискурса / К. А. Мельникова, Л. А. Тюкина, Е. Б. Кириллова. – Текст : непосредственный // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение: сборник научных статей. - Иваново: ИВГПУ, 2022. – Вып. 16. – с. 98-107.

131. Мельникова, К. А., Бабаян, В. Н. Сущность лингвопрагматической оппозиции в рамках феномена лингвопрагматической нейтрализации в медиадискурсе / К. А. Мельникова, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом : материалы X Международной научно-практической конференции, Витебск, 16 декабря 2022 года. / Витебский филиал Международного университета «МИТСО»; редкол.: И. В. Николаева (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – С. 259-262.

132. Мельникова, К. А., Тюкина, Л. А. Различные типы дискурса в современном языкознании: монография / К. А. Мельникова, Л. А. Тюкина. – Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2022. – 160 с. – Текст : непосредственный.

133. Мельникова, К. А., Бабаян, В. Н. Трансформация политкорректного языка в инклюзивный в современном русскоязычном медиадискурсе / К. А. Мельникова, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка :

Сборник научных материалов Всероссийской научной конференции, Ярославль, 23 января 2023 года / Под научной редакцией В.Н. Бабаяна. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2023. – С. 108-116.

134. Михайлова, О. А. Содержание понятия эвфемизм. К постановке проблемы / О. А. Михайлова, Н. Е. Якименко. – Текст : непосредственный // Слово. Фраза. Текст. – М. : Азбуковник, 2002. – С. 280–284.

135. Михель, Е. А. Трудовой потенциал населения третьего возраста как фактор экономического развития / Е. А. Михель, Е. А. Прокопьев, А. А. Морозов, Е. Л. Лезжева, Э. В. Хохлов. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2016. – № 8. – С. 78–84.

136. Мокиенко, В. М. Словарь русской бранной лексики (матизмы, обценнизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями) / В. М. Мокиенко. – Берлин : Dieter Lenz, 1995. – 151 с. – Текст : непосредственный.

137. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. – М. : ЛЕНАНД, 2007. – 264 с. – Текст : непосредственный.

138. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения : уч. пособие / М. В. Никитин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с. – Текст : непосредственный.

139. Новиков, Л. А. Семантика русского языка : уч. пос. для филол. спец. университетов / Л. А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с. – Текст : непосредственный.

140. Оломская, Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н. Н. Оломская. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zhanrovoy-klassifikatsii-mediadiskursa>. (дата обращения: 16.08.2022).

141. Орех, Е. А. Феномен лукизма и возможности его социологического анализа / Е. А. Орех. – Текст : электронный // Социологический журнал. – 2016. – № 3.

– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-lukizma-i-vozmozhnosti-ego-sotsiologicheskogo-analiza>. (дата обращения: 04.09.2022).

142. Остроух, А. В. «Политическая корректность» в США: культурологический аспект проблемы: специальность 24.00.02 «Историческая культурология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологических наук / Остроух Андрей Васильевич; Московский педагогический государственный университет. – М., 1998. – 23 с. – Текст : непосредственный.

143. Павленко, Т. Л. Мягко говоря... / Т. Л. Павленко. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 1996. – № 5. – С. 49–54.

144. Палажченко, М. Ю. Политическая корректность в культурной и языковой традиции: на английском и русском материале: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Палажченко Марина Юрьевна; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2004. – 228 с. – Текст : непосредственный.

145. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Панин Виталий Витальевич; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2004. – 217 с. – Текст : непосредственный.

146. Пастухова, О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пастухова Оксана Дмитриевна ; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2019. – 24 с. – Текст : непосредственный.

147. Плещенко, Т. П. Стилистика и культура речи / Т. П. Плещенко, Н. В. Федотова, Р. Г. Чечет. – Минск: НТООО «ТетраСистемс», 2001. – 544 с. – Текст : непосредственный.

148. Плотникова, С. Н. Корпоративность при выражении мнения в массмедийных текстах / С. Н. Плотникова. – Текст : непосредственный // Политический дискурс в России – 6 : Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 7 ноября 2002 года) / Под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. – М. : МАКС Пресс, 2002. – С. 70–72.

149. Порохницкая, Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, итальянского и испанского языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Порохницкая Лидия Васильевна ; Московский государственный лингвистический университет. – М., 2014. – 45 с. – Текст : непосредственный.

150. Потапова, Р. К. Язык, речь, личность / Р. К. Потапова, В. В. Потапов. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 496 с. – Текст : непосредственный.

151. Потапова, Н. М. Краткий обзор некоторых исследований эвфемизмов / Н. М. Потапова. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация : Сб. статей. Вып. 34 / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 27–38.

152. Реброва, Н. Е. Способы описания эвфемизмов и их функциональной характеристики / Н. Е. Реброва. – Текст : непосредственный // Вестник Рыбинского государственного авиационного технического университета им. П. А. Соловьева. – 2013. – №1(24). – С. 160–165.

153. Реброва, Н. Е., Бабаян, В. Н. Эвфемизмы как средство репрезентации лингвокультурологической информации (на материале английского и немецкого языков) / Н. Е. Реброва, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 3(18). – С. 171-177.

154. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 536 с. – Текст : непосредственный.

155. Родионова, Е. Д. Образ Кавказа в современных российских медиа / Е. Д. Родионова. – Текст : непосредственный // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 35. – С. 2596-2601.

156. Руделев, В. Г. Собрание сочинений в 6-и тт. Т. 6. Друг мой – язык. Избр. произв. по общему и русскому языкознанию / В. Г. Руделев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – 182 с. – Текст : непосредственный.

157. Саакян, Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Саакян Левон Николаевич ; Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. – Москва, 2010. – 23 с. – Текст : непосредственный.

158. Сахно, О. С. Эвфемизмы как объект и предмет лингвистического описания / О. С. Сахно. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2004. – № 4. – С. 136–139.

159. Савицкий, В. М. Дискурсивный подход к анализу коммуникативной деятельности / В. М. Савицкий. – Текст : непосредственный // Вояджер: мир и человек. – 2016. – № 6. – С. 176–182.

160. Свиридова, Е. А. Взаимодействие книжной и разговорно-просторечной лексики в современной прессе : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Свиридова Екатерина Александровна; Мичуринский государственный аграрный университет. – Мичуринск, 2013. – 26 с. – Текст : непосредственный.

161. Седалищева, Н. В. Основная характеристика дискурса тематической беседы в речи специалиста-нефилолога / Н. В. Седалищева. – Текст : непосредственный // Вестник Якутского государственного университета. – 2010 – №1. – С. 95–100.

162. Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс : учеб. пособие / Е. П. Сеничкина. – М. : Высшая школа, 2006. – 151 с. – Текст : непосредственный.

163. Солодилова, И. А. Критерии идентификации эвфемизмов / И. А. Солодилова, Т. Ю. Соколова. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 11(211). – С. 73–78.

164. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 432 с. – Текст : непосредственный.

165. Спендер, Д. Мужчина создал язык / Д. Спендер. // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. – Харьков : ХЦГИ; СПб. : Алетейя, 2001. – С. 775–783. – Текст : непосредственный.

166. Стадульская, Н. А. История возникновения понятия trademark и эволюции понятия о собственности в англоязычной культуре / Н. А. Стадульская. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 20 (311). Филология. Искусствоведение. – Вып. 79. – С. 92–97.

167. Степанов, В. Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации / В. Н. Степанов. – СПб. : Роза мира, 2003. – 263 с. – Текст : непосредственный.

168. Степанов, В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации / В. Н. Степанов. – СПб. : Роза мира, 2008. – 309 с. – Текст : непосредственный.

169. Степанов, В. Н. От субъектной перспективы к субъектной навигации текста / В. Н. Степанов, Ю. Н. Варфоломеева. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 2 (25). – С. 64–70.

170. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов. – Текст : непосредственный // Язык и наука конца XX в. – М. : РАН, 1996. – С. 35–73.

171. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж, 1985. – 239 с. – Текст : непосредственный.

172. Стернин И. А. Неполиткорректные наименования лиц в языковом сознании носителя языка / И. А. Стернин. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2013. – №1. – С. 191-197.

173. Стойкович, Г. В. Некоторые синтаксические и лексико-грамматические особенности англоязычного эзотерического дискурса / Г. В. Стойкович, М. В. Магазирова. – Текст : непосредственный // Поволжский педагогический вестник. – 2016. – № 3(12). – С. 89–94.

174. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница: Нова книга, 2009. – 279 с. – Текст : непосредственный.

175. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 110 с. – Текст : непосредственный.

176. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 103 с. – Текст : непосредственный.

177. Темирбаева, Е. К. Эвфемизмы в языке политики и в художественной литературе / Е. К. Темирбаева. – Текст : непосредственный // Слово в словаре и в тексте. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – С. 13–21.

178. Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. – С. 24–32.

179. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Терминасова. – М. : Слово, 2010. – 624 с. – Текст : непосредственный.

180. Торопцева, Е. Н. Эвфемистические наименования в аспектах языка, истории и культуры : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Торопцева Екатерина Николаевна ; Московский государственный областной университет. – Москва, 2003. – 193 с. – Текст : непосредственный.

181. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – М. : Иностранная литература. – 1960. – 372 с. – Текст : непосредственный.

182. Трубецкой, Н. С. Избранные труды по филологии. Переводы / Н. С. Трубецкой / Сост. В. А. Виноградов, В. П. Нерознак. – М. : Прогресс. – 1987. – 559 с. – Текст : непосредственный.

183. Тюкина, Л. А., Мельникова К. А. Юмористический дискурс: анекдоты в эпоху COVID-19 - трансформация содержания / Л. А. Тюкина, К. А. Мельникова. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2021. – № 11. – С. 208-210.

184. Тюкина, Л. А., Мельникова К. А. Немецкий анекдот как жанр юмористического дискурса на примере Manta-Witze / Л. А. Тюкина, К. А. Мельникова. – Текст : непосредственный // Глобальный научный потенциал. – 2021. – № 10(127). – С. 210-214.

185. Ухова, Л. В. Особенности грамматики медиадискурса / Л. В. Ухова. – Текст : непосредственный // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : Сборник научных трудов Международного научного симпозиума, Ярославль, 17–19 мая 2019 года / Научный редактор В.Н. Степанов. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. – С. 832-839.

186. Филимонова, Ю. В. О новом подходе к нейтрализации в лексике / Ю. В. Филимонова. – Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2000. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-novom-podhode-k-neytralizatsii-v-leksike>. (дата обращения: 05.03.2022).

187. Фрезер, Д. Золотая ветвь / Д. Фрезер [Перевод с англ. М. К. Рыклина]. – М. : Эксмо, 2006. – 784 с. – Текст : непосредственный.

188. Халеева, И. И. Гендер как интрига познания / И. И. Халеева. – Текст : непосредственный // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. трудов / под общ. ред. И. И. Халеевой. – Иваново : Издат. Центр «Юнона», 1999. – С. 5–9.

189. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта, 2006. – 136 с. – Текст : непосредственный.

190. Чуксина, В. В. Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях / В. В. Чуксина, Н. Н. Комиссаров. – Текст : электронный // Известия БГУ. – 2015. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskriminatsiya-po-priznaku-invalidnosti-v-trudovyh-otnosheniyah-1>. (дата обращения: 07.09.2022).

191. Швейцер, А. Д. Некоторые проблемы языковой политики в США / А. Д. Швейцер. – Текст : непосредственный // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 1996. – № 2. – С. 11–16.

192. Шейгал, Е. И. Эвфемизация в политическом дискурсе / Е. И. Шейгал. – Текст : непосредственный // Языковая личность : проблемы креативной семантики : Сб. науч. тр. к 70-летию д. ф. н., проф. И. В. Сентенберг. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 158–171.

193. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : Монография / Е. И. Шейгал; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. – Москва; Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с. – Текст : непосредственный.

194. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М. : Едиториал, УРСС, 2004. – 432 с. – Текст : непосредственный.

195. Шляхтина, Е. В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шляхтина Елена Васильевна; Ярославский государственный педагогический университет. – Ярославль, 2009. – 213 с. – Текст : непосредственный.

196. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – АН СССР, Институт русского языка. – М. : Наука, 1973. – 280 с. – Текст : непосредственный.

197. Шувалов, В. И. Эвфемистическая метафоризация в языке и речи / В. И. Шувалов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы германистики и романистики. – 2002. – Вып. 6, ч. 1. – С. 87–91.

198. Alba-Juez, L. Language and emotion: discourse-pragmatic perspectives / L. Alba-Juez, T. Larina // *Russian Journal of Linguistics*. – 2018. – Vol. 22. – №1 – P. 9–37.
199. Allan, K. Euphemism and Dysphemism. Language used as Shield and Weapon / K. Allan, K. Burridge. – New York : Oxford University Press, 1991. – 245 p.
200. Baron, D. What's your pronoun? Beyond he & she / D. Baron. – New York : Liveright, 2020. – 320 p.
201. Bell, A. The Language of News Media / A. Bell. – Oxford : Blackwell, 1991. – 296 p.
202. Brasington, R. Neutralization. In R.E. Asher, J.M.Y. Simpson, eds. / R. Brasington. – *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, Vol. 5. Oxford/New York/Seoul/Tokyo: Pergamon Press, 1994. – P. 2784–2786.
203. Brown, T. No More 'Negro' For Census Bureau Forms And Surveys. / T. Brown. – New York : Oxford University Press, 2016. – 113 p.
204. Butler, J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity Judith Butler / J. Butler. – [10th anniversary ed.]. – New York ; London: Routledge, 1999. – 221 p.
205. Cantineau, J. Les oppositions significatives / J. Cantineau. – *Cahiers Ferdinand de Saussure* 10, 1952. – P. 11–40.
206. Cantineau, J. Le classement logique des oppositions / J. Cantineau. – *Word* 11, 1955. – P. 1–9.
207. Comrie, B. Aspect / B. Comrie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 231 p.
208. Coseriu, E. Structural semantics and 'cognitive' semantics. Logos and Language / E. Coseriu // *Journal of General Linguistics and Language Theory* I (1). – P. 19-43. (Translated from the Spanish original by Klaas Willems and Torsten Leuschner).
209. Coseriu, E. Semantica estructural y semántica 'cognitiva' / E. Coseriu. – *Jornadas de filologia. Col·lecció homenatges Professor Francisco Marsá*. Universidad de Barcelona, 2000. – P. 232–289.

210. Coseriu, E. Logique du langage et logique de la grammaire. / E. Coseriu. – In Hiltraud Dupuy-Engelhardt, Jean-Pierre Durafour and François Rastier, eds. L’homme et son langage. Louvain: Editions Peeters, 2001. – P. 141–164.

211. Cruse, A. Meaning in Language. An Introduction to semantics and pragmatics. / A. Cruse. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 165 p.

212. Davies, S. G. Challenging Gender Norms: Five Genders Among Bugis in Indonesia / S. G. Davies. – Moropress, 2007. – 125 p.

213. De Groot, A. Neutralisation d’oppositions. / A. De Groot. – Neophilologus 26. Groningen / Batavia: J. B. Wolter’s Uitgevers-Maatschappij NV, 1940. – P. 127–146.

214. Dijk, T. A. van. Power in the media / T. A. van Dijk // D. Paletz (Ed.), Political Communication and Action. Cresskill. – NY : Hampton Press, 1995. – P. 9–36.

215. Dubois, J. Distribution, ensemble et marquée dans le lexique / J. Dubois. – Bernard Quemada, ed. Cahiers de Lexicologie IV (1). Paris: Larousse, 1964. – P. 5–16.

216. Fairclough, N. Critical and descriptive goals in discourse analysis / N. Fairclough // Journal of Pragmatics, 1985. – 941 p.

217. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – Longman Group UK Limited, 1989. – 253 p.

218. Finkelman, P. Negro World. Encyclopedia of African American History / P. Finkelman. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 231 p.

219. Foreman, C. The African-American predicament / C. Christopher. – Brookings Institution Press, 1999. – 99 p.

220. Fowler, R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. – London : Routledge, 1991. – 224 p.

221. Flink, I. Context sensitive regulation of pain and emotion: Development and initial validation of a scale for context insensitive avoidance / I. Flink, S. Strandberg, S. Linton. URL:<https://www.researchgate.net/> (дата обращения: 30.04.2022).

222. Foxnews.com. Seattle officials call for ban on 'potentially offensive' language. URL: <https://www.foxnews.com/politics/seattle-officials-call-for-ban-on-potentially-offensive-language>. (дата обращения: 22.03.2022).

223. Gaetano, P. David Raimer and John Money Gender Reassignment Controversy: The John/Joan Case / P. Gaetano // The Embryo Project at Arizona State University, 2017. URL: <https://embryo.asu.edu/> (дата обращения: 30.04.2022).

224. Grey, S. Subject-Verb Agreement and the Singular They. URL: <https://indiancopyeditors.wixsite.com/> (дата обращения: 20.03.2022).

225. Godel, R. Remarques sur des systèmes de cas / R. Godel. – Cahiers Ferdinand de Saussure 13, 1955. – P. 34–44.

226. Grudem, W. What's Wrong with Gender-Neutral Bible Translations? URL: <http://www.cbmw.org/Resources/Articles> (дата обращения: 30.10.2021).

227. Gundel, J. Markedness and distribution in phonology and syntax / J. Gundel, H. Kathleen Houlihan, G. Sanders // Fred Eckman, Edith Moravcsik and Jessica Wirth, eds. Markedness. – New York/London: Plenum Press, 1986. – P. 107–138.

228. Haiman, J. The iconicity of grammar: isomorphism and motivation / J. Haiman. – Language 56 (3), 1980. – 540 p.

229. Halliday, M. A. Language structure and language function / M. A. Halliday // J. Lyons ed. New horizons in linguistics. – Harmondsworth : Penguin, 1970. – P. 140–165.

230. Hjelmslev, L. Note sur les oppositions supprimables / L. Hjelmslev // Louis Hjelmslev, Essais Linguistiques. – Paris: Les Editions de Minuit, 1971. – P. 90–96.

231. Hofstadter, D. R. A Person Paper on Purity in Language. Metamagical Themas: Questing for the Essence of Mind and Pattern / D. R. Hofstadter. – Basic Books, 1985. – 265 p.

232. Jakobson, R. [1940]. Das Nullzeichen / R. Jakobson // Roman Jakobson, Selected Writings II. The Hague/Paris: Mouton, 1971. – P. 220–222.

233. Jamali, D. Open access, open science, and coronavirus: Mega trends with historical proportions / D. Jamali, R. Barkemeyer, J. Leigh, G. Samara // Business Ethics: A European Review, 2021. – 29(3), P. 419–421.

234. Klein, F. J. Lexematische Untersuchungen zum französischen Verbalwortschatz im Sinnbezirk von Wahrnehmung und Einschätzung. / F. J. Klein. – Genève : Droz, 1981. – 125 p.

235. Kolosnitsyna, M. Determinants of Life Satisfaction in Older Russians / M. A. Kolosnitsyna, N. V. Khorkina, E. N. Dorzhiev // *Ageing International*. – 2017. – № 3. – P. 354–373.

236. Lampach, S. La relation des genres dans le système des pronoms de la troisième personne en français moderne / S. Lampach. – *Word* 12, 1956. – P. 51–65.

237. Lampach, S. Remarques sur la neutralisation des oppositions grammaticales / S. Lampach // *Travaux de l'Institut de Linguistique* 2, 1957. – P. 183–203.

238. Lehmann, C. On the German numeral classifier system / C. Lehmann // Chris Schaner-Wolles, John Rennison and Friedrich Neubarth, eds. *Naturally! Linguistic studies in honour of Wolfgang Ulrich Dressler presented on the occasion of his 60th birthday*. – Torino: Rosenberg & Sellier, 2000. – P. 249–253.

239. Luchtenberg, S. Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache / S. Luchtenberg. – *Europäische Hochschulschriften: Reihe 1. Deutsche Sprache und Literatur*. Bd. 834. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1985. – 299 S.

240. Lyons, J. *Introduction to Theoretical Linguistics* / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1968. – 231 p.

241. Mathesius, V. La structure phonologique du lexique du tchèque moderne / V. Mathesius // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* 1. – Prague: Jednota Československých Matematiků a Fysiků, 1929. – P. 67–84.

242. Martinet, A. Neutralisation et archiphonème / A. Martinet // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* 6. – Prague: Jednota Československých Matematiků a Fysiků, 1936. – P. 46–57.

243. Martinet, A. Neutralisation et syncrétisme / A. Martinet // *La Linguistique* 4, 1968. – P. 1–20.

244. Melnikova, K. A. Russian language jokes in humorous dialogical discourse / L. A. Tyukina, K. A. Melnikova, V. N. Babayan // *Russian studies without borders*. – 2021. – Vol. 5. – No 1. – P. 27–34.

245. Melnikova, K. A. Media discursive neutralization of discriminatively marked linguistic tools / Ya. R. Mamontova, K. A. Melnikova // *Лингвистика и*

профессиональная коммуникация : Сб. науч. тр. по материалам II Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием, Ярославль, 18 мая 2022 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2022. – P. 169–172.

246. Melnikova, K. A. The most productive ways to neutralize discriminatory marked lexical units in English language media discourse / K. A. Melnikova // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2023. – No. 4(40).

247. McDonald, J. *Racial Dynamics in Early Twentieth-Century* / J. McDonald. – Austin, Texas. Lexington Books, 2012. – 408 p.

248. Miestamo, M. *Standard Negation. The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective* / M. Miestamo. – Berlin/ New York : Mouton, 2005. – 198 p.

249. Ngae, M. *Impossible Subjects: Illegal Aliens and the Making of Modern America* / M. Ngae. – Updated Edition (*Politics and Society in Modern America*, 105), 2014. – 162 p.

250. Nida, E. *Componential Analysis of Meaning* / E. Nida. – The Hague/ Paris: Mouton, 1975. – 174 p.

251. O'Halloran, K. How to use corpus linguistics in the study of media discourse / K. O'Halloran // A. O'Keeffe and M. J. McCarthy (Eds.) *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. – London : Routledge, 2011. – P. 563–577.

252. Pastukhova O. Hedging and Euphemisms / O. Pastukhova // *Word, Utterance, Text : Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects : IX International Conference*. – 2018. – Vol. XXXIX. – 2018. P. 131-135.

253. Prieto, L. *Signe articulé et signe proportionnel* / L. Preto // *Bulletin de la Société de Linguistique* 50, 1954. – P. 134–143.

254. Rada, R. *Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen* / R. Rada. – Budapest : Akad. Kiado, 2001. – 212 p.

255. Rappaport, G. Deixis and Detachment in the Adverbial Participles of Russian / G. Rappoport // Catherine Chvany and Richard Brecht, eds. *Morphosyntax in Slavic*. – Columbus: Slavica Publishers, 1980. – P. 273–300.

256. Ruipérez, M. Structure du système des aspects et des temps du verbe en grec ancien. *Analyse fonctionnelle synchronique* / M. Ruipérez. – Paris: Annales Littéraires de l'Université de Besançon, 1954. – 261 p.

257. Rider University. *Inclusive Language Guide: Definition & Examples*. Rider University Press. Retrieved 2021-01-06. (дата обращения: 25.03.2022).

258. Rawson, H. *A Dictionary of Euphemisms and other Doublespeak*. – NY : Crown Publishers, Inc., 1981. – 463 p.

259. Rodney, J. *Viral discourse* / J. Rodney. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – 95 p.

260. Schaumyan, S. The Semiotic Theory of Ergativity and Markedness / S. Schaumyan // Fred Eckman, Edith Moravcsik and Jessica Wirth, eds. *Markedness*. New York/London : Plenum Press, 1986. – P. 169–217.

261. Smith, T. Changing racial labels: from 'Colored' to 'Negro' to 'Black' to 'African American' / T. Smith // *Public Opinion Quarterly* 56(4), 1992. – P. 496–514.

262. Staib, B. Neutralisations linguistiques en français et en espagnol / B. Staib // *Linguistique compare et typologie des langues romanes (Actes du XVIIème Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes)*, vol. 2. Aix-en-Provence: Université de Provence, 1985. – P. 146–158.

263. Schmidt, S. *Theorie der sprachlichen Leerstelle und ihre Anwendung auf das Französische*. / S. Schmidt. – Tübingen: Narr, 1989. – 216 p.

264. Stankiewicz, E. The Concept of Structure in Contemporary Linguistics / E. Stankiewicz // Linda Waugh and Stephen Rudy, eds. *New Vistas in Grammar: Invariance and Variation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1991. – P. 11–32.

265. Schröder, H. Sprachtabu und Euphemismen. Sprachwissenschaftliche Anmerkungen zu Stefan Schorchs „Euphemismen in der hebräischen Bibel“ / H. Schröder // *Aspekte europäischer Phraseologie*, Baltmannsweiler: Scheider-Verlag Hohengehren. – S. 229–246.

266. Taheri, M. Language and cultural identity: qualitative research on learning English as a foreign language (EFL) in a monolingual society / M. Taheri // Open Access, 2021. – 238 p.

267. The National Council of Teachers of English (NCTE) guide. What is Non-Sexist Language? URL:<https://owl.purdue.edu/> (дата обращения 03.04.2022).

268. Thatcher, O. Vasco da Gama: Round Africa to India, 1497-1498 CE. Modern History Sourcebook / O. Thatcher. – Milwaukee: University Research Extension Co., 2018. – 198 p.

269. Titscher, S. Methods of Text and discourse analysis / S. Titscher, M. Meyer, R. Wodak, E. Vetter. – L. : Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 2003. – 321 p.

270. Timmermann, J. Lexematische Wortfeldforschung einzelsprachlich und kontrastiv. / J. Timmermann. – Tübingen: Narr, 2007. – 265 p.

271. Trnka, B. On some Problems of Neutralisation / B. Trnka // Vilém Fried, ed. Selected Papers in Structural Linguistics. – Berlin/New York/Amsterdam: Mouton, 1982 [1958]. – P. 149–155.

272. Trubetzkoy, N. S. Die Aufhebung der phonologischen Gegensätze / N. S. Trubetzkoy // Travaux du Cercle Linguistique de Prague 6. – Prague: Jednota Československých Matematiků a Fysiků, 1936b. – P. 29-45.

273. Trubetzkoy, N. S. Grundzüge der Phonologie (Travaux du Cercle Linguistique de Prague 7) / N. S. Trubetzkoy. – Prague: Jednota Československých Matematiků a Fysiků, 1939. – 368 p.

274. Trubetzkoy, N. S. Principles of Phonology, transl. Christiane Anne Marie BALTAXE of Trubetzkoy (1939). Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1969. – 289 p.

275. White, P. Death, Disruption and the Moral Order: the Narrative Impulse in Mass-Media Hard news Reporting / P. White // F. Christie, J. R. Martin (Eds.) Genre and Institutions. – London : Cassell, 1997. – P. 101–133.

276. Willis, J. The Shadow World: Life Between the News Media and Reality / J. Willis. – NY : Praeger Publishers, 1991. – 264 p.

277. Wodak, R.; *Critical discourse analysis: History, agenda, theory, and methodology* / R. Wodak, M. Meyer // R. Wodak, & M. Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis*. – Amsterdam : Sage Publications Ltd., 2009. – P. 1–32.

278. Zulfiqar, A. *Critical Discourse Analysis of the Editorial Coverage of Osama Bin Laden Operation by the Pakistani Media* / A. Zulfiqar // *Journal of Peace, Development and Communication*, vol. 5, no. Issue 1, 2021. – P. 240–254.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

279. Большая российская энциклопедия. – М., 2013. – С. 306-307.
– Текст : непосредственный.

280. Кудрявцев, А. Ю. *Англо-русский словарь табуизированной лексики и эвфемизмов* / А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. — М. : КОМТ, 1993. – 304 с.
– Текст : непосредственный

281. Лингвистический энциклопедический словарь.– Электронный ресурс. Режим доступа: <https://les.academic.ru/> (дата обращения 26.07.2022).
– Текст : электронный.

282. Словарь воровского жаргона. Электронный ресурс. Режим доступа: [https:// biometrica.tomsk.ru/](https://biometrica.tomsk.ru/) (дата обращения: 20.04.2022). – Текст : электронный.

283. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 528–533.
– Текст : непосредственный.

284. Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. – М. : Русский язык, 1998. Электронный ресурс. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/10357 (дата обращения: 02.03.2021).
– Текст : электронный.

285. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
– Текст : непосредственный.

286. Academic.ru. Электронный ресурс. Режим доступа: https://anatomy_terms.academic.ru/диа- (дата обращения 26.02.2021).
– Текст : электронный.

287. Dictionary. Cambridge.org. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 22.03.2022).

288. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 02.02.2022).

289. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 499 p.

290. The Oxford Learners Dictionary. URL:<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения 12.01.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Aif.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://aif.ru/> (дата обращения 13.02.2023).
2. Aif.by. [Электронный ресурс]. URL:<http://aif.ru/> (дата обращения 13.02.2023)
3. Appnews.com. [Электронный ресурс]. URL:<http://apnews.com/> (дата обращения 13.08.2020).
4. Baltimorsun.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.baltimoresun.com/>. (дата обращения 10.03.2021).
5. Bbc.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.bbc.com/> (дата обращения 03.03.2022).
6. Blakemore, Erin "The Largest Mass Deportation in American History". History. (March 23, 2018). (дата обращения 05.04.2022).
7. Bloomberg.com. [Электронный ресурс]. URL: <http://bloomberg.com/> (дата обращения 05.04.2022).
8. Bostonglobe.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bostonglobe.com/> (дата обращения 13.08.2020).
9. Burlingtonfreepress.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.burlingtonfreepress.com/>. (дата обращения 01.02.2022).
10. Businesswire.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.businesswire.com/>. (дата обращения 01.02.2022).
11. Buzzfeednews.com. [Электронный ресурс]. URL:<http://buzzfeednews.com/>. (дата обращения 03.03.2022).
12. Cbc.ca. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.cbc.ca/>. (дата обращения 15.03.2022).
13. Chicagotribune.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.chicagotribune.com/> (дата обращения 03.02.2022).
14. Cnews.ru. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.cnews.ru/>. (дата обращения 03.02.2022).

15. Courierejournal. com. [Электронный ресурс]. URL:<https://courierjournal.com/>. (дата обращения 03.07.2021).
16. Dailystar.co.uk. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailystar.co.uk/>. (дата обращения 03.02.2022).
17. Europaplus.ru. [Электронный ресурс]. URL:<https://europaplus.ru/>. (дата обращения 03.02.2022).
18. Foxnews.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://foxnews.com/>. (дата обращения 03.07.2021).
19. Fox2detroit.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.fox2detroit.com/>. (дата обращения 03.07.2021).
20. Foxbnow.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.foxbnow.com/>. (дата обращения 03.07.2021).
21. Forbes.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.forbes.com/>. (дата обращения 03.07.2021).
22. Fpa.es. [Электронный ресурс]. URL:<https://fpa.es/>. (дата обращения 03.07.2021).
23. Ft.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.ft.com/>. (дата обращения 03.07.2021).
24. Gazeta.ru. [Электронный ресурс]. URL:gazeta.ru/. (дата обращения 03.02.2023).
25. Hollywoodreporter.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://hollywoodreporter.com/>. (дата обращения 03.02.2022).
26. Insider.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insider.com/>. (дата обращения 03.02.2022).
27. Keranews.org. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.keranews.org/>. (дата обращения 03.05.2022).
28. Kotaku.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://kotaku.com/>. (дата обращения 03.05.2022).
29. Livingcities.org. [Электронный ресурс]. URL:<https://livingcities.org/>. (дата обращения 03.05.2022)

30. Mirror.co.uk. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.mirror.co.uk/>. (дата обращения 03.07.2021).
31. Mashable.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://mashable.com/>. (дата обращения 03.07.2021).
32. Medicalxpress.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://medicalxpress.com>. (дата обращения 26.05.2022)
33. Medicin.net. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.medicinenet.com/>. (дата обращения 03.02.2023).
34. Mercurynews.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.mercurynews.com/>. (дата обращения 26.05.2022)
35. Metro.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://metro.co.uk/>. (дата обращения 08.07.2022).
36. Missouriindependent.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://missouriindependent.com/>. (дата обращения 08.07.2022).
37. Nbcnews.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbcnews.com/>. (дата обращения 13.05.2022)
38. Newcastleherald.com.au. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.newcastleherald.com.au/>. (дата обращения 13.05.2022)
39. Newsletter.co.uk. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.newsletter.co.uk/>. (дата обращения 03.08.2022).
40. Nj.com <https://www.nj.com/>. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.nj.com/>. (дата обращения 28.07.2022).
41. Nj1015.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://nj1015.com/>. (дата обращения 28.07.2022).
42. NRSVBibles.org. [Электронный ресурс]. URL:<https://nrsvbibles.org/>. (дата обращения 03.02.2021).
43. Noble, Kenneth B. "Issue of Racism Erupts in Simpson Trial". The New York Times. (January 14, 1995). Retrieved February 2, 2021. (дата обращения 13.02.2023).
44. Nowch.cap.ru. [Электронный ресурс]. URL:<https://nowch.cap.ru/>. (дата обращения 13.02.2023).

45. Npr.org. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.npr.org/>. (дата обращения 03.02.2021).

46. Nydailynews.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.nydailynews.com/>. (дата обращения 03.02.2021).

47. NYtimes.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://nytimes.com/>. (дата обращения 03.07.2021).

48. Nydailynews.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.nydailynews.com/>. (дата обращения 03.07.2021).

49. News.sky.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://news.sky.com/>. (дата обращения 03.07.2021).

50. Ontheissues.org. URL:<http://www.ontheissues.org/> [Электронный ресурс]. (дата обращения 03.07.2021).

51. Ohionewstime.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://ohionewstime.com/>. (дата обращения 06.02.2022).

52. Onlineathens.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.onlineathens.com/>. (дата обращения 06.02.2022).

53. Oregonlive.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.oregonlive.com/>. (дата обращения 06.02.2022).

54. Outsports.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.outsports.com/>. (дата обращения 06.02.2022).

55. Pinterest.ru. [Электронный ресурс]. URL:<https://pinterest.ru/>. (дата обращения 03.02.2022).

56. Pressherald.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.pressherald.com/>. (дата обращения 03.02.2022).

57. Politico.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.politico.com/>. (дата обращения 03.02.2022).

58. Ria.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ria.ru/>. (дата обращения 03.02.2023).

59. Rollingstone.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.rollingstone.com/>. (дата обращения 03.02.2022).

60. Study-english.info. [Электронный ресурс]. URL:<https://study-english.info/>. (дата обращения 03.02.2022).

61. Sanantonio-report.org. [Электронный ресурс]. URL:<https://sanantonio-report.org/>. (дата обращения 03.02.2022).

62. Syrett, Kristen. 2020. The language of racism: Why it's time to get rid of master bedroom, cake walk, grandfather clause. URL: <https://www.wbur.org/hereandnow/2020/07/23/language-racism-enslavement> (дата обращения 03.02.2022).

63. Tass.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tass.ru/>. (дата обращения 03.02.2023).

64. The Guardian. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.theguardian.com/>. (дата обращения 03.02.2022).

65. Theglobeandmail.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.theglobeandmail.com/>. (дата обращения 03.02.2022).

66. The Independent.ca. [Электронный ресурс]. URL:<https://theindependent.ca/>. (дата обращения 03.02.2022).

67. The New York Times. "Welcomed Mexican Invasion – Thousands of Families Crossing the Border to Till the Soil and Otherwise Build Up the Southwest". section 8, page 6. In the Laredo district alone, a speaker at a business men's dinner recently estimated that between 10,000 and 15,000 of these 'wetbacks,' as they are called because of their method of entry, had crossed into Texas in that time. section 8, page 6. (дата обращения 03.02.2022).

68. Timesunion.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.timesunion.com/>. (дата обращения 03.02.2022).

69. Trud.ru. [Электронный ресурс]. URL:<https://trud.ru/>. (дата обращения 03.02.2022).

70. Twitter. com. [Электронный ресурс]. URL:<https://twitter.com>. (дата обращения 03.02.2022).

71. U.S. Census Bureau interactive form, Question 9. Accessed 7 January 2010. Archived 8 January 2010 at the Wayback Machine CBS New York Local News.

Accessed 7 January 2010. Archived 9 January 2010 at the Wayback Machine. (дата обращения 09.02.2022).

72. Usmagazine.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.usmagazine.com/>. (дата обращения 09.02.2022).

73. Vanityfair.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.vanityfair.com/>. (дата обращения 03.09.2022).

74. Voanews.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.voanews.com/>. (дата обращения 03.09.2022).

75. Vox. com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.vox.com/>. (дата обращения 03.02.2022).

76. Washingtonpost.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.washingtonpost.com/>. (дата обращения 03.02.2022)

77. Wwd.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://wwd.com/>. (дата обращения 04.08.2022)

78. Yahoo.com. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.yahoo.com/>. (дата обращения 04.08.2022)

Таблица 6. Этапы лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе

<p>1 этап. Возникновение лексической единицы в речи и в медиадискурсе</p>	<p>2 этап. Изменение коннотативного компонента лексической единицы под влиянием социокультурных и социоэкономических факторов – дискриминационно маркированный (Д) / недискриминационно маркированный (Н)</p>		<p>3 этап. Возникновение лингвопрагматической оппозиции дискриминационно маркированных языковых средств / 4 этап. Устойчивое функционирование лингвопрагматической оппозиции дискриминационно маркированных лексических единиц в повседневной речи и медиадискурсе</p>		<p>5 этап: Динамическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств</p>	
<p>Оригинал / Перевод / Коннотационный компонент / оппозиция / нейтрализация</p>	<p>Оригинал / Перевод / Коннотационный компонент / оппозиция / нейтрализация</p>	<p>Оригинал / Перевод / Коннотационный компонент / оппозиция / нейтрализация</p>	<p>Оригинал / Перевод / Коннотационный компонент / оппозиция / нейтрализация</p>	<p>Оригинал / Перевод / Коннотационный компонент / оппозиция / нейтрализация</p>	<p>Оригинал / Перевод / Коннотационный компонент / оппозиция / нейтрализация</p>	<p>Оригинал / Перевод / Коннотационный компонент / оппозиция / нейтрализация</p>

Negros / чернокожие / Н / нет / нет	Black / Люди с черным цветом кожи, чернокожие, «черные» / Н / есть / нет	Negger, nigger, nigga / ниггер, негр / Д / есть / есть	Afro – American / Афро – американцы, американцы африканского происхождения / Н / есть / есть	Negger, nigger, nigga, Black / ниггер, негр / Д / есть / есть	Americans, citizens of the USA / американцы / граждане Америки / Н / есть / есть	N-word / слово на букву «н» / Н/ есть / есть (радикальные проявления)
Mexicanos / мексиканцы / Н / нет / нет	Mexicanos / мексиканцы / Н / есть / нет	Mexicanos, colored / мексикашки, «цветные» / Д / есть / есть	Mexican Americans/ американцы мексиканского происхождения / Н / есть / есть	Wetback/ дословно «мокрые спины» / Д / есть / есть	Americans, citizens of the USA/ американцы, граждане Америки / Н / есть / есть	W-word/ слово на букву «в» / Н/ есть / есть (радикальные проявления)
Indians, American Indians/ индейцы / Н / нет / нет	Red / Люди с красным цветом кожи / Н / есть / нет	Red / «краснокожие» / Д / есть / есть	Native Americans/ коренные американцы / Н / есть / есть		indigenous people/ коренное население / Н / есть / есть	
Азербайджанцы, граждане Кавказских Республик / Н / нет / нет	Азера / Н / есть / есть	Азера / Д / есть / есть	Азербайджанцы, азера / Н / есть / есть	Хач, грач, черный / Д / есть / есть	Выходцы с Кавказа / Н / есть / есть	

Армяне, граждане Кавказских Республик / Н / нет / нет	Ара / Н / есть / нет	Ара / Д / есть / есть	Армяне, ара / Н / есть / есть	Хач, грач, черный / Д / есть / есть	Выходцы с Кавказа / Н / есть / есть	
Чеченцы / Н / нет / нет	Чечен / Н / есть / нет	Чечен / Д / есть / есть	Чечен / Н / есть / есть	Чех, хач, грач, черный / Д / есть / есть	Россияне из Чечни / Н / есть / есть	
Таджики, жители Средней Азии / Н / нет / нет	Таджики / Н / есть / нет	Чурки / Д / есть / нет	Чурки / Н / есть / есть	Чурки / Д / есть / есть	Граждане Таджикистана	

Узбеки, жители Средней Азии / Н / нет /нет	Узбеки / Н / есть / нет	Урюки, чурки / Д / есть / нет	Урюки, чурки / Н /есть / есть	Чурки / Д / есть / есть	Граждане Узбекистана	
the retarded/ умственно-отсталые / Н / нет / нет	the mentally handicapped, learning disabled / с ограниченными умственными способностями / Н / есть / нет	the retarded / больной, дебилный / Д / есть / есть	people with learning difficulties / испытывающие затруднения в обучении, испытывающие трудности в усвоении материала / Н / есть / есть	the retarded / больной, дебилный / Д / есть / есть	mentally challenged, special / отличающиеся умственно от других, особенные (о детях) / Н / есть / есть	R-word / слово на букву «р» / Н/ есть / есть (радикальны е проявления) (радикальны е проявления)

the disabled/ the impaired / инвалиды / Н / нет / нет	physically different / обладающие иными физическими возможностями / Н / есть / нет	the handicapped/ the disabled / the impaired / неполноценные / / Д / есть / есть	people with disabilities/ с ограниченными физическими возможностям / Н / есть / есть	the handicapped / the disabled/ the impaired / неполноцен ные/ инвалиды / Д / есть / есть	physically challenged/ обладающие иными физическими возможностями differently abled/ с иными возможностями / Н / есть / есть	
умственно-отсталые / Н / нет / нет	С ограниченными умственными способностями / Н / есть / нет	больной, дебильный / Д / есть / есть	испытывающие затруднения в обучении, испытывающие трудности в усвоении материала / Н / есть / есть	больной, дебильный / Д / есть / есть	отличающиеся умственно от других, особенные (о детях) / Н / есть / есть	
инвалиды / Н / нет / нет	/обладающие иными физическими возможностями / Н / есть / нет	неполноценные / / Д / есть / есть	с ограниченными физическими возможностям / Н / есть / есть	неполноцен ные/ инвалиды / Д / есть / есть	Инклюзивные люди, маломобильны е группы населения / Н / есть / есть	

deaf / глухие / Н / нет / нет	deafened / с ограниченным слухом / Н / есть / нет	impaired / неполноценные , инвалиды по слуху / Д / есть / есть	deafened / с ограниченным слухом / Н / есть / есть	impaired / неполноцен ные, инвалиды по слуху / Д / есть / есть	aurally inconvenienced /дословно- находящийся в неудобном положении в отношении слуха / Н / есть / есть	
bald / лысый / Н / нет / нет	hairless / без волос / Н / есть / нет	bald / лысый/ отрицательная / Д / есть / есть	hair disadvantaged / с недостатком волос / Н / есть / есть	bald / лысый / Д / есть / есть	follicularly challenged/ фолликулярная недостаточност ь/ Н / есть / есть	
nearsighted / farsighted близорукий / дальнозоркий / Н / нет / нет	purblind / подслеповатый / Н / есть / нет	nearsighted / farsighted / слепой как крот/ / Д / есть / есть	optically challenged / слабовидящий / Н / есть / есть	nearsighted / farsighted / слепой как крот / Д / есть / есть	optically inconvenienced / Дословно - находящийся в неудобном положении в отношении зрения/ Н / есть / есть	
dumb/ немой / Н / нет / нет	unable to speak /	dumb/ немой / /	speech impaired	dumb/	speech	

	неспособный говорить / Н / есть / нет	Д / есть / есть	неполноценные , инвалиды по слуху / Н / есть / есть	немой / Д / есть / есть	disorders/ расстройства речи / Н / есть / есть	
blind / слепой / Н / нет / нет	unseeing/ невидящий / Н / есть / нет	blind/ слепой / Д / есть / есть	destitute of vision/ лишенный зрения / Н / есть / есть	blind/ слепой / Д / есть / есть	visually challenged / Дословно - находящийся в неудобном положении в отношении зрения. / Н / есть / есть	
Старый / Н / нет / нет	Пожилой / Н / есть / нет	Старый / Д / есть / есть	Пожилой / Н / есть / есть	Старый / Д / есть / есть	Элегантный возраст / Н / есть / есть	
Бедный / Н / нет / нет	С низким доходом / Н / есть / нет	Бедный / Д / нет / нет	С низким доходом / Н / есть / нет	Бедный / Д / нет / нет	Социально незащищенный / Н / есть / есть /	
Толстый / Н / нет / нет	Полный, большой / Н / есть / нет	Толстый / Д / нет / нет	Полный, большой / Н / есть / есть	Толстый / Д / нет / нет	С формами (о женщинах); Большой, крупный (о мужчинах)	